

ДЖЕННИ НИММО

Чарли Бон

ЗЕРКАЛЬНЫЙ ЗАМОК

А З Б У К А - К Л А С С И К А

Annotation

В академии Блура начался новый учебный год, и Чарли Бон опять оказался в водовороте приключений. А вместе с ним и его одаренные друзья: повелитель бурь Танкред, заклинатель духов Лизандр, медиум Габриэль, девочка-птица Эмма. На этот раз Чарли и его компания сталкиваются с несколькими загадками сразу — ребят преследует грозный призрак белой лошади, их общая подружка, неунывающая актриса Оливия вдруг начинает вести себя непонятно, а еще надо каким-то образом проникнуть в тайну Зеркального замка и спасти сироту Билли Грифа. Правда, у Чарли появляется новый друг — добрая фея из волшебного цветочного магазина. Но и это еще не все: Чарли уверен, что он, как никогда, близок к тому, чтобы найти своего пропавшего отца.

- [Дженни Ниммо](#)
 - [ПОТОМКИ АЛОГО КОРОЛЯ, ИЛИ ОДАРЕННЫЕ](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)

- [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
-

Дженни Ниммо
«Зеркальный замок»

ПОТОМКИ АЛОГО КОРОЛЯ, ИЛИ ОДАРЕННЫЕ

ВСЕ ОДАРЕННЫЕ ВЕДУТ СВОЙ РОД ОТ АЛОГО КОРОЛЯ И ЕГО ДЕСЯТИ ОТПРЫСКОВ. АЛЫЙ КОРОЛЬ БЫЛ АФРИКАНСКИМ ПРАВИТЕЛЕМ-ЧАРОДЕЕМ, КОТОРЫЙ УЕХАЛ ИЗ АФРИКИ В ДВЕНАДЦАТОМ ВЕКЕ В СОПРОВОЖДЕНИИ ТРЕХ ВЕРНЫХ ЛЕОПАРДОВ.

Манфред Блур — староста академии Блура, сын директора. Владеет даром гипноза. Потомок Борлата — жестокого тирана, старшего сына Алого короля.

Аза Пик — оборотень. Ведет свой род от племени дикарей, обитавших в северных лесах и державших странных животных. На закате Аза умеет превращаться в дикое волкоподобное существо.

Билли Гриф — понимает язык животных и птиц. Один из его предков беседовал с грифами, которые сидели на виселицах и питались мертвецами. За этот дар его изгнали из родной деревни.

Лизандр Вед — родом из племени африканских мудрецов. Умеет общаться с духами умерших и особенно своих предков-ведунов.

Танкред Торссон — повелевает бурями. Его скандинавские предки получили свою фамилию от имени бога-громовержца Тора. Танкред умеет вызывать бурю, гром, молнии, ветер и дождь.

Габриэль Муар — наделен даром ощущать переживания владельцев той или иной вещи, особенно одежды. Происходит из рода медиумов.

Эмма Толли — умеет летать. Фамилия ее происходит от испанского рыцаря из города Толедо, чья дочь стала женой Алого короля. Таким образом, толедский рыцарь — общий предок всех одаренных детей.

Чарли Бон — обладает даром слышать голоса людей, изображенных на картинах и фотографиях. Происходит из рода Юбимов, богато одаренного разнообразными магическими способностями.

Доркас Мор — умеет заколдовывать одежду. Среди ее предков — бессердечная Лола Дефарж, которая в 1793 году во время революции

во Франции с удовольствием наблюдая, как везут на гильотину королеву Марию-Антуанетту, вязала шаль.

Идит и Инез Бранко — близнецы, владеющие даром телекинеза. Дальние родственницы Зелды Добински, которая в академии Блура больше не учится.

Джошуа Тилтин — наделен даром магнетизма, то есть способностью притягивать людей и предметы. Пока что его происхождение неведомо даже Блурам, поскольку Джошуа в один прекрасный день просто пришел к дверям академии и объявил, что будет здесь учиться. Деньги за его обучение вносит неизвестное лицо через частный банк.

ПРОЛОГ

Алый король и его супруга ехали верхом вдоль кромки берега моря. Стояла осень, но в холодном ветре уже чувствовалось дыхание зимы. Спускались сумерки, на небе сгущались вечерние облака, и лучи закатного солнца пробивались сквозь них слепящими лезвиями света.

Королевская чета уже направила, было лошадей в сторону дома, но внезапно королева натянула вожжи и, застыв, как конная статуя, стала пристально всматриваться в горизонт. Король проследил за ее взглядом, и взору его предстал остров удивительной красоты. Его берега в лучах солнца переливались всеми мыслимыми оттенками синего цвета.

Из груди королевы почему-то вырвался то ли вздох, то ли приглушенный стон ужаса.

— Что с тобой, любовь моя? — встревожился Алый король.

— Дети... — еле слышно прошептала королева.

Когда дело касалось их детей, материнское чутье неизменно оказывалось стократ сильнее отцовского. И вот в тот самый миг, когда королева увидела в морской дали остров с синими берегами, ледяная рука страшного предчувствия сжала ей сердце.

Но о котором из наших девяти отпрысков ты беспокоишься? — спросил Алый король.

— Ах, я и сама не знаю, мой повелитель, — ответила королева.

И они повернули домой. Но когда, подъезжая к Алому замку, королева увидела своих сыновей, Борлата и Амадиса, на нее тотчас снизошло ужасное озарение. Перед глазами королевы встал остров с синими берегами, пожираемый пожаром, весь в клубах черного дыма, и земля, которая обращается в пепел. А потом она увидела, как из пепла и снежных вихрей вздымается сверкающий замок с зеркальными стенами, и, проникнув очами души за эти стены, королева узрела маленького мальчика с волосами белее снега, который выбрался из колодца и закрыл глаза, сдаваясь в плен смерти, окружавшей его со всех сторон.

— Наш долг — сделать так, чтобы наши дети никогда не видели этот остров, — обратилась она к королю, — и чтобы никогда нога их

не ступала на эти зачарованные синие берега.

Король поклялся, что сделает все возможное, дабы исполнить ее просьбу. Но меньше чем через год королеве предстояло умереть, а королю, раздавленному горем, — покинуть Алый замок и своих детей. Королева умерла через девять дней после того, как родила дочку, Аморет, — десятого своего ребенка. И эту маленькую девочку некому было защитить.

Глава 1

РОКОВОЕ «АПЧХИ»

На окраине города под звездным ночным небом молчаливой, темной громадой высилась академия Блура. Завтра по истертым каменным ступеням поднимутся три сотни детей, испуганно понизив голос до шепота, пройдут через мощный двор и скроются за массивными дубовыми дверями. Но пока что в академии царила тишина. Казалось, здесь нет ни единой живой души.

Однако случись вам проникнуть в сад, располагавшийся за академией, вы непременно заметили бы, что в окнах верхнего этажа — маленьких окошках под самой крышей — то и дело мигают какие-то странные огоньки. А уж если бы вам каким-то чудом удалось заглянуть в одно из этих окошек, вы увидели бы древнего-предревнего старика, Иезекииля Блура, который перемещался по комнате на инвалидном кресле, таком же старом, как и сам Иезекииль. Что касается самой комнаты... о, тут было на что посмотреть!

Старый Иезекииль предпочитал важно называть эту комнату «моя лаборатория». Лаборатория представляла собой вытянутое чердачное помещение с низким покатым потолком и могучими закопченными балками. Под колесами инвалидной коляски поскрипывали рассохшиеся от старости половицы. Лаборатория была заставлена разномастными столиками, а на них в беспорядке теснились склянки, флаконы, реторты, колбы, высились стопки книг, щетинившихся закладками. Под потолком висели связки сушеных трав, белели какие-то кости, поблескивало оружие, а вдоль стен громоздились запыленные шкафы, забитые разными разностями, и казалось, что достаточно неосторожного шага — и они рухнут прямо на вас.

Стоило сквозняку пролететь по лаборатории, как оружие под потолком зловеще позвякивало, а сушеные травы начинали с шорохом перешептываться. Вот и сейчас, когда старик в своей коляске покатулся по комнате, под потолком раздались звяканье и шорох.

В центре лаборатории, возле стола на козлах, стоял праправнук Иезекииля, Манфред Блур. За лето он вытянулся и повзрослел; прадед гордился тем, что, окончив академию, Манфред не поехал в колледж,

как другие выпускники, а предпочел работать у него, Иезекииля, в подручных. Правда, несмотря на высокий рост, Манфред так и остался тощим юнцом с нездоровым цветом лица — одни кости да прыщи.

Сейчас Манфред сосредоточенно хмурился, раскладывая перед собой на столе выбеленные временем кости какого-то крупного животного. Прямо над столом свисал железный светильник с семью газовыми рожками, которые испускали синеватый свет и издавали едва слышное шипение. Манфред посмотрел на прадеда и, раздраженно выдохнув сквозь зубы, воскликнул:

— Нет, не могу! Терпеть не могу паззлы.

— Это не паззл! — отрезал старик. — Это кости Гамарана, боевого коня, мощного и отважного.

— Ну и что? — огрызнулся Манфред. — Каким, таким образом, кучка обглоданных мослов вернет к жизни нашего предка? — Он мрачно и недоверчиво посмотрел на прадеда, и тот сразу потупил глаза. Иезекиилю вовсе не хотелось попасть под гипноз собственного правнука.

Не отрывая взгляда от лошадиных костей, старик подкатил свою коляску ближе к столу. Иезекиилю Блуру исполнился сто один год, а на вид и все двести. Он больше походил на обтянутый пергаментной кожей скелет, чем на человека. Голова у него была как череп, последние зубы — черные, а редкие пряди волос, свисавшие из-под черной бархатной ермолки на лоб, — желтовато-седые. Живыми у Иезекииля оставались только черные глаза, в которых горела неукротимая злоба, честолубие и адское коварство.

— Материала у нас предостаточно. — Иезекииль обвел костлявым пальцем разложенные на столе кольчугу, шлем, черный меховой плащ и золотую пряжку от плаща. — Все это принадлежало Борлату. Мой дед отыскал эти вещи в замке, в склепе, они были упрятаны в кожаный мешок. Скелета не нашли, к сожалению. Не иначе, крысы постарались. — Пальцы старика погладили черный мех плаща едва ли не ласково, как живое существо.

Принц Борлат был его кумиром еще в детстве: грозный, жестокий воитель воспламенял воображение Иезекииля. Со временем Иезекииль убедил себя в том, что, случись Борлату воскреснуть, тот исцелил бы его от болезни. Иезекииль так и видел, как с грохотом отшвыривает инвалидную коляску и как они с Борлатом наводят ужас на город. Да,

будь Борлат жив, это многое бы изменило. И наглому щенку Чарли Бону вместе с его бунтарем-дядюшкой пришлось бы туго!

— А как насчет разряда тока? — хмуро поинтересовался Манфред, косясь на шипящие газовые рожки. — Здесь ведь и электричества-то нет, а без него ничего не выйдет, оно не оживет.

— А, вот ты о чем! — Иезекииль небрежно отмахнулся, затем подкатил коляску к одному из столиков и показал Манфреду какую-то жестянку с торчащими из нее двумя зубчиками. Старик повернул ручку на боку жестянки, и между зубчиками проскочила ослепительно синяя искра. — Вот тебе и ток! — довольно объявил старик. — Давай пошевеливайся. Завтра начинается четверть, а нам совсем ни к чему, чтобы кто-нибудь из этих недорослей пронюхал про наш маленький, скромный эксперимент.

— Особенно Чарли Бон. — Манфред понимающе закивал.

— Ха! Чарли Бон! — как плюнул Иезекииль. — Его бабка обещала, что от парня нам будет прок, а вышло ровно наоборот, он только палки в колеса сует. В прошлом году я, было, подумал, что удалось переманить его на нашу сторону, а он как начал ныть про своего папочку, как начал винить во всем меня!

— Что, в сущности, было чистой правдой, — пробурчал Манфред себе под нос, чтобы прадед его не расслышал.

— Только подумать, чего мы могли бы добиться с помощью его дара! — продолжал Иезекииль. — Мальчишка смотрит на фотографию или там картину — и, аллеоп, он уже внутри, запросто разговаривает с давно умершими людьми. — Старик затряс головой. — А все потому, что унаследовал кровь того страшного валлийского чародея. И волшебную палочку тоже.

— Насчет палочки у меня свои планы, — негромко произнес Манфред. — Вот увидите, скоро она будет у меня в руках.

— Да что ты говоришь? — хохотнул старик, с трудом разворачивая кресло.

Манфред сосредоточенно склеивал между собой лошадиные кости, не поднимая глаз: работа была тонкая.

Иезекииль устроился в дальнем темном углу лаборатории и задумался. Мысли его обратились к Билли Грифу, маленькому очкастому сироте-альбиносу, который раньше прилежно шпионил за Чарли Боном, но в последнее время что-то заупрямился и отказывался

доносить о планах Чарли и его компании. Иезекииль насупился: не хватало еще, чтобы ученики академии вышли из-под контроля! Нужно быть в курсе всех их затей, иначе... Да, требуются меры, на Билли надо как-то надавить.

— Родители, — сказал себе Иезекииль, — придется подыскать ему приемных родителей, и сопляк станет как шелковый. Я ведь когда-то обещал ему, но слова не сдержал, вот он теперь и уперся. Отлично, подберем ему славных и добрых папу-маму.

— Только не слишком добрых, — вмешался Манфред, который прекрасно слышал, как прадед разговаривает сам с собой.

— Об этом не волнуйся, у меня есть на примете подходящие люди. Сам не знаю, отчего не вспомнил о них раньше. — Иезекииль прислушался. — А, превосходно, помощь на подходе. В самом деле, в коридоре послышались шаги; через несколько мгновений дверь открылась, и в лабораторию вошли три женщины. Первой — старшая из теток Чарли Бона, сестра Гризелды Бон, седовласая, с прической *кукишем*, пристальным взглядом темных глаз, вся в черном. Это была Лукреция Юбим, главная школьная надзирательница, внушавшая трепет ученикам.

— Я привела сестер, — объявила она Иезекиилю. — Ты ведь сказал, что нуждаешься в помощи.

— Почему же вас только трое? — спросил старик. — Где Гризелда?

— На нее теперь лучше не рассчитывать и ничего ей не рассказывать — так безопаснее, — сказала средняя из сестер, ясновидящая Юстасия, — ведь Гризелде приходится жить под одной крышей с этим ужасным Патонем и мальчишкой. Она может проболтаться — ненароком, конечно.

Юстасия подошла к столу и обвела его пристальным взглядом таких же маленьких черных глазок, что и у Лукреции. Сестры вообще были очень похожи, разве что седина в прическе у Юстасии пока лишь поблескивала отдельными прядями. Рассмотрев лошадиные кости, Юстасия оскалилась в усмешке.

— Так вот что ты задумал, старый прохвост! Кого воскрешаем?

— Моего великого предка, принца Борлата, — надменно вздернув подбородок, ответил Иезекииль. — Величайшего из отпрысков Алого короля, а также мудрейшего, сильнейшего и самого воинственного.

— Скорее, самого коварного и кровожадного, — язвительно уточнила третья сестра, Венеция, водружая прямо на стол большую кожаную сумку.

Выглядела она скверно, особенно по сравнению с Юстасией и Лукрецией: растрепанная, неухоженная, с кругами под глазами, в пальто с чужого плеча, в заношенной, посеревшей блузке. Трудно было узнать в ней подтянутую даму, которая раньше щеголяла в красных туфлях и элегантных нарядах. Сестры, судя по всему, не особенно помогали ей после памятного пожара, оставившего от дома Венеции одни головешки.

— Венеция давно ждет, когда подвернется случай отомстить Чарли за пожар, — пояснила Юстасия.

— Разве дом спалил он? Я думал, ваш братец Патон! — вставил Манфред.

— Поджег действительно Патон, — резко сказала Венеция, — но виноват все равно этот юный поганец, и я хочу, чтобы он сдох, и смерть его была долгой! Пусть как следует помучается!

— Успокойся, Венеция, — велел Иезекииль, дергая ее за подол, — мальчишка нужен нам живым, еще пригодится.

— Да какая от него польза? — прошипела Венеция. — Вы хоть представляете себе, что такое потерять дом и все имущество? Все, что я нажила, сгорело дотла!

Иезекииль в сердцах стукнул по столу кулаком.

— Довольно, женщина! — рявкнул он. — Прекратить истерику! Хватить бить на жалость, мы и так все знаем. А Чарли пригодится: я мог бы заставить его перенести меня в прошлое. И тогда я изменил бы историю. Подумайте, какие возможности это дает!

— Историю изменить невозможно, — возразил Манфред.

— А ты откуда знаешь? — огрызнулся Иезекииль. — Никто не пробовал!

Возражать вспыльчивому старику и напоминать, что такие попытки уже были и кончились они крахом, никто не посмел. Венеция кусала губы и злобно шурилась, все еще не в силах расстаться со сладкой мыслью о мести. Ничего, ее час еще настанет, и с Чарли Боном будет покончено.

Неловкое молчание нарушила Лукреция.

— А почему лошадь? — недоуменно спросила она.

— Почему-почему, потому что нашлись ее кости, — свысока объяснил Иезекииль. — Это не просто какая-то там кляча, это Гамаран, могучий боевой конь. Согласно легендам, в свое время он внушал ужас. А уж всадник на таком коне тем более напугает кого угодно. Что скажете?

Присутствующие закивали и поддакнули.

— Мы так запугаем мальчишку, что от него можно будет добиться чего угодно! — победоносно заявил Иезекииль.

— А как вы собираетесь управлять этим... чудищем? — Грязный палец Венеции уперся в лошадиные кости.

Это был тот самый вопрос, которого Иезекииль боялся больше всего, поскольку достойного и веского ответа у него в запасе не имелось. Однако виду старик не подал.

— Борлат — мой предок, — самоуверенно заявил Иезекииль, — так почему бы одному отпрыску королевского рода не помочь другому? Как-нибудь столкнемся. Пока что об этом говорить рано, для начала лошадь надо собрать и оживить, хе-хе-хе!

Лукреция устроилась в поеденном молью кресле, а ее сестры принялись споро распаковывать сумку. На столе выстроились склянки с разноцветными жидкостями, какие-то серебряные щипчики и лопаточки, посверкивающие кусочки кварца, мешочки с травами. Под конец появились ступка, пестик черного мрамора и пять свечей. Иезекииль нетерпеливо наблюдал за приготовлениями, как голодный следит за сервировкой стола.

Прошел час, и на столе возникла часть лошадиного скелета — ноги и хребет. Кольчугу Борлата намазали каким-то вонючим снадобьем, а на черный меховой плащ ровным слоем рассыпали семена некоего таинственного растения. Пять свечей расставили в строго определенном порядке — одну поместили над шлемом, по одной — на конце кольчужных рукавов, а еще две — вместо недостававших передних копыт Гамарана.

Венеция работала как заведенная, не скрывая удовольствия, — только руки мелькали. Что за счастье было наконец-то вновь дорваться до злых чар! Она погладила черный мех, и по нему с легким треском пробежали искры.

— Ну как, все готово? — спросила она.

— Осталось еще кое-что. — С хитрой улыбкой Иезекииль запустил руку под плед, укрывавший его колени, и вытащил маленькую золотую шкатулку, на крышке которой крупными рубинами было выложено алое сердце. Драгоценные камни так и сверкали в огоньках свечей. — Сердце! — От волнения в горле старика забулькало. — Аза, оборотень, нашел его в руинах. Он же всегда шляется там по ночам, роет землю и вынюхивает, как шелудивый пес, вот и наткнулся. Сначала, говорит, нашел надгробие с буквой «Б», потом стал копать и выкопал вот это. — Иезекииль постучал ногтем по золотой крышке.

— Но почему шкатулка была не в могиле? — спросила Лукреция.

— Почему? — Старик зашелся хриплым кашлем. — Возможно, из соображений секретности. Но сердце *его*, я уверен. Из всех детей Алого короля только у Борлата имя начиналось на «Б».

Иезекииль откинул крышку шкатулки, и все ахнули: внутри был какой-то туго набитый кожаный мешочек, и по форме он действительно напоминал сердце.

— Что, теперь убедились? — торжествующе спросил старик. — Это оно и есть. А сейчас за дело!

С этими словами он бережно извлек сердце из шкатулки и, повозившись, прикрепил его к кольчуге слева проволокой от генератора электричества, который демонстрировал Манфреду чуть раньше.

Когда Иезекииль начал вращать ручку генератора, все присутствующие замерли. Глаза старика горели, ручка крутилась все быстрее и быстрее. Вот по проводам пробежала искра — прямым к сердцу Борлата. Из груди Иезекииля вырывалось какое-то нечленораздельное победоносное уханье. Трем сестрам тоже хотелось завопить от радости, но старик сделал им знак молчать, и они не посмели даже рта раскрыть.

Долгожданный миг настал.

Лошадиные кости зашевелились.

Старик и сестры Юбим так пристально уставились на стол с лошадиным скелетом, что напрочь забыли про Манфреда, а он между тем вытащил носовой платок и прижал к носу. Он весь побагровел, пытаясь сдержаться, но было поздно.

— АПЧХИ!

Иезекииль подскочил как ужаленный. Увидев, что Манфред вот-вот чихнет еще раз, старик сделал такое движение, будто хотел его задушить, но не сумел подняться с кресла. Лицо у Манфреда сморщилось, и лабораторию потряс еще один чих.

— АПЧХИ!

— Нет! — сдавленно вскрикнул Иезекииль и заткнул уши.

Лошадиный скелет застыл. Сестры Юбим в ужасе переводили взгляд с Манфреда на скелет и обратно. От скелета, кольчуги, мехового плаща внезапно повалил зловонный черный дым.

— АПЧХИ!

— Бум!

Не успел Манфред и нос утереть, как в лаборатории прогремел взрыв и все окуталось непроглядной дымовой завесой. Сам Манфред, сестры Юбим и разъяренный Иезекииль отчаянно закашлялись, от едкого дыма у них покатались слезы из глаз. И вдруг над столом возник какой-то гигантский силуэт. Мгновение-другое он парил в воздухе, а потом бесследно пропал в клубах черного дыма. Жирный коротконогий пес, который все это время прятался в дальнем углу лаборатории, взвизгнул от страха, как щенок, и зажмурил глаза.

— Бум!

Последовал еще один взрыв.

— Что случилось? — не выдержав, завопила Лукреция.

— Что-что, этот сопливый идиот чихнул! — провизжал Иезекииль.

— Я нечаянно! — заскулил Манфред. — Это все из-за пыли!

— Что же ты наделал! — напустилась на него Венеция. — Вся работа пошла прахом! Неужели не мог сообразить и пойти чихать в коридор? Такие труды пропали даром!

— Может быть, не все потеряно, — вмешалась Лукреция, — гляньте на стол, кости-то исчезли.

В окно влетел внезапный порыв ледяного ветра, дым на диво быстро рассеялся, и все увидели, что Лукреция права. Скелет Гамарана исчез, но плащ с пряжкой, шлем, и кольчуга Борлата все так же лежали на столе — несмотря на примененное к ним колдовство.

— Проклятие! — Иезекииль стукнул кулаком по столу, да так, что все лежавшие и стоявшие на нем вещи подпрыгнули. — Не сработало!

— То, что было на моей ответственности, сработало, — сквозь зубы сказал Манфред, — видите же, лошадь исчезла. — Для убедительности он показал на здоровенный пролом в стене.

— Молчи, недоумок! — заорал Иезекииль, брызжа слюной. — Моя лаборатория разгромлена, а боевой конь вырвался на свободу! Что теперь будет?!

— Прошу заметить, боевой конь, в груди которого бьется сердце тирана Борлата, — очень тихо и отдельно добавила Венеция. — Посмотрите, сердце-то ведь тоже исчезло.

И точно, там, где к кольчуге был привязан кожаный мешочек, осталась только паленая дыра.

— И что это значит? — спросил Манфред, подняв брови.

— Это и значит, что не все потеряно, — буркнул Иезекииль, — но мне потребуется помощь. А-а, я знаю, кто мне поможет. Есть у меня один добрый знакомец, который сравняет счет...

Все вопросительно посмотрели на старика, дожидаясь дальнейших разъяснений, но Иезекииль умолк и, судя по всему, решил, что больше им знать незачем.

— Вообще-то боевой конь может быть нам полезен, — задумчиво произнесла Венеция, — конечно, при условии, что кто-то сумеет с ним справиться.

Взгляды присутствующих вновь обратились к столу, где совсем недавно белели лошадиные кости. Затем Манфред решительно сказал:

— С животными умеет обращаться Билли Гриф.

А Билли Гриф в это самое мгновение проснулся тремя этажами ниже, в холодной темной спальне. Его разбудил приступ беспричинного ужаса. Мальчик с белыми волосами посмотрел в окно: мирное сияние луны обычно действовало на него успокаивающе. Но сейчас в лунном свете среди рваных облаков проплыла фигура белой лошади — и скрылась.

Глава 2

ПРИЗРАЧНАЯ ЛОШАДЬ

Первого сентября Чарли Бон, запыхавшись, выбежал к завтраку с расческой, застрявшей в густых всклокоченных волосах.

— Ты соображаешь, что делаешь? — спросила бабушка Бон со своего обычного насиженного местечка у плиты. — Мальчик, на кого ты похож?

— На дикобраза? — попробовал отшутиться Чарли. — Я дергал-дергал, а расческа застряла намертво.

— На огородное пугало ты похож, вот на что! — припечатала костлявая старуха. — Приведи себя в человеческий вид. В академии Блур неряхи не в чести.

— Поди, сюда, детка, — участливо подозвала Чарли вторая бабушка, пухленькая и благодушная Мейзи. Она отставила чашку чая и, когда Чарли нагнулся к ней, со всей силы дернула расческу.

— Ай! — вырвалось у мальчика, и было отчего: расческа покинула его шевелюру вместе с клоком волос. — Больно же! — со слезой в голосе возмутился Чарли.

— Прости, лапка, но иначе было никак.

— Ладно уж... — Чарли с кряхтением потер пострадавшее место, потом сел за стол, насыпал себе тарелку хлопьев, полил молоком и основательно посыпал сахаром.

— Не копайся, времени у тебя в обрез. Опоздаешь на школьный автобус, — сказала бабушка Бон. — Доктор Блур во всем любит пунктуальность.

— Ну и что? — с набитым ртом отозвался Чарли.

— А разговаривать с набитым ртом — невоспитанно.

— Да оставьте вы бедного ребенка в покое, Гризелда! — вмешалась Мейзи, вечная заступница. — Пусть поест, как следует. Знаю я, как в этой академии кормят — всю неделю одни помои.

В ответ старуха Бон только фыркнула и принялась за банан. Вид у нее был мрачный — последние три месяца, с тех пор как сгорел дом ее сестрицы Венеции, Гризелда Бон не удостоила окружающий мир ни единой улыбкой.

Чарли быстро запил, хлопья чаем, накинул куртку и помчался в свою комнату, на второй этаж, за сумкой.

— Ой, не забыть бы плащ! — сказал он себе, вспомнив, что форменный синий плащ висит в шкафу. Когда Чарли вытащил его, из кармана на пол сорхнула маленькая фотография. — Бенджамин! — Чарли поднял ее и улыбнулся. — Каково-то тебе сейчас в Гонконге?

На фотографии щуплый мальчик с соломенными волосами обнимал крупного лохматого пса соломенной масти. Чарли их сам и сфотографировал, и было это накануне десятилетия Бенджи. Применять свой дар к этой фотографии смысла не имело: вряд ли она поведала бы ему что-то новое. Но Чарли все равно сосредоточился и, как это часто с ним, бывало, забыл, что люди, изображенные на фотографии, тоже видят его. Так что в этот самый миг Бенджамин Браун, живший с родителями в Гонконге и мирно пивший апельсиновый сок, вдруг увидел на дне стакана лицо Чарли.

Сам Бенджи к дарованию своего друга уже привык, а вот его пес, Спринтер-Боб, — нет, поэтому, когда лицо Чарли вдруг улыбнулось из миски каши в «Зоокафе», пес шарахнулся от нее с воем, от которого лазурный питон, один из обитателей кафе, в панике уполз под шкаф, а хозяйка заведения, Онория Комшарр, уронила блюдо свежих сдобных булочек. И только три кота разной степени рыжести, дремавшие на холодильнике, открыли глаза, лениво зевнули и вновь зажмурились.

Чарли сунул фотографию в карман, плащ запихнул в сумку и помчался в прихожую. Мейзи крикнула ему вслед, чтобы он не забыл что-то взять, но что именно, Чарли не расслышал — он уже неслся по Филберт-стрит к перекрестку, где урчал школьный автобус, готовый тронуться с места. Чарли припустил быстрее. Дверца автобуса отворилась, и из него высунулся круглолицый мальчик с вьющимися волосами и блестящими глазами.

— Водитель уже хотел ехать, говорит, не может ждать, а я увидел, что ты бежишь, и задержал его, — сказал мальчик, принимая у Чарли сумку.

— Спасибо, Фиделио! — горячо откликнулся Чарли, забираясь в автобус.

— Плащ взял? — спросил Фиделио. Чарли со вздохом вытащил плащ из сумки.

— Я его по дороге от дома стараюсь не надевать, — объяснил он, — а то такого наслушаешься — уши вянут. В двадцатом номере живет один вредный шкет, он, как меня в плаще увидит, сразу выскакивает и ну дразниться. Даже стишок сочинил, не поленился: «Синий-синий попугай, прямо к Блуру ты шагай! Чокнутые гении ходят в академию!» Представляешь? Можно подумать, я просился в академию!

— На попугая ты в любом случае не тянешь, — заверил приятеля Фиделио. — Я смотрю, ты сегодня пытался причесаться?

— Ага, пытался. Это только так говорится, что попытка не пытка, а на самом деле... — Чарли страдальчески вздохнул.

Автобус тем временем въехал на мощеную площадь, и Чарли с Фиделио влились в толпу детей, которая, обтекая фонтан с каменными лебедями, как прилив, поднималась по ступеням академии Блура.

Когда над Чарли нависла музыкальная башня, он в который раз задрал голову и посмотрел на ее верхушку. Последнее время это вошло у него в привычку, а почему — мальчик и сам толком не знал. Мама, встречая Чарли из академии на этом самом месте, однажды сказала ему, будто ей померещилось, что кто-то наблюдает за ней с верхнего этажа музыкальной башни, из узеньких окошек. Глянув вверх, Чарли не увидел ничего особенного, но почему-то вздрогнул и поспешил вслед за Фиделио, высматривая в толпе синих, зеленых и фиолетовых плащей Оливию Карусел и Эмму Толли.

Эмму и ее белокурые косы он увидел почти сразу; как и все художники, она была в зеленом. Но девчонка рядом с ней... разве это Оливия? Лицо знакомое, и плащ фиолетовый, как полагается на театральном отделении, но ведь у Оливии всегда грим в сантиметр толщиной и волосы покрашены в какой-нибудь дикий цвет, а эта выглядит обыкновеннее некуда: щеки румяные от старательного умывания, глаза серые, волосы темные.

— Чарли, ну хватит пялиться, это я! — сердито воскликнула девочка.

— Олли? — вырвалось у Чарли. — Ну, тебя не узнать! Что случилось?

— Понимаешь, мне предстоит кинопроба, — гордо объяснила Оливия, — причем на роль маленькой девочки, нужно выглядеть младше, чем на самом деле.

Они поднялись по каменной лестнице и вместе с остальными учениками вошли через массивные бронзовые двери в холл. Как только все очутились в холле и на площади не осталось ни души, Уидон — завхоз, привратник и садовник — тотчас запер двери. Открыться им предстояло лишь в пятницу днем, когда всех, кроме провинившихся, распустят по домам на выходные.

— А что за кино? — понизив голос, спросил Чарли у Оливии.

— Чш-ш-ш! — предостерегающе прошипел кто-то у него над ухом.

Чарли обернулся — и чуть не подпрыгнул при виде бледного лица с черными глазами. Он-то думал, что Манфред Блур в академии уже не учится!

— Надеюсь, Бон, ты помнишь школьный устав наизусть! — рявкнул Манфред.

— Н-н-не совсем, — промямлил напуганный Чарли.

— Давай говори. Что сказано в школьном уставе насчет холла? — Манфред навис над Чарли и вперил в него гипнотический взгляд.

Чарли потупился: сил сопротивляться гипнозу с утра пораньше у него не было.

— Я тебя слушаю, — с нажимом сказал Манфред.

— Э-э... — Чарли напрягся и прочитал правило: — Тишина! Тишина! Тишина царить должна! Упадешь — не смей рыдать! Не кричать и не звать!

Но последнюю строчку он безнадежно забыл.

— Напишешь правило сто раз и принесешь мне в кабинет после ужина! — велел Манфред, злорадно ухмыляясь.

Ничего себе, у него уже кабинет завелся! Мистер Заправила — большой начальник! Но препираться с Манфредом было рискованно, и Чарли покорно сказал:

— Да, Манфред.

— Постыдился бы, Бон, — продолжал распекать его староста. — Уже во втором классе учишься, а такая бестолочь. Какой пример ты подаешь младшим?

— Плохой, — вздохнул Чарли, краем глаза заметив, что Оливия скорчила ему многозначительную гримасу, призывая не испытывать терпение Манфреда. Чарли чуть не хихикнул, но, к счастью, староста

увидел в толпе кого-то без форменного плаща и кинулся на нарушителя, как ястреб на цыпленка.

Оливия тем временем скрылась в театральной раздевалке, откуда раздавался гул голосов. Чарли потерял ее из виду и поспешил в музыкальную раздевалку, над дверью которой висела эмблема — две скрещенные трубы.

Фиделио уже ждал его внутри.

— Уф! — выдохнул Чарли.

— Я тебя понимаю. Сам испугался — думал, что Манфред у нас уже не учится.

— Так и я думал то же самое. Еще радовался: вот, хоть что-то приятное будет в школе — Манфреда не увижу.

Кстати, интересно, в каком качестве он остался в академии и зачем ему кабинет? Раньше-то он числился главным старостой, а теперь? Неужели опять будет шпионить, вынюхивать и гипнозом мучить?

Именно эти вопросы друзья и обсудили по дороге в актовый зал. Первого сентября всех учеников обязательно сгоняли туда — это было единственное достаточно просторное помещение в школе для трехсот детей. А поскольку в прошлом году Чарли начал учиться со второй четверти, то на общем сборе в актовом зале был впервые.

— Ох, я опаздываю! Все, побежал! — Фиделио взглянул на часы. — Мне уже настраиваться надо.

Доктор Солтуэзер, возглавлявший музыкальное отделение, встретил Фиделио строгим прищуром, когда тот взбежал на сцену и влился в ряды оркестрантов. Чарли, хоть и числился на музыкальном, до оркестра не дослужился и теперь с облегчением встал во второй ряд перед сценой, за спиной у Билли Грифа. Беловолосый мальчик с красными глазами за толстыми линзами очков встревоженно обернулся.

— Меня оставили на второй год, — прошептал он Чарли, — уже второй раз!

— Не повезло! — посочувствовал Чарли. — Ну да ведь тебе всего восемь.

Он принялся рассматривать первоклассников. На вид вроде бы все нормальные, но кто знает — возможно, некоторые из них, одаренные, как Билли и он сам, тоже наследники Алого короля.

Остаток дня Чарли рысцой бежал по мрачным переходам и классам академии, приспосабливаясь к новому расписанию уроков, получая учебники и так далее. К тому моменту, когда прозвучал звонок, вернее рожок, на большую перемену, мальчик уже совсем выдохся. Он устало поплелся в столовую, старательно отводя глаза от портретов, развешанных по стенам в коридоре: они имели неприятное обыкновение делать Чарли замечания, пользуясь его способностями. В столовой он пристроился в хвост очереди в синих форменных плащах.

Крепкая кругленькая женщина, стоявшая на раздаче, приветственно подмигнула ему.

— Как дела, Чарли, все в порядке? — спросила она.

— Да, спасибо, только в новом расписании путаюсь, и вообще... — ответил мальчик.

— Ничего, привыкнешь, — утешила его кухарка, которую звали Дара. — Если что, ты знаешь, где меня найти. Горошек тебе положить?

Чарли принял от нее тарелку макарон с сыром и горошком, поблагодарил и отправился на поиски Фиделио. Тот уже занял Чарли место рядом с Билли и Габриэлем Муаром. Габриэль с вытянутым лицом смотрел в тарелку, углы рта у него траурно опустились, длинные темные волосы уныло обвисли.

— Ты чего такой кислый, Габриэль? — поинтересовался Чарли. — Хомячки болеют?

Габриэль поднял на него печальные глаза.

— Я остался без уроков фортепиано. Мистер Пилигрим у нас больше не работает. Ушел, — сообщил он.

— Как ушел? Куда? Почему? — Чарли так расстроился и растерялся, что сам удивился.

— Куда — не знаю, — пожал плечами Габриэль, — но преподаватель он был блестящий. Со странностями, конечно, но... играл потрясающе.

Этого никто не отрицал: виртуозная, хотя и несколько задумчивая игра мистера Пилигрима доносилась с верхушки музыкальной башни целыми днями. Чарли осознал, что ему будет не хватать и музыки, и самого чудака-пианиста с его черной челкой, вечно падающей на глаза, и манерой оцепенело глядеть в пространство.

— Как провел каникулы, Билли? — осторожно спросил у маленького альбиноса Фиделио. Сам-то он сомневался, что можно

проторчать все каникулы взаперти в академии и не спятить, но Билли это удавалось.

— Лучше, чем всегда, — жизнерадостно ответил Билли, — потому что кухарка приютила Босха, как и обещала, а я его навещал каждый день. И Манфред уезжал, так что, в общем, было терпимо, только вот... — На лицо Билли набежала тень. — Только вот вчера ночью... случилось нечто странное.

— Что?

— Я видел в небе лошадь.

— Лошадь? В небе? — удивленно переспросил Фиделио. — Ты имеешь в виду облако, похожее на лошадь?

— Нет, именно лошадь. Я разглядел. Луна светила ярко. — Билли стал сосредоточенно протирать очки рукавом, не сводя глаз с Чарли. — Она возникла за окном, а потом пропала. Белая лошадь.

— Может, это оптическое явление? — предположил Габриэль, который несколько воспрянул духом. — Ну, знаешь, звезды иногда складываются в разные фигуры, иначе, откуда придумали бы разные созвездия?

Билли помотал головой, нацепил очки на нос и уставился в тарелку.

— Говорю вам, это была лошадь! Она возникла прямо за окном, совсем близко. Она еще брыкалась и вставала на дыбы, будто ее стреножили, — вроде как на свободу рвалась. Побрыкалась и исчезла.

— Словно в другой мир перенеслась... — неожиданно для себя добавил Чарли.

— Ага, точно! — обрадовался поддержке Билли. — Чарли, ты-то мне поверил?

Чарли задумчиво кивнул.

— Интересно, где она теперь, эта лошадь...

— Может, бродит по руинам в теплой компании других местных привидений? — не без яда в голосе спросил Фиделио. — Ладно, давайте пойдем, погуляем. Вдруг нам повезет увидеть в саду таинственную лошадь?

Конечно, он шутил, но, как только мальчики вышли в сад, Фиделио пришлось убедиться, что его шутка оказалась в чем-то пророческой. Вообще-то из всех четверых Фиделио единственный не принадлежал к числу магически одаренных: природа щедро наделила

его блестящим музыкальным талантом, но в этом даре не было ни на грош волшебства. Первым насторожился Чарли: ему померещился дальний стук копыт, приглушенный пожухлой травой.

— Слышал? — коротко спросил он у Габриэля.

Тот помотал головой, однако все же насторожился: он чувствовал какую-то неопределенную перемену, витавшую в воздухе.

Отчетливее всего присутствие призрака ощутил Билли. Мальчик вдруг отшатнулся, и его белые, как лен, волосы взметнул порыв резкого ветра, которого остальные не почувствовали. Билли замер, инстинктивно вскинув перед собой руку, точно защищаясь от удара.

— Она пронеслась мимо, только что! — прошептал он.

— Вы меня разыгрываете, что ли? — громко спросил Фиделио, вертя головой.

— И в мыслях не было! — возразил Чарли. — Она умчалась. Вот сейчас была тут — и нету. Может, она хотела нам показаться, ну, сообщить о своем присутствии?

Мальчики зашагали через обширное поле, которое директор школы предпочитал пышно именовать «садом». На самом же деле это было некое пространство, поросшее травой и окруженное густым, непролазным лесом. Оно лежало между зданием школы и руинами и предназначалось для прогулок на перемене. Руины, некогда бывшие замком Алого короля, едва виднелись сквозь деревья, если стоять на школьном краю поля. Сейчас какая-то неведомая сила заставила Чарли, Габриэля, Билли и Фиделио направиться именно к развалинам.

Дядя Патон уже рассказывал Чарли, что когда супруга Алого короля, королева Береника, скончалась, то пятерым из десяти королевских отпрысков пришлось навсегда покинуть замок. Сам король, вне себя от горя, ушел в северные леса, а замок и власть захватил его старший сын Борлат, тиран и деспот. Он правил так жестоко, что население страны частично вымерло, а частично бежало в другие края.

На подходе к руинам Фиделио поинтересовался:

— Ребята, вы всерьез считаете, что эта призрачная лошадь тут?

Чарли взгляделся в остатки кладки красноватого камня.

— Точно не знаю, — произнес он и выжидательно посмотрел на Билли.

— Она тут, — прошептал тот.

Все замерли и прислушались. С дальнего, школьного конца поля доносились голоса других учеников, топот, шлепки мяча. Еще было слышно, как поют птицы, а больше ничего.

— Билли, тебе не показалось? Маленький альбинос обхватил себя за плечи, будто в ознобе.

— Мне кажется, она... она хотела бы с нами заговорить, но попала не на ту сторону, — стараясь не стучать зубами, выговорил он.

— Сторону чего? — не понял Фиделио.

Билли мучительно наморщил лоб и сказал:

— Не знаю. Не могу объяснить.

В этот самый миг Чарли заметил, что за спиной у них кто-то стоит. Он обернулся как раз вовремя, чтобы заметить, как небольшая, юркая фигурка метнулась прочь и скрылась в группе новичков, гонявших футбольный мяч.

— Это еще кто? — спросил Габриэль.

— Новенький, — объяснил Чарли.

Новенький, пользуясь теплой солнечной погодой, обходился без плаща, поэтому определить, на каком он отделении, было невозможно. Когда зазвучал рожок, служивший вместо звонка на урок, Чарли сообразил, что надо просто посмотреть, в какую раздевалку побежит этот не в меру любопытный новичок. Но потом забыл об этом, потому что дальнейший день складывался ничуть не удачнее, чем утро.

На урок духовых Чарли явился с опозданием. И тому была веская причина.

— Зачем ты вообще пришел, Бон, если забыл трубу? — напустился на него мистер Палтри. — Одаренный, тоже мне! Я просто понапрасну трачу на тебя свое драгоценное время! Если уж ты такой одаренный, иди и ищи трубу своим магическим чутьем или как оно у тебя называется. И не смей показывать нос в класс, пока не найдешь инструмент!

Чарли как ветром сдуло за дверь. Он напрочь не помнил, где последний раз оставил инструмент. И где теперь искать его трубу, понятия не имел. Может, в музыкальной башне? Возможно, кто-то из уборщиц нашел трубу и отнес в комнату мистера Пилигрима на верхушке башни? Обычно потерянные инструменты туда и относили.

В башню вела маленькая ветхая дверца, соседствовавшая с черным ходом в сад. Чарли собрался с духом и двинулся по мрачному

сырому коридору, который всегда вызывал у него мурашки. Темень стояла такая, что мальчик едва видел, куда идет, а сбегать за фонариком в спальню он не додумался. В конце коридора слабо светлел серый квадрат окна — там находилась круглая комната. На полпути до Чарли донеслись сердитые мужские голоса: в комнате кто-то переругивался. Потом мальчик услышал стремительно приближающиеся шаги и вжался в стену. Кто-то шел прямо на него. Ближе, ближе, еще ближе... Чья-то фигура нависла в темноте над Чарли, и внезапно весь мир заслонили распростертые фиолетовые крылья.

Чарли не выдержал и отчаянно завопил.

Глава 3

МАЛЬЧИК-МАГНИТ

— Тихо! — прошипела загадочная фигура.

Чарли слился со стеной в единое целое, а фигура — он, она, оно? — промчалась мимо, в холл.

Как быть дальше? Вернуться или все-таки подняться на башню? Конечно, в школьных коридорах спокойнее, но трубу-то искать надо, да и лестница в башню недалеко, за той круглой комнатой. А обратный путь неминуемо лежит через холл, где наверняка притаилось таинственное оно, шипящее и с фиолетовыми крыльями. «Лучше поднимусь на башню», — содрогнувшись, решил Чарли. Мальчик пулей пронесся по коридору, и, как только он очутился в освещенной круглой комнате, страх прошел. Комната была пуста.

Тот, кто спорил с обладателем фиолетовых крыльев, уже куда-то подевался. Да никакие это были не крылья, дошло до Чарли. Полы фиолетового плаща, вот и все! Наверно, это учителя поругались, и один ушел, а второй, злющий на весь мир, пробежал мимо меня в холл.

Успокоившись, Чарли стал подниматься по винтовой лестнице, стараясь не споткнуться на крутых ступеньках. Обиталище мистера Пилигрима помещалось на пятом, последнем этаже. Но склад музыкального добра начинался прямо на лестнице, точнее, на площадке: здесь на полках, в коробках и просто стопками на полу хранились ноты. Между стеллажами виднелась дубовая дверь в музыкальную комнату, куда раньше ходил на уроки фортепиано Габриэль. На темной поверхности двери белела прикрепленная записка: «Мистер Пилигрим уехал».

Чарли добросовестно перерыл все коробки, переворошил ноты на полках, заглянул во все закоулки, но тщетно. Отыскалась флейта, упаковка скрипичных струн, гребешок и жестянка овсяного печенья. Трубы не было. А если поискать в самой музыкальной комнате? Там, кажется, был рояль и два табурета, больше ничего. Чарли перечитал записку на дверях, и ему показалось, что на бумажке проступают совсем другие слова: «Посторонним вход воспрещен».

Однако Чарли частенько действовал не подумав, а запреты манили его, как сыр манит мышь. На этот раз он немного подумал и все-таки решился войти, правда, предварительно деликатно постучался в дверь. К его удивлению, из-за двери раздался усталый голос:

— Войдите! Чарли послушался.

На вертящемся табурете перед роялем, сгорбившись и закутавшись в синий плащ, сидел доктор Солтуэзер, вспыльчивый руководитель школьного хора. Его густая седая шевелюра стояла дыбом, а на лице учителя было непривычное для Чарли выражение — острой тревоги и отчаяния.

— Простите, сэр, я трубу ищу, — извиняющимся голосом объяснил Чарли.

— Надо же. Трубу, говоришь... — Учитель посмотрел на Чарли отсутствующим взглядом.

— Но, похоже, ее тут нет.

— Нет, ничего нет... — уронил доктор Солтуэзер.

— Извините, сэр. — Чарли уже хотел шмыгнуть за дверь, но с языка у него само собой сорвалось: — А мистер Пилигрим где?

— Где? — Учитель взглянул на Чарли так, будто только сейчас его увидел. — А-а, Чарли Бон, это ты.

— Я, сэр.

— Сам не знаю, куда делся мистер Пилигрим. Полная загадка, — пожал синими плечами доктор Солтуэзер.

— Понятно, — сказал Чарли, чтобы что-нибудь сказать, и опять хотел уйти, но у него снова выскочил вопрос: — А это я не на него в коридоре налетел?

— Нет, что ты! — воскликнул доктор Солтуэзер. — Это, наверно, был мистер Мармор, ваш новый классный руководитель.

— Новый классный руководитель? — Чарли передернуло. Шипение над ухом, фиолетовые крылья... Бр-р!

— Вот именно. Положение складывается еще то. — Доктор Солтуэзер пристально изучал Чарли, точно прикидывая, стоит ли его посвящать во все подробности, потом все-таки решился. Видно, он был не на шутку расстроен, иначе вряд ли стал бы обсуждать дипломатические вопросы с первым встречным учеником, даже не старостой. — Вообще говоря, мистер Мармор прибыл в академию как преподаватель истории. Но почему-то предъявил письмо от мистера

Пилигрима, в котором тот сообщал о своем уходе. Уж не знаю, как и где они столкнулись. А теперь этот... кхм... господин выразил желание преподавать фортепиано! — Голос доктора Солтуэзера загремел: — Заявляется сюда, занимает музыкальную, самовольно вешает на дверь всякие записки! Мало того, пытается выставить за дверь меня! Меня, руководителя музыкального отделения! С моей же территории! Неслыханно!

Чарли поддакнул и быстро сказал:

— Но он же был в фиолетовом плаще, я видел.

— А-а, плащ... — Доктор Солтуэзер пригладил встрепанные волосы и пожал плечами. — Мистер Мармор, видите ли, формально приписан к театральному. Вот и носит фиолетовое.

— Ясно, — на всякий случай ответил Чарли, хотя полностью запутался. — Это как — один преподаватель на трех отделениях учит?

— Таково распоряжение доктора Блура. Я тут бессилён, — развел руками доктор Солтуэзер. — Ладно, беги, Чарли. Извини, трубы нет, помочь ничем не могу. Если бы ее нашли уборщицы, она точно была бы здесь. Таков порядок. Может, художники ее позаимствовали? Вечно таскают что ни попадя для своих натюрмортов. Ты поищи в мастерских.

— Это мысль! — обрадовался Чарли. — Спасибо сэр!

Итак, снова в путь. Академия Блура была настоящим лабиринтом; чтобы попасть в мастерские художников, нужно было подняться по главной лестнице, а для этого требовалось пройти через холл. Загадочный мистер Мармор мальчику там не встретился, зато встретился Манфред Блур.

— Правило сто раз написал? — холодно спросил он у Чарли.

— Э-э... нет пока.

— Не забудь, а то придется написать его не сто, а двести раз, — пригрозил Манфред.

— Да... То есть, нет, Манфред, я просто не успел, я обязательно, сразу после уроков.

Манфред раздраженно фыркнул и проследовал прочь.

— Можно спросить? — Вопрос опять сорвался у Чарли с языка неожиданно для него самого. — А ты больше не учишься в академии?

— Нет! — рявкнул Манфред. — Я теперь ассистент преподавателя. Так что, Бон, впредь называй меня на «вы» и

обращайся ко мне «сэр».

— Слушаюсь, сэр, — поспешно выпалил Чарли. «Выкать» Манфреду было непривычно, но, по крайней мере, хоть предупредил, и то спасибо.

— В другой раз забудешь, оштрафую. И иди пиши правило. — Манфред скрылся в кабинете старост и с грохотом захлопнул дверь.

Сдать штрафные строчки в течение дня Чарли было попросту некогда, где кабинет Манфреда, он так и не узнал и теперь ломал голову: то ли заняться этим прямо сейчас, то ли пойти искать трубу по мастерским художников. Мысленно повторив правило, которое ему предстояло написать сто раз, Чарли убедился, что забыл последнюю строчку. Это решало все вопросы. «Эмма наверняка помнит!» — подумал Чарли и отправился к художникам, чтобы убить одним выстрелом двух зайцев — Эмма ведь училась на живописи.

Чарли знал, что Эмма частенько работает в так называемой галерее — просторной проходной мастерской окнами в сад. Но сегодня ее там не оказалось. Трубы, впрочем, в мастерской не обнаружилось тоже — ни в шкафу, ни на полках. Из галереи вела еще одна железная винтовая лестница, на сей раз вниз, в мастерскую скульпторов. Тут кипела работа: посреди возвышалась каменная глыба, а по обе стороны от нее стояли два хорошо знакомых Чарли старшеклассника в зеленых фартуках. Они радушно поздоровались с гостем:

— Привет, Чарли!

— Заходи, заходи!

Повидаться с курчавым африканцем Лизандром и светловолосым скандинавом Танкредом Чарли после каникул еще не успел. Ого, ну и вымахали же оба за лето! А прически-то! Интересно, как директор это стерпит? Лизандр заплет на голове уйму косичек дредов, украшенных разноцветными бусинками, а Танкред извел немало геля для укладки и стал похож на белокурого дикобраза. На их фоне вечно растрепанный Чарли кому угодно показался бы образцом приличия по части прически.

— Каким ветром тебя к нам занесло? — поинтересовался Танкред.

— Трубу ищу. Забыл где-то, не помню где, думал, может, кто из ваших взял ее порисовать. Слушайте, я вас еле узнал!

— А мы тебя — сразу, ты ничуть не изменился, — весело сказал Лизандр. — Нет, труба твоя, как видишь, нам не позирует. Ну, что нового скажешь, как началась четверть?

— Лучше не спрашивай. Как-то странно, у меня все время какая-то неразбериха. То класс не могу зайти, то вот трубу посеял, — пожаловался Чарли. — И Манфред ко мне сегодня уже придрался. И еще в саду какая-то штука!

— В каком смысле «штука»? — встрепнулся Танкред, и волосы у него заискрились, как всегда бывало от волнения.

Чарли старательно описал им призрачную лошадь со слов Билли Грифа, а потом рассказал о стуке копыт, который лично слышал в саду на перемене.

— Занятно, — заинтересованно протянул Лизандр.

— Я бы сказал, зловеще, — покачал головой Танкред. — Не нравится мне все это. — Засученные рукава его рубашки затрепыхались. Дар Танкреда был такого свойства, что управлению поддавался с трудом: малейшая смена настроения вызывала бурю или ливень, грозу или хотя бы разряд молний, так что Танкред представлял собой ходячее стихийное бедствие, непредсказуемое даже для самого себя.

— Ладно, пойду искать трубу, — вздохнул Чарли. — Да, забыл. Кто помнит последнюю строчку правила про тишину в холле? «Упадешь — не смей рыдать», а дальше как?

— «В холле всем молчать!» — тотчас откликнулся Лизандр.

— Спасибо большущее! Понимаете, мне непременно надо написать правило сто раз и отдать его Манфреду, причем до ужина, он так велел. Кстати, кто знает, где его кабинет?

— Понятия не имеем, — сказал Лизандр, а Танкред кивнул.

Чарли направился к выходу, то есть к лестнице, чтобы вернуться через галерею, но Танкред остановил его:

— Иди здесь, будет короче. Там новенькие рисованием занимаются. Постой-ка, что я вспомнил! Один из них как раз перед уроком нес в класс трубу — может, это твоя?

— Спасибо! Пойду, проверю.

В классе, помещавшемся за мастерской скульпторов, Чарли оказался впервые. За длинным столом молча делала карандашные наброски группа примерно из пятнадцати человек. Перед каждым

лежал какой-нибудь предмет. Все они так углубились в работу, что на Чарли даже глаз не подняли.

— Что тебе тут надо? — резко спросил Чарли белобрысый веснушчатый учитель, сидевший в торце стола. — Трубу, сэр, — вежливо ответил Чарли, сообразив, что это, должно быть, новый учитель рисования.

— С чего ты взял, что она здесь?

— Так вот же она, вот! — Тут только Чарли увидел на столе, среди восковых яблок, гипсовых конусов и прочего свою трубу. Инструмент лежал перед щуплым мальчиком, в волосах у которого почему-то торчали клочки бумаги — как приклеенные. Мальчик вопросительно посмотрел на Чарли, недовольно сморщив нос.

— Джошуа Тилпин, где ты взял эту трубу? — с нажимом спросил преподаватель.

— Она моя, мистер Делф. — Глаза у новенького были серые, прозрачные и честные-пречестные.

Чарли не удержался, перегнулся через стол и схватил трубу — удостовериться кое в чем. Ну, точно! В прошлом году он нацарапал булавкой свои инициалы у самого мундштука. Метка была на месте, значит, труба его, Чарли. О чем он и заявил учителю рисования, добавив:

— На ней мои инициалы, Ч. Б., Чарли Бон.

— Дай-ка взглянуть. Нельзя так обращаться с инструментами, Бон. Но, похоже, труба твоя. Тилпин, почему ты солгал?

К этому моменту все уже бросили рисовать и уставились на новичка. Однако, против ожиданий Чарли, тот не покраснел, а только ухмыльнулся во весь рот, показав неровные мелкие зубы, и сказал:

— Извините, сэр. Прости меня, Чарли. Это я так пошутил. Простите великодушно!

Ни Чарли, ни мистер Делф не знали, что на это ответить. Учитель вернул трубу Чарли и велел идти обратно на урок. С порога Чарли обернулся и глянул на Джошуа. Что-то подсказывало ему, что этот «шутник» — тоже из одаренных. Рукава у Джошуа были сплошь облеплены клочками бумаги и катышами старательной резинки. Вдруг, прямо на глазах у Чарли, кусочек сломанного карандашного грифеля взлетел со стола и прилип к пальцу Джошуа. Тот подмигнул Чарли и щелчком стряхнул грифель. Чарли стало не по себе: ему

померещилось, что новенький как будто поймал его на невидимый крючок и тянет к себе на прочной леске. Но как только Чарли отвернулся и вышел из класса, леска порвалась.

В мастерской скульпторов стоял грохот: по камню тюкали не только Танкред с Лизандром, но и еще с десятков человек. Чтобы привлечь внимание друзей, Чарли коротко протрубил в трубу.

— Нашел! — крикнул он.

— Ура! — отозвался Танкред.

Так, труба нашлась, теперь бегом писать штрафные строчки! Только где бы пристроиться? Чарли решил, что самое удобное — засесть за работу в том классе, который им отвели в этой четверти. Между тем академия кишела народом: кто бежал на перемену, кто — на спортивные занятия, но все, кроме Чарли, двигались целенаправленно и уверенно. «Что со мной творится? — забеспокоился Чарли. — Или это не со мной, а с расписанием? Все перепуталось». Он решил, что найдет кого-нибудь из одноклассников в новом классе и спросит про расписание.

На дверях класса Чарли встретила записка, написанная тем же витиеватым почерком, что и послание про отъезд мистера Пилигрима. Она гласила:

«Танталиус Мармор. Музыка, миманс и история Месопотамии».

Чарли приложил ухо к двери, но из класса не доносилось ни звука. Он набрался храбрости и заглянул внутрь. Из учеников в классе не оказалось ни души, зато у окна, погруженный в чтение, восседал незнакомый учитель в фиолетовом плаще. На бледном, узком лице незнакомца выделялись грозно сросшиеся черные брови, темные волосы закрывали уши и падали на глаза.

— Да? — недружелюбно спросил он.

Чарли нервно сглотнул.

— Мне надо написать штрафные строчки, сэр, — оробев, выдавил мальчик.

— Фамилия? — Голос у нового учителя был гулкий и раскатистый. А тогда, в коридоре, он шипел, как змея!

— Бон Чарли, сэр.

— Поди, сюда, — велел учитель, поманив Чарли длинным белым пальцем.

Чарли послушно приблизился и вытянулся в струнку под пристальным преподавательским взглядом. Учитель рассматривал его добрую минуту. Чарли ничего не оставалось, как терпеть, хотя под взглядом разноцветных глаз — серого левого и карего правого — было неуютно. Мальчик даже хотел отвести взгляд, но потом решил смотреть попеременно в серый глаз и в карий, однако стоило ему это проделать, как учитель недовольно нахмурился и дернулся. Можно было подумать, что Чарли раскусил какой-то секрет нового классного руководителя, который знать не полагалось, увидел какое-то его тайное «я».

— Меня зовут Танталиус Мармор, — сказал учитель после мучительно затянувшейся паузы.

— Я так и понял, сэр.

— Не дерзить. Стоять смирно, — скомандовал мистер Мармор.

Чарли хотел было сказать, что и пальцем не шевельнул, но новый учитель продолжал:

— Почему ты не на уроке с остальными, Бон?

— Я малость запутался в расписании, сэр.

— Запутался? Ты что, первоклашка? Хорошо начинаешь учебный год, нечего сказать. И уже схлопотал штрафные строчки — интересно, за какие заслуги?

— Разговаривал в холле, сэр.

Мистер Мармор внезапно разразился громовым хохотом, который постепенно перешел в сиплое хихиканье.

— Ох... — Он откашлялся. — Все, иди, пиши свои строчки, Бон. И не мешай мне. Я сосну полчасика. — С этими словами мистер Мармор надвинул на лицо фиолетовый капюшон. Не меняя прямой осанки, он закрыл глаза и тут же начал похрапывать.

Чарли на цыпочках прошел к своей парте, уселся, достал тетрадку и ручку... «Интересно, разве бывает так, чтобы человек спал и при этом наблюдал за тобой?» — подумал он, косясь на мистера Мармора. Тот, безусловно, спал и очень убедительно храпел, но при этом у Чарли было отчетливое ощущение, что учитель внимательно следит за каждым его движением. Вернее, даже не сам учитель, а некто невидимый, скрывающийся за узким, бледным, бровастым лицом как за непроницаемой маской. Невидимый и настороженный. Ощущение было не из приятных. Чтобы отвлечься, Чарли взялся за работу. Как

только он дописал последнюю строчку, зазвенел звонок на ужин. Мистер Мармор откинул с лица капюшон и рявкнул:

— Вон!

— Да, сэр! — Испуганный Чарли смахнул тетрадку и ручку в сумку и опрометью кинулся за дверь.

— Где тебя носило? — так встретил его в столовой Фиделио.

— А тебя? — парировал Чарли.

— У меня был английский, потом физкультура.

Чарли понял, что не миновать ему торчать на выходных в школе. Он прогулял английский, а мистер Хек этого так просто не оставит! Ой, влетит, точно влетит!

— А я строчки писал для Манфреда, — мрачно объяснил Чарли приятелю. — Теперь надо сдать, а где его кабинет, я так и не выяснил.

Фиделио только руками развел. К мальчикам подсел Габриэль, угостил их шоколадкой, но и он ничем не мог помочь: местоположение кабинета Манфреда оставалось загадкой.

— Где же нашему живодеру размещаться по логике вещей? Он ведь уже не староста, но пока еще и не учитель. Как, говоришь, он это называл — ассистент преподавателя? Важная персона.

— Он не живодер, а гипнотизер, и всегда им будет, — угрюмо прервал эти рассуждения Чарли. — Мне вообще кажется, что он поселился в академии навечно и так и будет всех мучить своим гипнозом, пока не превратится в старикашку-чародея, как его прадедушка.

— Главное, чтобы нам не мешал, а на остальное лично мне начхать, — весело сказал Габриэль, подбирая последние крошки шоколада. — Вкуснятина! Кстати, я решил, что буду заниматься фортепиано с мистером Мармором. Не бросать же мне уроки. А он, между прочим, неплохо преподает.

Эта похвала почему-то встревожила Чарли.

— На твоём месте я бы лучше записался к мисс Кристалл, — осторожно посоветовал он. — По-моему, мистер Мармор какой-то... двуличный. Он не то, чем кажется. От него исходит опасность.

Друзья усталились на Чарли вопросительно, но более внятного ответа от него не получили. Поужинав, Чарли прихватил свою многострадальную трубу и пошел в класс к мистеру Палтри. Тот

блаженствовал за чашечкой кофе и, завидев Чарли, раздраженно закатил глаза.

— Некогда мне сейчас с тобой заниматься, Бон. Имею я право отдохнуть от вашего брата? Положи трубу на полку и оставь меня в покое. Потом наворачстаем.

— Хорошо, сэр. — Чарли положил трубу на указанную полку, где лежало еще пять таких же инструментов (только без инициалов), и задвинул ее поглубже, надеясь, что больше никаких краж и пропаж не будет. Потом повернулся к мистеру Палтри и робко спросил: — Простите, сэр, вы случайно не знаете, где кабинет Манфреда Блура?

— Случайно не знаю. Не могу же я знать все закоулки этого заведения! — нелюбезно отозвался пожилой педагог. — Все, Бон, брысь отсюда!

Пришлось повиноваться. Чарли пораскинул мозгами и решил опросить всех, кто сейчас гуляет в саду. Поскольку на улице явно было теплее, чем под мрачными сводами академии, плащ он оставил в раздевалке, вышел в сад и взялся за дело. Но все усилия были тщетны: про кабинет Манфреда никто и слыхом не слыхивал. Расстроенный Чарли вернулся в раздевалку, накинул плащ, сунул руку в карман и... О нет, только не это! Три страницы штрафных строчек исчезли.

— А-а! — вырвалось у Чарли, как от боли. Он испугал вошедшего Габриэля.

— Ты чего? — поспешно спросил тот. Вдвоем они обыскали каждый квадратный сантиметр раздевалки, но три листочка как корова языком слизнула. Появившегося Фиделио тоже подключили к поискам, прочесали все классы, столовую, коридоры — тщетно. Пробил гонг на ужин.

— Кто-то хочет сжить меня со света! — простонал Чарли. — То труба теряется, то листочки, ну что такое!

— Пойдем, поужинаем, — сказал Фиделио, — на сытый желудок лучше думается.

Чарли уныло согласился.

В столовой за учительским столом, на возвышении, он увидел Манфреда, сидевшего рядом с отцом. Значит, Манфред теперь официально в штате школы. По крайней мере, он не будет больше готовить уроки вместе с остальными одаренными в Королевской комнате, и то утешение. Чарли немного приободрился.

В конце ужина директор встал и хлопнул в ладоши. В столовой мгновенно воцарилось молчание. Доктор Блур, громоздкий, седовласый и величественный, цепко оглядел с высоты своего роста замерших учеников. Взгляд его глубоко посаженных глаз как будто ничего не выражал — вернее, трудно было определить, что он выражает.

Выдержав эффектную паузу, директор заговорил:

— Новички из одаренных, внимание! Поименно называть не буду, сами знаете, о ком речь. Все одаренные готовят уроки в Королевской комнате, вас туда отведут. Ясно?

— Да, сэр, — отозвались три голоса.

Чарли вытянул шею, но обладателей голосов в толпе не разглядел, понял только, что они не из учеников музыкального отделения.

— Ужин окончен, разойтись! — громогласно приказал директор.

Столовая тотчас пришла в движение. Дежурные лихорадочно заматались, собирая грязные тарелки, чашки и вилки, задвигая стулья; все остальные поспешили к выходу. На лестнице — а столовая в академии помещалась в подвале — Чарли нагнали Габриэль и Билли. Где-то впереди слышались голоса Лизандра и Танкреда, и мелькала белокурая головка Эммы Толли. Эмма обернулась и замедлила шаг, поджидая Чарли.

— Смотри, что я нашла на полу в нашей раздевалке. — Она протянула ему три листка, исписанных «правилом молчания», — Это ведь твое? Мне сказали, ты их искал.

— Мое! — Чарли обрадованно схватил листки. — Ты меня просто спасла! Честное слово! А как они попали к вам в раздевалку? Я туда даже не заглядывал.

— Вот уж чего не знаю, того не знаю. Чарли засунул листки поглубже в сумку.

За Спinoй у него кто-то топал и пыхтел; оглянувшись, Чарли увидел толстушку Доркас Мор, как всегда румяную и аккуратно причесанную. Он терпеть не мог эту девчонку: Доркас изо всех сил подлизывалась к его тетке Венеции и даже выучилась у той шить заколдованную одежду — зловредную и смертоубийственную. Теперь, правда, когда теткин дом сгорел со всеми тряпками и нитками, учиться Доркас стало негде.

— Чего уставился? — проворчала Доркас.

— За погляд денег не берут, — парировал Чарли.

Доркас сердито фыркнула и протопала мимо. Она прекрасно знала, какую роль сыграли в пожаре сам Чарли и его дядя Патон.

Постепенно все одаренные собрались в Королевской комнате — круглом помещении, уставленном книжными полками, с круглым столом посередине.

За столом, точно напротив двери, прямо и важно сидел Манфред. Чарли разочарованно сник, а когда разглядел сутулую фигуру подле Манфреда, сердце у него неприятно екнуло. Аза Пик, рыжий оборотень и прихвостень Манфреда! Он ведь уже окончил школу! Что же он тут делает? К Манфреду и Азе подсели трое новичков, в том числе Джошуа Тилпин.

— Хватит толпиться в дверях, рассаживайтесь, — велел Манфред. — У меня важное объявление.

Чарли собрался с духом, обошел стол и устроился рядом с Танкредом; как всегда, он постарался сесть так, чтобы видеть перед собой портрет Алого короля — потемневшее от времени полотно, изображавшее величественного человека в алом плаще и золотой короне. Габриэль, Эмма и Билли сели рядом с Чарли. Замешкавшаяся Доркас почему-то громко хлопнула дверью.

— Это дом моего отца, и изволь вести себя прилично! — одернул ее Манфред.

Доркас надулась, но взглянуть ему в глаза не рискнула — все знали, чем это кончается.

— Мое место занято, — проворчала она.

— Сядь где-нибудь, не будь упряма, как баран, — сказал Манфред.

— Баран! Это отлично! Только почему не свинья? — хихикнул Аза.

Манфред не удостоил его внимания. Доркас тоже.

— Садись же, тебе говорят.

Доркас, видимо, хотела устроиться под боком у Манфреда, но ей не повезло: место между новоявленным ассистентом преподавателя и Джошуа занимали две новенькие — девочки-близняшки необычного облика. Черноволосые, с одинаковыми стрижками и челочками, белокожие, как тонкий фарфор.

Похожи как две капли воды, поразился Чарли. А бледные-то, ну прямо куклы восковые! Интересно, они вообще живые или как? Сидят, не шелохнутся, даже глазом не моргнут.

Надутая Доркас обошла Манфреда и шмякнула сумку на стол рядом с Джошуа. Тот одарил ее своей умильной кривозубой улыбочкой, и, о чудо, в ответ на лице Доркас тоже появилось нечто вроде улыбки.

— А теперь, когда мы все в сборе, — многозначительно глянув на Доркас, начал Манфред, — я хочу внести ясность. Прежде всего, вы, видимо, удивлены моим появлением. Так вот, не рассчитывайте так просто от меня избавиться.

Ответом было молчание, в котором особенно отчетливо прозвучал сдавленный смешок Азы.

— Отныне я ассистент преподавателя, — внушительно объявил Манфред, смакуя солидное звучание этих слов. — В мои обязанности входит наблюдение за вашими успехами в учебе и поведением, проведение экзаменов, а также оказание помощи в личных проблемах по мере их возникновения. — Он остановился перевести дыхание после такой сложной и ученой фразы.

Шпарит как по писаному, понял Чарли. И кому взбредет в голову соваться за помощью к живодеру, то есть, тьфу, гипнотизеру? Это все равно, что совать голову в пасть льва.

— А теперь познакомимся заново, поскольку у нас появились новенькие. — Он быстро представил всех по кругу, пока не дошел до близняшек, и торжественно объявил: — Идит и Инез Бранко.

Услышав свои имена, близняшки синхронно пригнули головы и посмотрели на лежавшие перед ними стопки учебников. Обе стопки взвились в воздух — резво и легко, как мотыльки, порхнули над столом и плюхнулись на колени Чарли и Танкреду.

— Тьфу ты, опять мастера телекинеза! — буркнул последний. — Вот так счастье подвалило!

От раздражения волосы у него вздыбились и по ним побежали электрические искры, а плащ за спиной вздулся. Порыв ветра смел со стола чистые листы бумаги.

— Похоже, за лето ты так и не научился владеть собой, Торссон, — издевательским тоном заметил Манфред.

Чарли и Танкред вручили стопки книг близняшкам. Идит и Инез молча взяли учебники, и ни один мускул на их личиках не дрогнул. Чарли не сдержался:

— Вообще-то вежливые люди в таких случаях говорят спасибо.

Близняшки молчали, но одна — то ли Идит, то ли Инез, кто их разберет, — метнула на Чарли коварный взгляд.

— Бон, будь с новенькими поласковее, — не терпящим возражений тоном сказал Манфред. — Они состоят в родстве с Зелдой Добински, которая, увы, нас покинула и благодаря своим исключительным математическим способностям экстерном поступила в университет.

Аза, который, как и остальные, отлично помнил подлинные обстоятельства отбытия Зелды из академии — в обмороке, в когтях гигантской птицы тольрух, — гнусаво хихикнул.

— А вот наш Аза Пик, наоборот, проявил исключительные способности по части неспособности. Он завалил все экзамены и оставлен на второй год.

Рыжий оборотень дернулся, как от удара кнутом, и Чарли неожиданно для себя посочувствовал ему. Наверно, ужасно обидно, когда тебя стучает и травит человек, которым ты восхищаешься.

— И наконец, прошу любить и жаловать — Джошуа Тилпин, — с помпой провозгласил Манфред.

Джошуа вскочил и отвесил общий поклон — ни дать ни взять принц инкогнито. Но выглядел этот «принц» хуже некуда: плащ весь в пыли и паутине, в волосах листья и травинки, а также катышки от резинки и кусочки грифеля, оставшиеся с урока рисования. Не говоря уже о хлебных крошках.

— Садись, Джошуа, довольно, ты все-таки не кинозвезда.

Джошуа мило улыбнулся грозному ассистенту преподавателя, и — о чудо! — на лице Манфреда в ответ изобразилось подобие улыбки. А выжать из Манфреда улыбку было все равно, что добыть варенье из камня.

«Очень интересно, Манфред улыбается, может, следующим номером у нас рак на горе свистнет?» — подумал Чарли и уже раскрыл было учебник, как Манфред обратился к нему:

— Бон, ты так и не сдал мне штрафные строчки.

— Ой, забыл, Манфред, вот они! Сейчас, сейчас... — Чарли принялся рыться в сумке. Подальше положишь — подольше поищешь.

— Я велел тебе принести работу мне в кабинет.

— Но... Я не знаю, где это, — признался Чарли.

Манфред вздохнул, поднял взор к потолку и важно продекламировал:

*Мой кабинет — за словами,
К музыке по дороге,
Под крылом расположен,
Но все же не доходя
Труб, кисточек, масок.*

Он выдержал эффектную паузу, точь-в-точь как его папенька-директор, потом снисходительно спросил Чарли:

— Все понятно?

Чарли так и подмывало ответить: «Чего уж тут непонятного, поди, туда, не знаю куда», но он решил не злить Манфреда и просто кивнул, от греха подальше.

— Хорошо. Тогда принеси работу в мой кабинет до отбоя, иначе в наказание будешь оставлен на выходные в школе.

Глава 4

ЧАРЛИ НАКАЗАН

Чарли Бону крупно повезло, что среди его друзей был Лизандр Вед. Африканец всегда справлялся с домашними заданиями быстрее остальных, и сегодня, едва разделавшись с уроками, он вызвался решить загадку, продекламированную Манфредом.

Когда все одаренные гуськом потянулись из Королевской комнаты, Лизандр придержал Чарли за рукав и прошептал:

— Кажется, я разгадал, где кабинет Манфреда! Пошли в спальню, по дороге объясню.

— А можно мне с вами? — высунулся из-под локтя Лизандра маленький Билли Гриф.

— Гриф, поди, сюда! — окликнул его Манфред в тот же миг, подозрительно прищурившись на шепчущихся.

Билли оставалось только пожать плечами и повиноваться. Все знали, что послушаться гипнотизера Манфреда — себе дороже.

— Бедняга, — приглушенно посочувствовал альбиносу Лизандр, — вот попал! — Он ускорил шаг, таща Чарли за собой, а когда они отошли от Манфреда на безопасное расстояние, заговорил вновь: — Я начал с конца загадки. Значит, смотри: трубы, кисточки, маски — это наверняка про эмблемы, которые висят над раздевалками. Следовательно, кабинет Манфреда находится, не доходя раздевалок. Если «к музыке по дороге», то, скорее всего, его берлога где-то в районе того длинного коридора, что ведет в музыкальную башню. А коридор как раз и расположен «под крылом» — под западным крылом академии. Смекаешь?

— Угу, — кивнул Чарли, — но в загадке есть еще одна фраза: «Мой кабинет — за словами». Как может кабинет быть *за* словами? Где это? Где хранятся слова?

— В книгах, разумеется, — ответил Лизандр. — Я так понимаю, тебе нужно отыскать в этом коридоре книжный шкаф или стеллаж, а за ним и будет кабинет Манфреда.

— Здорово! — обрадовался Чарли. — Зандр, ты голова! В коридоре точно есть шкаф, я его там видел! Блеск! Ты меня спас!

Спасибо!

— На здоровье. Надеюсь, я все разгадал правильно. Если нет — приходи еще, подумаем.

Мальчики как раз успели дойти до спален и принялись читать списки, приклеенные к дверям: в начале учебного года школьная администрация перемещала учеников в зависимости от возраста. Лизандр удостоверился, что по-прежнему соседствует с Танкредом, а Чарли с облегчением выяснил, что под боком у него будет верный Фиделио. Билли тоже приписали к их спальне.

Фиделио уже распаковал сумку и аккуратно раскладывал вещи в тумбочке. Соседнюю койку он занял для Чарли. Собственно, сама спальня мало чем отличалась от прошлогодней: такая же длинная унылая комната с одной-единственной тусклой лампочкой под потолком. Вдоль стен — по шесть кроватей.

Чарли быстренько запихнул свое добро в тумбочку, а форменный плащ повесил на крючок.

— Побегу искать кабинет Манфреда, — предупредил он Фиделио. — Если надзирательница явится, прикроешь меня, ладно?

— Ясное дело. Скажу, что ты в туалете. Удачи!

В коридоре на Чарли налетел взбудораженный Билли Гриф.

— Мне нашли приемных родителей! — выпалил он. — Манфред только что сказал.

— Да ну?! Поздравляю! — обрадовался Чарли. Билли всегда хотелось, чтобы его усыновили.

— Даже странно, что они согласились меня взять. — Билли провел рукой по своим белым волосам. — Могли бы выбрать нормального мальчика, не такого, как я, посимпатичнее. — Он стеснялся своих красных кроличьих глаз, бесцветной шевелюры и очков.

— Они — это кто? — Чарли почему-то встревожился за Билли.

— Манфред говорит, их фамилия де Грей. Муж и жена. Они вообще-то старые — ну, пожилые, старше, чем я думал. Манфред показал мне фото. Говорит, милые, добрые люди. И дом у них чудо, и, представляешь, у меня будет своя отдельная комната... и *собственный* телевизор! Ничего себе, да?

«Хорошо бы посмотреть на фотографию, — подумал Чарли, — может, удалось бы побольше выяснить про этих де Греев, что они за

люди такие. Кто 'знает, о чем они разговаривают на фото?»

— А Манфред дал тебе эту фотку? — быстро спросил он у Билли. Тот помотал белесой головой.

— А-а-а. Ну, нет так нет. Все равно поздравляю!

Чарли уже хотел пойти своей дорогой, но Билли вдруг спросил:

— А ты взял с собой в школу волшебную палочку?

— Да, я... — Чарли осекся. — Почему ты спрашиваешь?

— Просто подумал, что ее хорошо держать при себе. Ну, на всякий случай, для самообороны и вообще. Она у тебя в тумбочке?

— Нет, — процедил Чарли. На самом деле драгоценная палочка хранилась под матрасом, но мальчик и так уже жалел, что сболтнул Билли лишнее.

— Да, конечно, я не сообразил, в тумбочку она не влезет, — улыбнулся Билли. — Значит, под матрасом, где же еще!

Чарли стало не по себе. Неужели Билли все еще шпионит и доносит Блурам? Неужели ему так и нельзя доверять?

— Извини, мне надо бежать. — Он решил прервать разговор, принявший опасный поворот. — Отнести строчки Манфреду. Увидимся.

Все ученики разошлись по спальням, поэтому холл был пуст, и шаги Чарли по каменным плитам прозвучали под высокими сводами особенно гулко. Второй раз за сегодняшний день Чарли очутился в длинном коридоре, который вел из холла в музыкальную башню. Здесь царила почти полная темень, так что стены приходилось исследовать в основном на ощупь (фонарик Чарли второпях забыл в тумбочке). Наконец рука его наткнулась на стеллаж, забитый какими-то пыльными томами.

— А, так ты и есть та самая дверь! — сказал себе под нос Чарли и пихнул стеллаж. Бесполезно. Он толкнул полки левее, надавил правее — тщетно. Может, Лизандр понял загадку неправильно и это все-таки не дверь?

Чарли принялся передвигать книги на полке, пытаясь нашарить за ними дверную ручку, но безрезультатно.

— Чем это ты занят?

Чарли чуть не подпрыгнул. Из полутьмы возникла фиолетовая фигура Танталиуса Мармора.

— Я и-и-ищу к-к-кабинет Манфреда, — запинаясь от неожиданности, выдавил Чарли.

— Понятно. — Мистер Мармор впился в Чарли таким испепеляющим взглядом, что мальчик попятился и в спину ему впились края книжных полок. — Боишься? — холодно спросил новый учитель. — И правильно делаешь, Бон. Говорят, от тебя одни неприятности, шкодливый ты бесенок.

Чарли не успел ничего ответить и чуть язык не проглотил, потому что с трудом различимое лицо мистера Мармора вдруг как будто расплылось и вышло из фокуса, а сквозь него на долю секунды проступило какое-то другое, потом еще и еще, точно смутные маски, сменяющие одна другую, и у каждой было иное выражение. Внезапно одно из мелькнувших лиц взглянуло на Чарли с глубокой нежностью. И тотчас все пропало, а перед Чарли, который решил, что ему померещилось, вновь стоял безразличный Танталиус Мармор.

— Ты искал кабинет Манфреда? Тебе сюда. — Учитель нажал на какую-то неровность над верхней полкой, и стеллаж тотчас отъехал в сторону, открыв вход в тесный темный кабинет.

— Спасибо, сэр. — Чарли протиснулся мимо учителя внутрь.

— Что ж, засим прощай. Счастливо оставаться! — каким-то совсем иным голосом отозвался мистер Мармор, помахал рукой и помчался по коридору, напевая почему-то знакомую Чарли мелодию.

Мальчик огляделся. Кабинет был маленький, но опрятный. Над камином висела семейная фотография: доктор Блур, моложе, чем сейчас, и не такой седой, а с ним маленький черноволосый мальчик и красивая дама — Манфред с родителями. У окна, выходящего во внутренний двор, стоял письменный стол и обитый кожей стул. Чарли робко подошел к столу и положил свои три листочка штрафных строчек на стопку бумаг. Он уже повернулся, чтобы идти, но его взгляд привлекла небольшая картинка с изображением лошади. Чарли взял ее со стола, желая рассмотреть получше, и оказалось, что под ней еще целая пачка фотографий и гравюр с лошадиными скелетами.

Тут-то Чарли бы одуматься и уйти, пока не поздно! Но его, как всегда, подвела скверная привычка сначала действовать, а потом думать, и жгучее любопытство. Дело в том, что, помимо скучных картинок с лошадьми, на столе еще обнаружился бумажный конверт с фотографиями, и Чарли не устоял. Как-никак фотографии всегда

поверяли ему свои тайны, такой уж у него был дар — слышать голоса тех, кто изображен на картинах и снимках. С шуршанием извлекая из конверта один снимок за другим, Чарли не слышал легкого шороха у себя за спиной. А зря.

Фотографии его разочаровали: ничего интересного, какой-то дядька с какой-то теткой, далеко не молодые, лица обыкновенные. Он — лысеющий, в очках, она — круглолицая, с короткой стрижкой, зубы торчат, как у лошади, и это хорошо видно, потому что на всех снимках тетка улыбалась. Вернее, скалилась. Эта парочка была заснята в унылой гостиной, на диване, затем в кухне и в саду. Кухня тоже производила унылое впечатление. Чарли поднес снимок поближе к глазам, и в ушах у него зазвучал женский голос.

— *Улыбнись же, Эшер. Надо произвести на мальчика хорошее впечатление.*

— *Терпеть не могу детей,* — отозвался гнусавый мужской голос. — *Никогда их не любил.*

— *Это же ненадолго.*

— *А на какой срок?*

— *Пока он не сделает то, что им нужно. Тебе придется принять меры — твои меры, — чтобы он сидел дома и не сбежал. Твой дар пригодится.*

— *Дар?* — недовольно переспросил мужчина. — *А какая от него польза в данном случае?*

За спиной у Чарли послышались шаги. Мальчик проворно сунул снимки обратно в конверт и положил его на стол, но, метнувшись к двери, был неприятно удивлен: оказалось, что она наглухо закрыта, а ни ручки, ни замка, ни даже замочной скважины на ней не было. Нашего любопытного героя заперли.

Чарли забарабанил в дверь:

— Эй! Есть там кто-нибудь? Это я, Чарли Бон!

Ответа не последовало.

Наверно, надо стучать и звать погромче.

— Эй! Ау! Мистер Мармор! Сэр, вы здесь? Манфред! Эй!

Чарли колотил в дверь и звал во все горло еще минуту-другую, потом сдался.

За окном темнело, Чарли сел на стул и от нечего делать задумался над загадочными фотографиями. И вдруг его осенило: так ведь эта

парочка — приемные родители Билли! Ну, точно, это де Грей. А Билли так мечтал, что у него будут любящие, ласковые мама и папа и настоящий уютный дом. Как же сказать ему правду?

Этот мучительный вопрос так озадачил Чарли, что он съезжился на стуле, ломая голову, и сидел неподвижно. Уже окончательно стемнело, окна во дворе гасли одно за другим, и наконец, кабинет Манфреда погрузился в кромешную тьму. Чарли очнулся, обошел комнату, пытаясь отыскать выключатель, но не нашел. Он снова забарабанил в дверь и позвал на помощь, но никто не откликнулся. Соборные часы пробили девять. Значит, уже отбой. Чарли сел на пол и понемногу стал клевать носом.

Его разбудил какой-то знакомый звук, доносившийся со двора.

Цок! Цок! Цок!

Чарли тряхнул головой, отгоняя сон. Цокот копыт. По двору разгуливала лошадь. Чарли кинулся к окну, но было слишком темно, и он ничего не увидел. А когда пробило десять, стук копыт затих. Чарли решил покричать и побарабанить в дверь еще раз, но тут она распахнулась и в глаза мальчику ударил ослепительный луч фонарика.

— Что это за безобразие? Как ты тут очутился?

Перед глазами у Чарли плавали красные пятна, но низкий голос директора он узнал.

— Я пришел сдать Манфреду штрафные строчки, сэр, а дверь захлопнулась, вот я и сижу.

— Но как ты сюда попал, Бон?

— Меня мистер Мармор впустил.

— В самом деле?

— Да, сэр, — жмурясь и прикрывая глаза рукой, ответил Чарли. Нет, чтобы доктор Блур отвел свой фонарик!

— Что ж, Бон, субботу проведешь в школе. Это будет тебе хорошим уроком. А теперь марш спать. — Директор сгреб Чарли за шкуру, выпихнул из кабинета и толкнул в сторону холла.

Но беда не приходит одна: уже на пороге спальни Чарли засекла надзирательница, она же коварная тетка Лукреция. На сей раз коварство выразилось в том, что она подкралась беззвучно, как индеец, и сграбастала племянника за плечо.

— Ой! — пискнул Чарли от неожиданности и от боли. — Если хотите меня наказать, можете не беспокоиться! Меня уже лично

директор на субботу оставил!

Тетка Лукреция отчетливо заскрежетала зубами, потом рывкнула:

— Молчать, пока тебя не спрашивают! Где тебя носило?

— Сидел под замком в кабинете у Манфреда, — покорно ответил Чарли, — он мне сам велел прийти, сдать штрафные строчки.

— Строчки? В первый же день четверти уже штраф схлопотал? Позорище! — возмутилась тетка Лукреция. — В жизни бы не поверила, что мы родственники.

— Да и я тоже, — одними губами сказал Чарли, чтобы хоть как-то отвести душу. И шмыгнул в спальню.

Наутро по дороге на завтрак Чарли рассказал обо всем случившемся Фиделию. Тот слушал молча и не выдержал, только когда речь зашла о фотографиях.

— Опять подслушивал! — насмешливо бросил он.

— Не мог удержаться! — смущенно признал Чарли. — Зато, как видишь, узнал кое-что полезное. Эти де Грей такие противные! Что же теперь делать? Сказать Билли?

— Будем надеяться, что ты ошибся и это не их фотографии, — вздохнул Фиделию.

Они вновь вернулись к разговору, когда уселись завтракать.

— Насчет лошади — это все-таки интересно, — задумчиво произнес Фиделию, намазывая гренки маслом.

Билли, сидевший напротив, тут же уронил ложку в кашу.

— Лошадь? Какая?

— Потом объясню, Билли, — пообещал Чарли. — Кстати, вот что: меня на эту субботу оштрафовали, так что я составлю тебе компанию.

— А меня в выходные тут не будет, за мной в субботу новые родители приедут, — похвастался Билли.

— Так быстро?

— Ага! У меня теперь новый дом! Ур-р-ра! — Билли подпрыгнул на скамье.

Чарли заставил себя улыбнуться. Ему не хотелось раньше времени разрушать надежды Билли, но он почему-то был убежден, что настоящее усыновление так быстро произойти не может — наверно, надо оформлять кучу всяких документов. Как Блурам сходят с рук все их штучки? Похищают детей, прячут от родственников, распоряжаются сиротами, будто те — какие-то куклы, делают так, что

пропадают родители... Ну и семейка. Неужели нельзя найти на них управу?

— Чарли! — потерябил его Фиделио. — Если ты не голодный, давай я съем твой завтрак.

В ответ Чарли поспешно принялся глотать кашу.

— Ты-то уж тем более не останешься со мной в школе? — спросил он.

Фиделио пришел в замешательство.

— И рад бы, да не могу. Обещал брату выступить с его группой в субботу утром.

— Ладно, по крайней мере, хоть посмотрю на родителей Билли, — утешился Чарли. — Интересно же, что за люди.

На первой же перемене Чарли отыскал в саду Эмму и Оливию и сделал попытку сговориться на выходные с ними.

— Эй! — позвал он еще издали. — Что вы делаете в субботу?

— Я помогаю тете в магазине, — откликнулась Эмма. — В субботу почему-то всегда всем нужны книжки, так что будет наплыв покупателей.

— Тебя опять после уроков оставили, Чарли? — догадалась Оливия.

— Угу. А ты тоже занята?

— Вообще-то эта суббота вполне может стать решающим днем в моей жизни, — непривычно серьезно сказала Оливия.

— Похоже на то, — подтвердила Эмма.

— У меня кинопроба. Пробуюсь на роль в настоящем фильме, там целых три звезды снимаются, а я буду играть дочку Бобби Беппа... то есть, если все сложится, буду.

— Какого Беппа? — поинтересовался Чарли.

— Что? Не притворяйся, что ты о нем не слышал! — Оливия насупила брови. — Он же суперзвезда!

— Правда? Ну, удачи! — от души пожелал Чарли. — Прославишься, наверно!

— Обязательно! — поддержала его преданная Эмма.

— Может быть, — с уверенной улыбкой произнесла Оливия.

— Прославишься — нос задерешь и с нами водиться уже не пожелаешь? — поддел ее Чарли.

— А ты как думаешь? — Оливия улыбнулась еще шире.

Ответить Чарли помешал звук рожка, призывающего на урок: Эмма и Оливия так боялись опоздать и остаться на выходные, что стремглав помчались к зданию школы. Чарли за ними и угнаться не смог. Наверно, они летом на каникулах кроссы бегали, решил он.

— Слышал новость? — выдохнул Чарли, ворвавшись в раздевалку музыкантов. — Оливия в кинозвезды подалась!

Переобувавшийся Фиделио выронил кроссовки.

— Что, серьезно? — потрясенно спросил он. Остальные тоже были поражены. Гвинет Хоуэллс, арфистка, поджала губы и прошипела:

— Эта Карусел такая воображала! Думает, она гениальная актриса!

— Гениальная не гениальная, а играет она здорово, — великодушно признала Роза Стаббс. — Ручаюсь, она прославится!

Гвинет наградила лучшую подругу яростным взглядом, но Роза стояла на своем:

— Да будет тебе, Гвинет, она же действительно потрясающе играет.

— У нее кинопроба в субботу, — объявил Чарли. — Олли пробуете на роль в настоящем взрослом фильме. Будет играть дочку этого, как его, Бобби Беппа.

— Если получит роль! — Гвинет недоверчиво фыркнула.

— Еще как получит, я и не сомневаюсь, — убежденно сказал Фиделио.

Вскоре слухами о грядущей звездной славе Оливии Карусел гудела вся школа. Оливия даже пожалела, что проболталась о кинопробе Чарли. Но было уже поздно.

А Чарли каким-то чудом удалось весь остаток недели избегать нареканий, так что воскресенье дома он себе обеспечил, а в пятницу понял, что перспектива провести лишний день в школе не внушает ему такого уж отвращения. Проводив Оливию до парадных дверей академии, Чарли пожелал ей ни пуха, ни пера, и девочка послала его по соответствующему адресу с подозрительным воодушевлением.

— Зря ты разболтал всей школе про мою кинопробу, — буркнула она. — Сглазят. — И ушла, не обернувшись.

— Она нервничает, — объяснила Эмма расстроенному Чарли. — А насчет субботы ты не огорчайся, увидимся в воскресенье.

— В «Зоокафе», в два ровно, — предложил Чарли.

— Идет. — Эмма кинулась догонять подругу.

Академия опустела и затихла. Чарли прошел по безлюдным коридорам в спальню и с порога уловил знакомый запах. Ну, точно, Душка, кухаркин пес! Сидит у койки Билли Грифа. И выглядит еще унылее, чем обычно. Вообще-то Чарли считал, что Душка всегда такой квелый, потому что раскормленный, старый и больной, но сейчас Билли, паковавший свой потертый чемодан, объяснил, что все несколько сложнее.

— Он расстроен. Во-первых, потому, что меня забирают, то есть усыновляют, а во-вторых, говорит, что видел какой-то ужас и напугался.

— Правда? — Чарли присел на краешек койки. — А что он видел? Билли посмотрел на пожилого пса, и тот заскулил.

— Опять он за свое. Может, я его плохо понял? Все твердит: «Правда! Правда! Лошадь промчалась сквозь стену!»

— Как? — Чарли подскочил. Билли сел поудобнее.

— Душка говорит, он был наверху, в длинной-длинной комнате, где горит свет, который вкусно пахнет. Еще там был Манфред, старый мистер Иезекииль и три твоих тетки, Чарли. А на столе лежали всякие штуки — мех, железяки и еще какие-то древние кости.

У Чарли по спине побежали необъяснимые мурашки.

— Что еще за кости?

— Душка говорит — лошадиные. Пес внезапно издал утробный рык.

— А потом кости вдруг превратились в лошадь, — старательно перевел Билли и глянул на Чарли, словно опасался, что тот его перебьет, но Чарли молча сидел с разинутым ртом. — Твои тетки что-то делали со всеми этими железяками и разными штучками на столе, — продолжал Билли, — а мистер Иезекииль включил какую-то машинку, которая искрила. Потом что-то взорвалось с ужасным грохотом, повалил дым, а лошадь вскочила со стола и — бум! — пробила стену. И только ее и видели.

— Что они такое затеяли? — заволновался Чарли. — Я и не знал, что мои тетки такое умеют.

— Они же там не одни колдовали, — напомнил Билли. — Манфред и мистер Иезекииль тоже кое-чего стоят. — Он снял очки и

задумчиво подышал на стекла. — Наверно, эту самую лошадь я и видел в небе.

Чарли запустил руки в волосы и уставился прямо перед собой. Ну конечно, рассказ Душки многое объясняет: и картинки с лошадиными скелетами на столе у Манфреда, и то, что он, Чарли, почуял в саду, и цокот копыт во дворе.

— Но зачем она им, эта лошадь? — в недоумении спросил он.

— Может, мы вообще этого никогда не узнаем, — предположил Билли, почесывая Душку за ухом.

— А я как раз думаю, что узнаем. Не иначе, они планируют очередную пакость. Зуб даю.

— Если бы лошадь подошла поближе, я, может, сумел бы с ней поговорить... — протянул Билли.

— Вдруг ты и так сможешь с ней заговорить, издалека? — спросил Чарли.

Билли протер очки рукавом рубашки, которую убирал в чемодан, водрузил их на нос и посмотрел на Чарли.

— Кто знает, — неопределенно ответил он и продолжил укладываться. Гардероб у него был такой скромный, что чемодан заполнился лишь наполовину. — Вот и все. — Билли защелкнул замок и поставил чемодан на пол.

— И больше у тебя ничегошеньки нет? — поразился Чарли и сочувственно посмотрел на Билли.

А как же игрушки, книжки, обувь, парадная одежда, мяч какой-нибудь? У него самого дома шкаф ломится от вещей, а у бедного Билли всего-то и есть, что кучка одежды?

— Нет, есть кое-что еще. — Билли вытащил из тумбочки белый пластиковый мешок и вытряхнул на койку несколько книжек, подаренных кухаркой, колоду карт, корноухого плюшевого мишку и какой-то пакетик, тщательно завернутый в желтую бумагу. — Блуры обычно дарили мне сласти и всякие лакомства, так что почти все подарки пришлось съесть. Но вот это я сохранил. — Билли застенчиво улыбнулся и аккуратно развернул обертку. К удивлению Чарли, в пакетике оказалось четыре свечки, какие обычно втыкают в торт. — Я нашел их в тетиним буфете как раз перед тем, как меня отправили в академию. Тетина собака сказала, что кто-то прислал торт со свечками

на мой день рождения, но тетя не стала втыкать их, и кто прислал — я тоже не выяснил.

Чарли все смотрел на четыре тоненькие свечки на ладони у Билли. Они были не больше мизинца и удивительно тонкой работы, будто их отливали в какой-то особой резной форме: по восковой поверхности вились сложные таинственные узоры — может, волшебные.

— Я их ни разу не зажигал, — сказал Билли.

— Вижу. — Чарли наклонился поближе рассмотреть узоры. — Интересно, кто тебе их прислал?

— Жалко, что я не знаю. — Билли запаковал свечки обратно в бумагу и спрятал в карман.

И очень вовремя, потому что в спальню вплыла надзирательница — проверить, как Билли уложил вещи.

— Свалил все комом! — прорычала она, вышвыривая рубашки и свитера Билли из чемодана прямо на пол. — Немедленно сложи все аккуратно, Гриф. Твои новые родители не потерпят неряху.

— А кто они? — встрял Чарли.

— Не твоего ума дело, — отрезала тетка Лукреция.

— Но Билли имеет право знать! — возмутился Чарли. — А то ему сказали только их фамилию и больше ничего. Откуда они? Где живут? У них есть родственники?

— Повторяю, это не твоего ума дело. А Билли и сам все скоро узнает. — Тетка Лукреция оглядела Чарли и тут же нашла, на чем отыграться: — Ну-ка быстро причешись, а то ты неизвестно на что похож. Нельзя идти на ужин в таком безобразном виде.

Чарли тяжело вздохнул: ну конечно, к чему же еще она могла придаться, если он забыл дома расческу и причесывался от случая к случаю, одалживая гребешок у приятелей!

Когда надзирательница наконец-то удалилась, Чарли помог Билли уложить чемодан заново. И зачем, спрашивается? Во второй раз получилось ничуть не лучше, чем в первый.

— Сойдет и так, — радостно отмахнулся Билли. — Я ведь домой еду! Не будут же они ругаться за такую ерунду!

Билли и впрямь искренне радовался тому, что у него скоро будет свой дом, но при этом почти всю ночь проворочался с боку на бок. Еще бы ему не волноваться: как-никак он начинал новую жизнь!

Глава 5

КЛЯТВА БИЛЛИ

Будущие приемные родители Билли прибыли в академию в субботу перед обедом. Билли и Чарли все утро просидели за уроками в Королевской комнате — к счастью, им повезло и Манфред за ними не надзирал, поэтому подгонять и одергивать мальчиков было некому. Разговора о волшебной палочке Билли больше не заводил, и Чарли решил: «Может, я напрасно его подозреваю? Может, он просто так спрашивал, из чистого любопытства?»

Ровно в полдень в дверь просунулась темноволосая голова Манфреда.

— Гриф, сходи за чемоданом и быстро в холл! — обычным своим резким тоном приказал бывший староста, а ныне — ассистент преподавателя.

— Хорошо, сэр, — кивнул Билли. Глаза у него стали как блюдца — от страха и радости одновременно.

— Пойду, помогу ему, — сказал Чарли.

— Нечего вмешиваться. Это дело Билли, — отрезал Манфред.

Тем не менее, Чарли поднялся с Билли в спальню — не помочь, так хоть рядом побыть.

— Ну, пока! — Билли потащил чемодан к двери. — Может, завтра увидимся. — Он был весь пятнистый от волнения.

— Договорились. Знаешь что, попроси, чтобы тебя отпустили ко мне в гости, а я отведу тебя в «Зоокафе».

— Ой! — спохватился, Билли и поставил чемодан на пол. — А как же Босх? Как с ним быть? Как думаешь, мне позволят держать его у себя?

— Чего не знаю, того не знаю, — пожал плечами Чарли. — Но ты не волнуйся, я договорюсь с кухаркой, она отнесет его в «Зоокафе».

— Тогда до воскресенья! — Билли подхватил чемодан и поспешил в холл.

Через несколько минут со двора донеслись незнакомые голоса. Чарли, который благоразумно почел за лучшее не попадаться больше

на глаза ни Манфреду, ни директору, выглянул в окно и увидел супружескую пару, беседовавшую с доктором Блуrom.

Это они!

Та самая парочка с фотографии в кабинете Манфреда!

Директор проводил де Греев к выходу, но, прежде чем скрыться за главными дверями, новый приемный отец Билли поднял взгляд и в упор посмотрел на Чарли. Тот отскочил и с колотящимся сердцем спрятался за штору.

Ну и мрачный тип! И к тому же явно наделен сильными магическими способностями. Только вот какими? Впрочем, каким бы колдовством ни владел мистер де Грей, все равно Билли это не сулит ничего хорошего. Ой-ой-ой...

Через час, все еще погруженный в мрачные предчувствия, Чарли отправился обедать. В столовой не было ни души — даже Манфред и тот отсутствовал. Ничего себе! Чарли привычно двинулся к длинной стойке, вдоль которой обычно выстраивалась очередь, покрутил головой, ища поднос, но тщетно. Даже вилок и ножей нигде не было. Мальчик несколько растерялся, но тут из кухни выкатилась кругленькая фигура кухарки.

— Чарли! Ах ты, бедолага, один остался! А я и не знала, что ты здесь! Голодный, небось?

— Умираю, есть хочу! — честно признался Чарли.

— Ну, раз больше никого нет, пойдем, пообедаем у меня, — предложила кухарка, и Чарли с радостью согласился. Одному в пустой, гулкой столовой было как-то не по себе.

Вскоре он уже сидел в уютной кухаркиной комнате и уплетал восхитительный овощной суп.

— Я сварила для Блуrow большую кастрюлю, — сказала кухарка. — Ешь на здоровье, его на всех хватит. Давай-ка налью вторую тарелку. Та-ак, ростбифа, кажется, не осталось, зато имеются булочки и шоколадные меренги.

Меренги прямо таяли на языке, а булочки были еще горячие. Кухарка подсунула Чарли масленку, он намазывал булочки маслом и ел, пока не наелся до отвала и не почувствовал, что будет сыт до завтрашнего дня.

— Билли этот суп просто обожает, — со вздохом сообщила кухарка и шумно высморкалась. — Мы с ним обычно обедали вместе

по выходным, когда все разъезжались. Каково-то ему теперь заживется?

— Вы тоже за него беспокоитесь? — спросил Чарли. — Билли так быстро усыновили... и так неожиданно.

— Еще как беспокоюсь! — Кухарка покачала головой. — Не понравились мне эти де Грей, совсем не понравились. По этой парочке сразу видно, что родители из них будут никудышные. Они просто не из тех, кому нужны дети.

— Как, по-вашему, Билли разрешат забрать к себе Босха — ну, крысу?

— Вряд ли. Но я отнесу зверюшку в «Зоо-кафе», к Комшаррам, там ему будет хорошо, а Билли сможет его навещать по выходным. — Она снова вздохнула.

Кухарка была одной из немногих взрослых в академии, кто унаследовал толику магических способностей от Алого короля. Чарли точно это знал, а вот Блуры даже не подозревали, кто на самом деле эта кругленькая хлопотливая женщина по имени Дара. Впрочем, саму кухарку подобное положение дел вполне устраивало, и она изо всех сил старалась скрыть свою подлинную сущность. В академии кухарка не только варила, пекла и жарила, но и охраняла одаренных от злых чар. Это было делом ее жизни, но временами зло побеждало, и Дару это бесконечно печалило.

Внезапно кухарка наклонилась к самому уху Чарли и прошептала:

— Я получила письмо от одного знакомого Билли.

— От кого? — удивился Чарли. Кухарка настороженно огляделась, точно боялась, что у стен могут быть уши, и зашептала еще тише:

— Имени его я тебе пока открыть не могу, Чарли. Один дальний родственник Билли. Когда у бедного малыша погибли родители, этот... человек пытался его усыновить, но Блуры, мягко говоря, восприняли его в штыки, и из этой затеи ничего не вышло. Юбимы его едва не убили, он чудом спасся и теперь вынужден скрываться.

— Юбимы? Чуть не убили? — Чарли разинул рот.

— А что тебя так удивляет?

Перед мысленным взором Чарли возникли зловещие физиономии тетушек, и он угрюмо сказал:

— Да, пожалуй, ничего удивительного в этой истории нет. Только как в лапы к Блурам попал Билли?

— Очень просто — его им сдала родная тетя. Отписала, так сказать. — Кухарка осуждающе нахмурилась. — Слабая женщина, скорее всего, польстилась на деньги — уж наверно, Блуры ей как следует, заплатили.

Чарли запустил руки в волосы.

— Не понимаю! — приглушенно воскликнул он. — Билли был им так нужен? Но почему? Что в нем такого особенного?

— Как что, Чарли? Блуры сразу заподозрили, что у мальчика есть магический дар, но выяснили, в чем именно он состоит, только когда Билли исполнилось шесть. В любом случае Билли ведь из очень одаренной семьи — Грифы все были такие. А, кроме того, его родственник сообщил мне, что Билли — законный наследник и владелец Зеркального замка.

— Ух ты! А что это за место такое? — живо заинтересовался Чарли. — Расскажите, ну пожалуйста!

Кухарка внимательно посмотрела на ерзающего от нетерпения Чарли, и голос ее стал строгим:

— Чарли, что-то у тебя глаза больно горят! Не суйся, куда не след! Слышал поговорку — любопытному на днях прищемили нос в дверях?

— Да я просто хотел узнать, где он находится, этот замок! — самым невинным тоном возразил Чарли.

— Откровенно говоря, я и сама в точности не знаю, — призналась кухарка. — Может, твой дядя тебе объяснит, он человек ученый, начитанный.

Чарли страх как хотелось разузнать что-нибудь еще про Билли, его таинственного родича и не менее таинственный Зеркальный замок, но беседа с кухаркой была прервана самым грубым образом: дверь кухни распахнулась, и на пороге возник бритоголовый Уидон — школьный завхоз, садовник, плотник и по совместительству шофер старика Иезекииля.

— Вот ты где торчишь, Бон! — по обыкновению грубо сказал Уидон. — Чтоб через пять минут был готов.

— Это как? Куда? — Чарли даже подскочил. — Я думал, мне сидеть в академии до вечера.

— Куда-куда, раскудахтался! — передразнил Уидон. — Домой. Потому что твоей тетушке удобнее заехать за тобой прямо сейчас. Что, забыл — по выходным школьные автобусы не ходят? А кроме мадам

Юстасии, из твоей семейки сейчас за руль сесть больше некому. Кое-кто и сел бы, да дневного света боится!

— Кхм! — Намек на дядю Патона Чарли не понравился.

Он поспешно встал, попрощался с кухаркой и поблагодарил ее за обед.

— До встречи, Чарли, — отозвалась та. — Веди себя хорошо. — И она многозначительно подмигнула.

Чарли послушно поплелся за Уидоном через кухню, заставленную начищенными кастрюлями и сковородками. — Пошевеливайся! — поторопил его завхоз. — Не век же ей тебя ждать.

В холле Чарли увидел тетку Юстасию, которая расхаживала взад-вперед, как голодная тигрица по клетке. В животе у мальчика сразу стало холодно. Тетка Юстасия гоняла как ненормальная. Больше ни у кого в машине Чарли так не укачивало.

— Быстрее! Где тебя носило? — злобно спросила она. — Мы обыскались.

— Мне еще за вещами сходить надо, — проблеял Чарли, вспомнив про волшебную палочку, спрятанную под матрасом.

— Вот они! — Тетка Юстасия пнула сумку Чарли, сиротливо валявшуюся на полу. — Скажи спасибо тете Лукреции, она все собрала за тебя.

Надо было выкрутиться любой ценой.

— Но... я забыл тетрадь... с домашним заданием! — с неподдельным отчаянием воскликнул Чарли.

— Одна нога здесь, другая там! — скомандовала тетка Юстасия.

Чарли прихватил сумку и понесся в спальню, где тотчас кинулся шарить под матрасом.

Палочка исчезла!

Сердце у Чарли заколотилось как бешеное. Он перевернул матрас, перетряхнул всю постель, спихнул и матрас, и одеяло на пол — тщетно. Палочки не было. Пришлось водрузить матрас обратно и застелить постель, после чего поникший Чарли вернулся в холл. Холод в животе превратился в ледяной комок страха.

— Что ты так долго копался? — встретила его тетка Юстасия.

— Тетрадку искал, — несчастным голосом сказал Чарли. — Там уже половина задания сделана, не оставлять же...

Тетка Юстасия покосилась на часы и нервно цокнула языком.

— Я не могу больше задерживаться, обещала Венеции быть к двум. Все, пошли.

Уидон, который подобострастно топтался у главных дверей, спросил:

— Ну, готовы? Открываю.

Пока завхоз с большой помпой выбирал из связки здоровенных ключей, висевших у него на поясе, один, тетка Юстасия нетерпеливо фыркала. Наконец ключ повернулся в замке, затем Уидон торжественно отодвинул два массивных засова.

Главные двери распахнулись.

— Прошу вас, мадам. — Завхоз отступил на шаг и поклонился.

— Хватит паясничать. Могли бы и побыстрее, — процедила сквозь зубы тетка Юстасия.

Чарли, сам не зная зачем, оглянулся и заметил в углу холла чемодан Билли Грифа. Значит, его еще не увезли. Неужели Билли прямо так, сразу, отдадут этой парочке, и он даже не успеет разобраться, к кому попал?

Черный автомобиль тетки Юстасии был, в нарушение всех правил, припаркован впритык к фонтану с каменными лебедями. Впрочем, это было не единственное нарушение правил: не успел Чарли забраться внутрь, как тетка резко рванула машину с места и понеслась по городу, да так, будто задалась целью собрать побольше штрафов за все возможные прегрешения. Она срезала углы, подсекала других водителей, проносилась по улицам с односторонним движением в непопозволенном направлении, задевала припаркованные машины и попутно сокрушила не меньше трех боковых зеркал, раз-другой въезжала на тротуар и под «кирпич», мчалась на красный свет, спугнула несчетное количество пешеходов на перекрестках, а с велосипедистами обходилась так, что бедняги еле успевали увернуться. К тому же все это тетка проделывала на сумасшедшей скорости, далеко выходящей за пределы дозволенного. Чарли вцепился в сиденье и едва дышал.

К его крайнему неудовольствию, тетка Юстасия свернула в Сквозняковый проезд — мрачную темную улицу, где обитали сестры Юбим — в трех соседних домах, каждый из которых носил номер тринадцать. Правда, один из трех домов стоял в лесах, и за досками

угадывались закопченные стены и обрушенная крыша — больше от жилища тетки Венеции не осталось ничего.

— Полюбуйся, Чарли, — велела тетка Юстасия, резко, так, что завизжали тормоза, остановив автомобиль. — Это твоих рук дело!

— Ну, уж прямо! — возразил Чарли. — Не совсем моих. И не совсем рук.

— Да, конечно, но ты был тут, когда мой проклятый братец устроил пожар, и я ничуть не сомневаюсь, что это ты его науськал!

— А чего бы вы от него хотели? Тетя Венеция чуть не убила мисс Ингльдю!

Тетка Юстасия только скрежетнула зубами, потом проворно выскочила из машины и открыла дверцу:

— Выметайся!

Упрашивать Чарли не пришлось, он с радостью выбрался из черного автомобиля.

— А теперь марш домой. Сам дойдешь, не рассыплешься. — И тетка Юстасия чувствительно подтолкнула его в спину.

Чарли припустил прочь от трех тринадцатых домов. Поблагодарить тетку за то, что она его подвезла, пусть даже не совсем до дому, мальчику в голову не пришло: Юстасия же его едва не угробила! Однако когда за спиной у Чарли громко хлопнула парадная дверь теткиного дома, он почему-то замедлил шаг и обернулся. Ему вспомнился рояль, упавший с высоты последнего этажа во время пожара, когда рухнула стена. Какой отчаянный аккорд издал бедный инструмент, прежде чем разбиться на тысячу кусочков!

Передернувшись, Чарли заспешил дальше. Но кто все-таки играл на этом рояле, кто сидел взаперти на чердаке у тетки Венеции? Неужели все-таки папа — под замком, со стертой памятью, под властью темных чар? А если это был он, Лайелл Бон, то куда же он делся? Ведь, когда обрушилась стена, чердак был пуст...

— Папа, папа, пожалуйста, вернись... — вырывалось у Чарли. — Вернись...

А в это время Билли Грифф первый раз ужинал вместе с Эшером, и Флоренс де Грей — правда, пока не у них дома, а в академии. Его новые приемные родители настаивали на том, чтобы Билли называл их по имени. «Мы уже не в том возрасте, чтобы отзываться на „маму» и „папу», — сразу же предупредила Билли миссис де Грей. — Нам будет

не привыкнуть». Билли расстроился: он-то так мечтал, что, наконец, назовет кого-нибудь «мамой» и «папой», но решил не показывать своего огорчения.

Столовая Блуrow, как и кабинет директора, помещалась в западном крыле академии и представляла собой длинную, узкую, темную комнату, единственное окно которой выходило в сад. Стены были оклеены красно-золотыми полосатыми обоями, а потолок был так высок, что украшавшая его лепнина терялась в темноте. Билли, сколько ни прижимал очки к носу и ни щурился, так и не рассмотрел, что она изображала, — что-то наподобие горгулий. Над большим овальным столом красного дерева свисала старинная бронзовая люстра, а в камине темного мрамора, несмотря на теплую погоду, полыхал огонь — скорее всего, догадался Билли, его разожгли ради мистера Иезекииля, зябнувшего даже под шерстяным пледом.

Древнего старика усадили во главе стола, спиной к окну. Ел он неаккуратно — чавкая и роняя крошки. Доктор Блур, восседавший напротив, вел светскую беседу с гостями, стараясь не молчать ни секунды, и, видимо, надеялся, что если говорить, не закрывая рта, то на старого Иезекииля никто и внимания не обратит.

Билли втиснули между надзирательницей мадам Лукрецией и Манфредом, напротив новых родителей. Ужин подали такой горячий, что у мальчика даже очки запотели, однако, когда он попытался протереть их салфеткой, надзирательница прошипела: «Носовым платком!».

Платка у Билли не оказалось. К счастью, очки быстро отпотели сами по себе, и перед взором Билли предстали огромные блюда с горами и холмами мяса и овощей, между которыми змеились ручьи подливки. Видимо, Блуры рассчитывали таким образом поразить гостей размахом угощения.

Взрослые разговаривали о скучном. Билли несколько раз попробовал поймать взгляд своей приемной матери, и миссис де Грей отвечала ему улыбками — только вот улыбалась она почему-то одним ртом, вернее, зубами.

Мистер де Грей даже и не брал на себя труд улыбнуться — вернее, иногда он кривил губы, наверно считая, что это сойдет за улыбку. «Может, я чем-то его разочаровал? № — испугался Билли. Он такой строгий, чопорный, должно быть, любит, чтобы все было по

заведенному образцу, и хотел получить в сыновья нормального мальчика, а не такую... моль белесую, да еще в очках и с красными глазами. И вообще, если де Грей так рвались кого-нибудь усыновить, то почему только сейчас собрались? И почему Блуры не предложили им Билли раньше — не додумались?

— Кушай, Билли, хватит мечтать. — Лукреция Юбим толкнула его локтем в бок. — Все тебя ждут, из-за тебя и сладкое не подают.

Билли торопливо набил рот картошкой, но проглотить не мог: у него от волнения и испуга комок стоял в горле.

— Переживает! — объяснила надзирательница гостям. — Дайте ему перед сном яйцо. Он просто обожает яйца.

От неожиданности Билли даже удалось проглотить картошку. С чего это надзирательница вдруг брякнула такое? Откуда ей знать, что он любит? В жизни не интересовалась, а тут вдруг...

Между тем надзирательница убрала тарелки, и Уидон торжественно внес в столовую шоколадный пудинг, причем над столом пронесся одобрителный гул. Что Билли, в самом деле, обожал, так это шоколад, в любом виде, но сегодня ему кусок определенно в горло не лез. Надзирательница плюхнула мальчику на десертную тарелку солидную порцию пудинга, и Билли смотрел на него в печали. Если бы хоть можно было поделиться с Босхом! Но про крысу он и заикнуться боялся: животных, тем более крыс, ему держать не полагалось. Узнай Блуры про Босха — бедному зверьку крышка.

Поскольку Билли даже не притронулся к сладкому, надзирательница забрала у него пудинг, недовольно поджав губы. Ужин был окончен. Взрослые вставали, пересаживались, прохаживались по столовой, а Билли все так же сидел, точно прилипнув к стулу, не в силах шевельнуться.

Миссис де Грей достала откуда-то большой серый ридикюль, извлекла из него три листа бумаги и положила их перед Билли.

— Теперь займемся твоей клятвой, Билли, — гулко объявил директор.

— К-к-клятвой? — не понял тот.

— Да, а ты как думал? Усыновление — это юридическая процедура, следует соблюсти ряд формальностей, подписать соответствующую документацию.

От таких серьезных слов Билли похолодел. Старик Иезекииль подался вперед, впился в него глазами и прошамкал:

— Миссис де Грей хранит клятвы и договоры. Понял?

Билли помотал головой.

— У нее хранятся бумаги! Документы! — Иезекииль неприятно хихикнул. — Так что, прежде чем поселиться в своем новом доме, ты должен подписать договор и поклясться, что выполнишь кое-какие условия. Они перечислены в этих документах. Теперь понял?

Дрожащий Билли кивнул.

— Обведи напротив каждого пункта ответ «да», а в самом низу каждой страницы распишись, — деловым тоном сказала миссис де Грей. Длинным, остро отточенным ногтем она указала, где подписаться, а потом, спохватившись, улыбнулась, точнее, оскалилась.

— А это обязательно? — расхрабрившись, уточнил Билли.

— Если хочешь, чтобы тебя усыновили, — да, — уставив на него свои темные глаза, отчеканил Манфред.

Миссис де Грей сунула Билли ручку и придвинула ближе первую страницу договора. Вот что там было написано.

1. *Я обещаю всегда говорить правду.*
2. *Я обещаю соблюдать тишину и хранить молчание после семи часов вечера (родителям необходимо десять часов здорового сна).*
3. *Я обещаю носить ту одежду, которую родители для меня выберут (это отличная одежда).*
4. *Я обещаю никогда не просить поесть (потому что меня и так будут кормить, как следует).*
5. *Я обещаю никогда не обсуждать с другими детьми происходящее в Покойном доме.*
6. *Я обещаю правдиво, честно и подробно отвечать на любые вопросы о других детях — потомках Алого короля, особенно о Чарли Боне.*

Билли поднял голову от документа.

— Но почему? — недоумевающе спросил он. — И почему о Чарли — «особенно»?

— Таково условие усыновления, Билли. Обведи «да». — Больше никаких объяснений доктор Блур не дал. Пришлось послушаться.

7. *Я обещаю ежедневно мыться.*

— Читать все пункты не нужно. Просто подписывай и все... дорогой. — Похоже, миссис де Грей надоело стоять у него над душой.

На ощупь бумага, на которой был напечатан договор, показалась Билли какой-то странной — когда он задел край листа, то чуть не порезал палец, а сам лист был жесткий и, кажется, горячий.

Наконец все три страницы были подписаны, и Билли с облегчением отодвинул их от себя. Миссис де Грей проворно убрала договор в ридикюль, причем Билли заметил, что он битком набит похожими документами на такой же странной бумаге.

— Дело сделано. Здесь документ будет в целости и сохранности, — удовлетворенно сказала она, похлопав по ридикюлю, а потом подалась вперед и нараспев произнесла:

Слово я дал,
Клятва — закон,
И не нарушен,
Пребудет он.

После чего лицо миссис де Грей расплылось в улыбке и даже в глазах заплясали какие-то искорки.

— Берегись, Билли, — проскрипел Иезекииль, — и имей в виду, что безумцы, пытавшиеся нарушить договоры, которые хранятся в этом ридикюле, дорого поплатились за свою дерзость. Ох, несладко им пришлось!

— Правда? — прерывающимся голосом спросил Билли.

Старик только ухмыльнулся в ответ.

Дальше события развивались быстро: взрослые встали и засобирались, больше не обращая внимания на Билли. Только Иезекииль с многозначительным видом пожал Билли руку и проскрипел: «Поздравляю». Затем подтолкнул его и добавил: «Ну, все, иди, деточка».

Доктор Блур самолично проводил Билли и его новых родителей до главных дверей, а на прощание похлопал мальчика по плечу и поведаль: «Тебе фантастически повезло, Билли, ты обзавелся замечательными родителями». Уидон отодвинул засовы, Манфред взял

чемодан Билли и донес его до самой машины де Греев, припаркованной на площади, — скромного серого автомобиля.

Когда миссис де Грей и Билли уселись, мистер де Грей тронул машину с места. Вел он с большой осторожностью, так что Билли, в отличие от Чарли, ехал с полным комфортом. Наконец серый автомобиль затормозил на какой-то мощеной мрачноватой улице. Сгущался туман, и Билли, выбравшись из машины, едва различал в белой пелене фигуры своих новых родителей. Улица шла в горку, и Билли заспешил вслед за де Грейми, кряхтя из-за неудобного чемодана. Мимо промелькнула заржавелая табличка «Крючковая улица». Затем Билли, несмотря на запотевшие очки, удалось разобрать очертания какой-то двери и прищипленного к ней объявления:

«Праздношатающимся вход не рекомендуется».

Улица забирала вверх все круче и круче, угнаться за новыми родителями Билли было трудно: он спотыкался, ничего не видя в тумане, и несколько раз едва не уронил чемодан, пока, наконец, не додумался тащить его волоком. Бум, бум, бум — стучался чемодан о булыжники, но де Грей даже не оборачивались.

Комок в горле Билли так никуда и не делся и теперь мешал дышать. Мальчик надеялся, что их дом будет стоять в каком-нибудь светлом, солнечном, симпатичном месте, например, посреди веселой зеленой лужайки, и никак не ожидал, что его новые родители обитают в таких угрюмых закоулках. Над головой у Билли заскрипела на ветру вывеска, и, в очередной раз, протерев мокрые от тумана очки, он прочел: «Покойный дом через 10 метров». Указатель был намалеван черными буквами по красному фону. Эти последние десять метров Крючковой улицы оказались самыми крутыми, и Билли окончательно запыхался, но де Грей так и не обернулись, пока не остановились у двери.

— Вот мы и на месте, Билли, — объявила миссис де Грей.

В самом деле, над дверью имелась надпись «Покойный дом», высеченная прямо в каменной стене. Мистер де Грей открыл огромный замок внушительным ключом, и Билли вслед за ним вошел в свой новый дом.

Ого, вот так прихожая! Целый зал, да какой красивый: пол выложен черными и белыми мраморными плитками, будто шахматная доска, по стенам колонны, а на потолке лепнина. Снаружи нипочем не

подумаешь, что внутри такая роскошь, — улица-то унылая. Посреди прихожей над пустой застекленной тумбочкой висело зеркало в золоченой раме, но, заглянув в него, Билли разглядел только свой белесый хохолок, и не потому, что зеркало помещалось слишком высоко, — нет, казалось, все остальное скрыл туман. Интересно, туман что, просочился и в дом? Разве такое бывает? Или в Покойном доме внутри тоже туман?

— Иди за мной, Билли! — позвала миссис де Грей, которая уже поднималась по каменной лестнице. Мистер де Грей успел скрыться в одной из комнат на первом этаже.

С трудом подхватив чемодан, Билли послушно засеменял по скользким шахматным плиткам. Ступеньки у лестницы оказались крутые, и каждая давалась Билли нелегко.

— Скорее, Билли. Тебе понравится твоя комната, вот увидишь. — Миссис де Грей стояла на лестничной площадке и манила его пальцем.

Билли с пыhtением преодолел последние ступени, и миссис де Грей повела его по длинному коридору, в самом конце которого виднелась заманчиво распахнутая дверь. Билли ускорил шаг.

— Входи, — пригласила миссис де Грей, и Билли, затаив дыхание, повиновался.

Раньше у него никогда в жизни не было собственной комнаты. А эта оказалась в сто *раз* лучше, чем он предполагал: о такой Билли и мечтать не мог. Прежде всего, кровать была раза в три шире, чем узкая койка в академии, и к тому же из настоящей сосны, с резной спинкой, застеленная красивым голубым покрывалом. Вдоль стен стояли сосновый платяной шкаф и комод, но рассматривать их Билли не стал, потому что его внимание приковал к себе шикарный телевизор на специальной тумбочке и компьютер на письменном столе.

— И это все мне? — не веря своему счастью, спросил Билли.

— Да, все твое. — Миссис де Грей похлопала по ридикюлю, который так и не выпустила из рук, и добавила: — Пока ты соблюдаешь условия, разумеется.

— Условия договора? — переспросил Билли.

— Именно. Ну, располагайся, будь как дома. Вот тут, за ширмой, раковина, а туалет и душ дальше по коридору, так что неумытым тебе ходить не удастся и с грязными руками за стол сесть — тоже. Никакие оправдания не принимаются. Понял?

Билли кивнул.

— Ужинаем мы в шесть, и смотри не опаздывай. Вот часы, над компьютером. Опаздывать к столу у нас не принято. — Она развернулась на каблуках и вышла.

Оставшись один, Билли робко присел на кровать. Он ужасно устал, но к тому же его распирало от впечатлений и хотелось с кем-нибудь поделиться. С Чарли! Может, Чарли придет к нему в гости? Тот он удивится, что в таком мрачном переулке скрывается такой шикарный дом! А уж когда увидит комнату Билли, так и вовсе обалдеет.

Было еще только четыре часа, поэтому Билли решил попросить у миссис де Грей (не забыть бы, что ее надо называть по имени, Флоренс) разрешения позвать Чарли. Запихнув чемодан под кровать, Билли поспешил вниз, но, к его удивлению, ни в кухне, ни в столовой, ни в кабинете, ни в гостиной не было ни души. Де Грей как сквозь землю провалились.

— Где вы? — позвал Билли. — Ау!

Тишина.

Поискав глазами телефон и не обнаружив его, Билли направился к входной двери. Чего проще: пойти и самому пригласить Чарли в гости. Но на полпути, дойдя до зеркала в золоченой раме, Билли вдруг встал как вкопанный: какое-то невидимое препятствие не пускало его дальше, точно путь преграждала прозрачная стена. Мальчик попробовал было протиснуться сквозь нее, но из этой затеи ничего не получилось: невидимая стена была крепче железа.

Пришлось отступить ни с чем. Билли присел на краешек кресла возле зеркала и стал ломать голову, что же происходит. Может, если подождать немножко, невидимая стена растает? От нечего делать он стал рассматривать прихожую. Мраморный пол сиял ослепительной чистотой, но вешалка на стене была абсолютно пуста — ни пальто, ни шляп, ни зонтиков, ни обуви. Можно подумать, в Покойном доме никто не живет! На мгновение Билли показалось, что в полутьме под вешалкой стоит что-то темное — сапоги? Он подошел поближе. Из-под вешалки выглядывала кошка — небольшая, короткошерстная, с серыми усами и тощим хвостом. Кошка! Ну вот, хотя бы есть с кем словом перемолвиться! Билли присел на корточки и представился:

— Здравствуй! Меня зовут Билли. Я буду тут жить.

— Добро пожаловать, Билли, — тихо отозвалась кошка. — Мое имя Клаудия. Мне с тобой будет веселее, но тебе... тебе я не завидую.

Глава 6

ЭЛИС АНГЕЛ

С облегчением покинув Сквозняковый проезд, Чарли, однако, не направился прямо домой, а повернул в сторону книжного магазина Ингльдью, помещавшегося в одном из старых домов, обрамлявших Соборную площадь. Черепичные крыши, резные старинные ставни, древний булыжник под ногами... Чарли уже подходил к площади, когда из собора до него донеслись величественные звуки органа. Когда-то соборным органистом служил отец Чарли, Лайелл Бон, а потом он пропал неведомо куда — с этой самой площади. Он пытался воспрепятствовать очередной мерзкой затее Блуrows — похищению Эммы Толли, и поплатился за это: Манфред, тогда еще маленький, навел на него гипноз, после чего все следы Лайелла Бона растворились в неизвестности. По крайней мере, ни мама Чарли, ни он сам не знали, где мистер Бон и жив ли он вообще. Блуры утверждали, что погиб, но Чарли в это не верил и упорно продолжал поиски.

«Может, я стою на том самом месте, откуда исчез папа, — подумал Чарли и, вздрогнув, поспешно зашагал дальше. — Нечего кукситься, я все равно его найду рано или поздно!»

Первой, кого он увидел, перешагнув порог книжного магазина, была Эмма — она с деловым видом стояла за прилавком и сосредоточенно изучала стопку толстых книг в солидных кожаных переплетах. Звяканье дверного колокольчика заставило девочку вскинуть белокурую головку.

— А, Чарли, привет. Рано же тебя отпустили — скостили штраф?

— Нет, просто не хотели, чтобы я путался под ногами, потому что сегодня за Билли приехали новые родители.

— Ах да, я и забыла. Ты их видел?

— Угу, и они мне жутко не понравились. Неприятные типы. Помоему, Билли им на самом деле нужен как рыбе зонтик. Я еще вчера видел их фото на столе у Манфреда и... в общем, знаешь, я беспокоюсь. Какое-то это неправильное усыновление: вдруг взяли, приехали, подписали пару бумажек и увезли Билли.

— Блуры много чего неправильного делают, и это еще мягко сказано, — помрачнев, отозвалась Эмма. — Но всегда выходят сухими из воды, потому что они — самая родовитая семья у нас в городе и все их боятся и лебезят перед ними, даже мэр и городской совет.

— Напрасно они считают, что Манфред и Иезекииль могут все на свете, — мрачно заметил Чарли. — Кстати, у меня неприятность: кто-то свистнул волшебную палочку!

— Да ты что? — Эмма от такой новости даже книгу выронила. — Что будешь делать?

— Пока сам не знаю. Не надо было, конечно, тащить ее в школу, — с запоздалым сожалением произнес Чарли, — но я-то думал, она, м-м-м, пригодится... ну, для учебы.

— Гвозди микроскопом забивать? — Эмма покачала головой. № Скверное дело. Это уже серьезно.

— Без тебя знаю, — буркнул расстроенный Чарли. — Да ведь палочка-то моя, персональная! Она ни на Юбимов, ни на Блуров работать не будет.

— По-моему, если они не сумеют ею воспользоваться, то просто уничтожат.

— Этого я и боюсь. — И Чарли тяжело вздохнул.

В это мгновение из задней комнаты вышел рослый черноволосый господин в темных очках.

— А, Чарли, то-то мне показалось — голос знакомый. — Дядя Патон, а это был именно он, вскинул голову и, увидев над прилавком ярко горящую лампочку, попятился и воскликнул: — Тьфу ты!

Эмма кинулась к выключателю.

Но было уже поздно.

Дзынь! Лампочка вспыхнула еще ярче, затрещала и звонко лопнула, осыпав антикварные книги дождем стеклянной крошки.

— Как, Патон, неужели опять? — донесся из задней комнаты огорченный женский голос.

— Простите, Джулия, простите! — покаянно крикнул дядя Патон, пятясь обратно в заднюю комнату. — Но откуда мне было знать, что здесь горит свет? На улице солнце!

— Это я зажгла лампу, чтобы получше рассмотреть книги, — призналась Эмма. — Ничего, сейчас все приберу. — Достав из-под прилавка щетку и совок, она принялась привычно и аккуратно сметать

осколки. Мисс Ингльдю постоянно держала эти предметы наготове, еще с первого визита дяди Патона в магазин.

— Что ж, могло быть и хуже. — Мисс Джулия Ингльдю вышла из задней комнаты и огляделась.

Чарли был удивлен, встретив в магазине дядю: как правило, тот предпочитал сидеть дома до темноты, и гулял только по ночам, да и то выбирал уединенные места. Дядя Патон стеснялся своего магического дара — и впрямь своегообычного — и особенно боялся, что ненароком разобьет светофор или светящуюся витрину. Впрочем, лампочки, люстры, торшеры и все прочее тоже подвергались риску. Что же заставило дядю Патона появиться в книжном магазине среди бела дня? Уж, наверно, какая-нибудь важная причина, если, конечно, дядя не пришел просто провести мисс Ингльдю — обаятельную красавицу, в которую, кажется, влюблен уже давно.

— Помочь? — предложил Чарли хлопотавшей Эмме.

— Пойди лучше поговори с дядей и последи, чтобы... чтобы обошлось без дальнейших жертв, — попросила мисс Ингльдю. Она никак не могла привыкнуть к тому, что лампочки то и дело приходилось менять.

Чарли послушно пошел отвлекать дядю Патона, но на пороге подсобной комнаты, как всегда, замер и сам отвлекся — так здесь было интересно. Все стены от пола до потолка были заняты книжными полками; мало того, книги громоздились на полу, на стульях, на массивном столе красного дерева. Вкусно пахло выделанной кожей, старой бумагой, книжной пылью, и, казалось, от присутствия множества старинных и редких книг в искусных переплетах, украшенных тиснением, сам воздух в комнате был золотистый. Сегодня в нем висела легкая дрожащая дымка, поскольку повсюду горели свечи: маленькое окно пропускало мало света, а включать настольную лампу в присутствии дяди Патона мисс Ингльдю не отважилась.

Сам дядя Патон устроился на диванчике, обложившись газетами, книгами и папками с документами. Завидев Чарли, он снял темные очки и устало потер глаза.

— От очков никакого проку, — сердито сказал он. — От неприятностей они не спасают, разве что немножко тормозят... эффект. — Сунув очки в нагрудный карман вельветового пиджака,

дядя спросил: — Чарли, твоя мама сказала, что тебя опять оставляли после уроков, это правда?

— Да. И забирала меня из школы тетка Юстасия, — с упреком сказал Чарли.

— Извини, друг мой, но ты же знаешь, я никак не могу сесть за руль днем.

— Ладно, доехал живым, и то спасибо, — проворчал Чарли. — Вот уж не ожидал вас тут застать!

— А-а, так я пришел еще затемно, — ответил дядя Патон, внимательнейшим образом изучая обложку одной из книг и избегая взгляда Чарли. — Джулия позвонила мне еще вчера вечером. Кто-то подсунул ей под дверь письмо на мое имя. Интересное дельце. Сам понимаешь, я прибежал, как только смог. Кстати, письмо непосредственно касается твоего знакомого, мой мальчик.

— Кого именно? — насторожился Чарли.

— Билли Грифа. — Дядя Патон жестом предложил Чарли сесть рядом и вынул из кармана помятый конверт, на котором каллиграфическим, но каким-то шатким почерком было выведено «Мистеру Патону Юбиму». — Любопытно, что ты об этом скажешь, Чарли. — Он извлек из конверта письмо на двух страницах, а вместе с ними выпала тоненькая свечка — из тех, что втыкают в торт.

— Ого, да ведь у Билли есть точно такие же свечки! И он понятия не имеет, откуда они взялись, то есть, кто их прислал вместе с тортом.

— Элементарно, Чарли. Их прислал автор письма. А эту свечку он приложил в качестве доказательства. — Дядя Патон повертел белую витую свечку в длинных пальцах. — Красивая.

На пороге появилась Эмма.

— Садись и слушай, — велел ей дядя Патон, торжественно откашлялся и зачитал таинственное письмо.

Дорогой мистер Юбим,

Прошу простить меня, что столь бесцеремонно вторгаюсь в Вашу жизнь, но, поверьте, у меня нет иного выхода. Если содержание этого письма станет известно некоей знакомой нам обоим особе, проживающей под Вашей крышей, произойдет настоящая катастрофа.

— Это он про бабушку Бон! — догадался Чарли.

Дядя Патон нахмурился, утвердительно хмыкнул и продолжал чтение.

Мистер Юбим, Ваше имя сообщил мне один из тех немногих людей, кому я еще могу доверять. Кроме того, у меня есть достоверные сведения, что дама, через которую я передаю Вам это письмо, хорошо относится ко всем этим детям. Вы понимаете, о каких детях речь? Да-да, о магически одаренных потомках Алого короля, точнее, о тех из них, кто старается применять свои таланты достойным образом, не роняя имени великого предка, его величества короля-чародея. Эти дети беззащитны и уязвимы, особенно перед лицом других его потомков, осквернивших наследие Алого короля и употребляющих свои таланты во зло.

Однако ребенок, о котором я хочу с Вами поговорить, еще не склонился ни на одну из сторон. Я охраняю Билли Грифа. Когда его отец, Руфус Гриф, и его прелестная жена (она тоже была родом из Грифов и приходилась Руфусу кузиной) осознали, что им не спастись от Блугов и Ваших злокозненных сестриц (простите мне это определение), то попросили меня стать защитником Билли, следить за малышом и охранять его, главным образом помешать ему стать таким, как Блуры. Увы, когда Билли осиротел, его отдали под опеку тетки, и не думавшей оберегать его душевную чистоту. Эта особа предпочла не обращать на своего подопечного внимания, пока талант Билли не заявил о себе, а как только это произошло, просто сдала его Блурам.

Мистер Юбим, Вы наверняка задаетесь вопросом, что заставило меня все это время пренебрегать своими обязанностями. Скорее всего, Вы возмущенно спрашиваете: «И где же был этот так называемый опекун и защитник ребенка все шесть лет?» В тюрьме, мистер Юбим.

Эмма подпрыгнула на пуфике, Чарли дернулся, а мисс Ингльдю, которая, оказывается, тоже слушала, стоя в дверях, ахнула.

— Как? Вы не говорили мне, Патон, что он сидел в тюрьме!

— Я просто опустил эту подробность, чтобы не волновать вас понапрасну, Джулия, — оправдался дядя Патон.

— Твой дядя прочитал мне лишь половину письма, а вторую часть я еще не слышала, — объяснила мисс Ингльдю, присаживаясь рядом с Чарли.

Дядя Патон улыбнулся ей и проникновенно сказал:

— Вот теперь мы и узнаем ваше драгоценное мнение.

— Дядя, пожалуйста, читайте дальше! — взмолился Чарли.

— На чем бишь я остановился? — Дядя Патон невыносимо медленно повел пальцем по строчкам.

— На тюрьме! — выпалил Чарли, сгорая от нетерпения. — Этот бедняга пишет, что сидел за решеткой.

— А, вот, нашел. — Дядя расправил листок и стал читать дальше.

В тюрьме, мистер Юбим. Уверяю Вас, я был невиновен. Я попался в сети, расставленные этим негодяем Уидоном, естественно, по наущению своего хозяина. Мерзавец попытался убить меня — стукнул по голове в темноте, когда я вышел позвать кошку с прогулки. Однако на первый раз я отделался легким сотрясением мозга, и тогда он подстроил мне вторую ловушку, и меня арестовали за вооруженное ограбление, которого я не совершал, взяли на месте чужого преступления. Подумать только, меня, типографа, всю жизнь имевшего дело с бумагой, чернилами, буквами, шрифтами, заставками, гравировками и прочими тонкими материями! Я и мухи в жизни не обидел. Но злодей рассчитал все до мелочей, и меня уперли за решетку, а освободили только неделю назад ~ досрочно, за примерное поведение.

Все это время я помнил о Билли и потому первым делом связался с надежным другом в академии Блура. Каков же был мой ужас, когда выяснилось, что Билли усыновили Эшер и Флоренс де Грей! Скажу без преувеличения, для мальчика это может быть смертельно опасно.

Мистер Юбим, согласитесь ли Вы оказать мне помощь? Не могли бы Вы устроить мне тайную встречу с Билли? Я знаю, что с ним дружит Ваш племянник Чарли — может быть, попробовать задействовать его? Наша главная задача — отобрать Билли у де Греев, но эту операцию следует тщательнейшим образом спланировать и держать в строжайшем секрете.

Я непременно свяжусь с Вами в самом скором времени. Пока же остаюсь в надежде на Вашу помощь,

Искренне Ваш К. Карквилл.

— Вот так история! — воскликнула мисс Ингльдью.

— Не иначе, это он про кухарку, — задумчиво сказал Чарли. — Ну, «надежный друг в академии» — это кухарка, больше некому. Она мне вчера намекала, что судьбой Билли интересуется кто-то из родственников, и еще упомянула какой-то Зеркальный замок. Дядя Патон, вы не знаете, где это? Билли вроде как наследник, у него там предки жили.

— Впервые слышу, — ответил дядя. — Чарли, а ты видел этих так называемых приемных родителей Билли?

— Угу, я вот уже сказал Эмме — они мне не понравились. И еще... — Чарли замялся, — словом, вышло так, что я слышал их голоса. На одной фотографии. Мистер де Грей прямо так и сказал, что терпеть не может детей. Ясное дело, Билли ему не особо нужен.

— А малыша уже к ним отвезли?

— Да, они сами за ним сегодня приезжали, — откликнулся Чарли. — Но мы с Билли вроде как договорились, что завтра он зайдет ко мне домой, а оттуда мы двинем в «Зоокафе». Сказать Билли про мистера Карквилла, да, дядя Патон?

— Нет! — Дядя строго погрозил пальцем. — Еще рановато, Чарли. Мне нужно как следует обдумать, как устроить им встречу. А пока Билли лучше ничего о нем не знать. Если мальчишка ненароком проболтается, бедняге Карквиллу конец. А он и так уже много перенес.

— Ладно, не скажу, — согласился Чарли, — Эти де Грей, по-моему, жуткие типы, но Билли, по крайней мере, выбрался из академии — уже что-то.

— По-моему, это называется «из огня да в полымя», — невесело заметила доселе молчавшая Эмма, в силу собственного опыта хорошо знавшая, что такое приемные родители, которые не выносят детей.

* * *

В воскресенье Чарли с утра изнывал от нетерпения в ожидании Билли. Бабушка Бон при полном параде выплыла из своей комнаты и направилась к выходу — в шляпке с черными перьями и длинном

сером пальто с воротником из норки. Точнее, двух норок, чьи хвостики болтались у нее на спине, а мордочки и передние лапки — на груди. Стекланные глаза двух мертвых зверюшек смотрели так обиженно, что Чарли, как всегда, пробрала дрожь.

— Бабушка, а... — начал Чарли.

— Не путайся под ногами, — отрубила старуха Бон. — За мной приехала Юстасия.

Судя по пронзительному скрежету тормозов, так оно и было.

— Я просто хотел спросить, не знаете ли вы, какой теперь адрес у моего друга, Билли Грифа? — Чарли решил добиться своего.

— Знаю, разумеется, но тебе и не подумаю сказать! — Бабушка Бон грубо отпихнула Чарли с дороги и захлопнула за собой дверь.

Вновь раздался визг тормозов, затем громкое «буме» (никак тетка Юстасия задела фонарь!) и возмущенный возглас бабушки Бон. Чарли уныло поплелся в кухню, бурча:

— Вот мырма! Ни за что не скажет, где теперь живет Билли.

— Не расстраивайся, Чарли, — утешила его хлопотавшая в кухне Мейзи, — наверно, Билли сейчас полдничает со своими новыми родителями и очень доволен. Ну, подумаешь, чуточку опоздает. Придет прямо в кафе.

— Будем надеяться, — вздохнул Чарли. Дело в том, что воскресные встречи в «Зоо-кафе» уже превратились у Чарли и его друзей в традицию. Сегодня он честно прождал Билли до четырех, но так и не дождался, а потом все-таки пошел в кафе один. Уже на углу Лягушачьей улицы до него донеслась разноголосица из «Зоокафе» — лай, мяуканье, чириканье и писк.

Помещение необычного кафе располагалось в толще древней каменной стены, и выглядело оно так, точно заведение простояло тут не меньше нескольких веков. Вывеска была намалевана прямо на стене, над огромным окном от пола до потолка, и, чтобы усугубить смысл, каждая буква в слове «Зоокафе» была щедро разукрашена рогами, копытами, крыльями и хвостами.

Первый, на кого наткнулся Чарли при входе, был здоровяк в футболке с узором из попугаев — швейцар Нортон.

— А-а, Чарли Бон! — радушно воскликнул он. — Ты как раз вовремя, друзья тебя заждались, а пес твой просто с ума сходит.

— Да вот припозднился, так получилось. А собака вообще не моя.

— Раз Бенджи уехал и оставил пса на тебя — он твой, — припечатал Нортон.

Эту мысль подтвердил истерический лай, и огромный пес соломенной масти ринулся к Чарли, выскочив из кухни.

— Привет, Спринтер-Боб, соскучился? — Чарли потрепал пса по загривку, уклоняясь от мокрого языка, и искал глазами друзей.

Эмма и Габриэль устроились за столиком в углу. Между ними стояла тарелка печенья. Оба пили какой-то загадочный розовый напиток. Тут же на столе примостились три Габриэлевых хомячка, увлеченно лакая из лужи пролитого питья, — то ли его пролили нечаянно, то ли это добрый хозяин позаботился о своих питомцах, а взять блюдце не додумался.

— Вишневый морс, — объяснил Габриэль подошедшему Чарли, — хомячки его просто обожают.

— Оно и заметно, — откликнулся Чарли, присаживаясь на свободный стул и запихивая Спринтера под стол.

— Хочешь попробовать?

— Спасибо, нет, а вот от печенья не откажусь. — Чарли взял две штучки, одну себе, одну Спринтеру-Бобу.

Тот благодарно схрумкал подношение в один момент и положил голову на колени Чарли, всем своим видом выражая надежду на добавку. Пришлось скормить псу и вторую печенюшку.

— А где остальные ребята? — спросил Чарли, стряхивая с рук крошки.

— Тан и Зандр тебя не дождались — были и ушли, — объяснила Эмма. — Ты чего так долго копался? А Билли где? Я думала, ты его приведешь.

— Он так и не пришел, — ответил Чарли. — А где Оливия? Кто-нибудь ее видел? Она получила роль?

Эмма пожала плечами:

— Я ей звонила, даже дважды, но трубку никто не брал. Она обещала прийти сюда, но, видно, у нее планы изменились.

— Наверно, ее утвердили, и наша звезда так задрала нос, что с простыми смертными больше водиться не будет, — насмешливо предположил Габриэль.

— Ты что! — возмутилась Эмма. — Оливия вовсе не задавака! Придет, вот увидите.

Но Оливия так и не появилась, как, впрочем, и Билли. В конце концов, друзьям надоело ждать без толку и они разошлись — Габриэль и Эмма по домам, а Чарли на прогулку со Спринтером-Бобом. Они гуляли почти час, пес вволю набегался, и на обратном пути в «Зоокафе» Чарли даже запыхался. На подходе к Лягушачьей улице Спринтер вдруг радостно загавкал и потянул Чарли за собой.

И тогда Чарли заметил на противоположной стороне улицы Оливию, которая, завидев его и виновато оглянувшись, метнулась в переулок. Что это на нее нашло? Заинтригованный Чарли последовал за ней, но Оливия уже исчезла. Чарли растерянно повертел головой, однако Спринтер-Боб мигом взял след и потащил Чарли дальше по переулку, через мощеную площадь, за которой начинался район маленьких магазинчиков.

А вон и Оливия! Она опять оглянулась на Чарли и вновь пустилась бегом. Но куда ей было тягаться со Спринтером-Бобом! Пес вырвал поводок из рук Чарли, нагнал девочку и радостно запрыгал вокруг нее с громким лаем.

— Фу! Отстань! Уйди! — прикрикнула на него Оливия.

— Лив, подожди, не убегай! — позвал на бегу Чарли. — Ты чего, это же просто Боб! Не бойся!

Оливия прислонилась к стене. Подбежавший Чарли ухватил пса за ошейник.

— Он и не думал тебя обижать — просто радовался, ты же его знаешь. — Чарли всмотрелся в лицо Оливии и осекся: — Что с тобой? Видок у тебя просто кошмарный.

— Вот уж обрадовал! Спасибо! — язвительно поблагодарила Оливия.

— Ну, извини, я не то хотел сказать. Просто ты... какая-то не такая, — пристыженно поправился Чарли. Ох уж эти девчонки, слова им не скажи.

На самом деле Оливия и впрямь выглядела скверно — растрепанная, зареванная, с покрасневшими глазами и носом. И одета была что-то уж слишком по-будничному — в джинсы и мятую футболку. Это она-то, которая всегда щеголяла в экстравагантных ярких нарядах — таких, что на нее на улице оглядывались! Чарли никогда еще не видел Оливию настолько просто одетой и одновременно расстроенной. Наверно, надо спросить ее насчет

кинопробы: не спросишь — еще хуже выйдет, получится, будто не интересуешься.

— Ну как, дали тебе роль? — выдавил Чарли.

— Нет! — процедила Оливия и в сердцах пнула стену. Губы у нее сжались.

— Ох, жалко! Сочувствую. — Ответ вышел глупее некуда, Чарли и сам это понимал, но что он еще мог сказать?

— Не надо меня жалеть! — яростно воскликнула Оливия. — Понял? Нечего.

— Ладно, не буду. Ты скажи, что было-то? Или вообще рассказывать не хочешь?

Оливия помолчала и вдруг поняла, что хочет, еще, как хочет рассказать об этой несчастной кинопробе во всех подробностях — излить душу, чтобы вся эта позорная история не жгла ее изнутри, а выплеснулась наружу. Чтобы хоть кто-нибудь все-таки ее пожалел. Например, Чарли и пес.

— Сначала все было просто отлично, — дрожащим то ли от обиды, то ли от гнева голосом начала она, прислонившись к стене и колукая носком башмака булыжник. — Я прошла почти до самого конца отбора, нас оставалось всего шестеро. Остальные девчонки были, кстати, младше, но мама сказала, это еще ничего не значит. Ха! — Оливия насупилась. — Около меня сидела такая фифа, от силы лет тринадцати, с косичками и вся в веснушках, голосочек тоненький, писклявенький. Все время твердила, мол, роль дадут тебе, роль дадут тебе, у тебя же мама знаменитая.

— Свинство говорить такие вещи! — искренне возмутился Чарли.

— Ну, не знаю. Я была так уверена в себе, что вообще ни о чем не задумывалась. В общем, потом меня вызвали. Там сидело жюри, четыре человека, две дамы, двое мужчин. Я показала свой номер — старалась, как не знаю кто. Честное слово, из кожи вон лезла! И я знаю, у меня получилось отлично! А они даже ничего не записывали. Потом один из жюри, который режиссер и, кстати, папин друг, улыбнулся — мило так — и говорит: «Спасибо, Оливия, все было замечательно, но нам нужен несколько иной типаж». — Оливия выдержала эффектную профессиональную паузу и не слишком артистично шмыгнула носом. — И знаешь, кто получил роль? Эта конопатая.

— Да ты что! — Чарли ахнул. — Не может быть.

— Это еще не все. — По щеке Оливии скатилась слеза. — Я не выдержала и наорала на маму, сказала, это она виновата, что меня не взяли. Мы жутко поругались, и теперь она расстроена в сто раз сильнее моего. Дома я сказала, что пойду в «Зоокафе», но, честно, у меня просто сил не было никого из вас видеть и рассказывать все по новой. Извини. Поэтому я сначала и от тебя дернула. Я решила, что надо пойти купить маме цветов — ну, как бы в знак примирения. Мне кто-то сказал, что в этом районе есть хороший цветочный магазин, который работает допоздна.

— Вон он! — показал Чарли.

Вывеска магазина была такой яркой, что мальчик удивился, как это не заметил ее раньше. И дверь, и оконные рамы были выкрашены в ярко-зеленый цвет, а над витриной кудрявились золотые буквы: «Цветы от ангела».

— Смотри, а цветы все белые! — заметила Оливия, и ее лицо посветлело.

И в самом деле, все цветы в витрине были белыми, все до единого — розы, лилии, герберы, тюльпаны, ирисы и еще всякие экзотические растения, каких Чарли раньше никогда не видывал.

— Пойдем, глянем, открыто у них или нет. — Чарли направился было к магазину, но Оливия не сдвинулась с места. Тогда он дернул ее за руку: — Да пошли же! А то Боб меня вот-вот уронит.

Спринтер-Боб уже всю тянул Чарли через дорогу. Оливия сдалась.

Подойдя вплотную к витрине, Чарли прилип носом к стеклу, за которым стеной стояли белые цветы.

— Открыто — там кто-то ходит, — сказал он и шагнул к двери.

— Нет, — внезапно остановилась Оливия. — Я передумала.

— С чего вдруг? — удивился Чарли.

— Не хочу заходить. — Девочка застыла как вкопанная, не сводя глаз с роскошного букета лилий.

— Пошли, купим хотя бы одну лилию, — уговаривал Чарли, — это недорого.

— А ты откуда знаешь? — подозрительно спросила Оливия.

«Какая муха ее укусила?» — дивился Чарли. У него постепенно складывалось впечатление, что странная перемена в Оливии на самом

деле связана не с провалом на пробах, а с чем-то совсем другим.

— Слушай, если у тебя напряженка с деньгами, я тебе одолжу, — мягко сказал он. — Вряд ли эти лилии такие уж дорогие, тем более одна штука. Знаешь что, я вообще тебе ее куплю! — Чарли отворил дверь и сразу же окунулся в цветочные ароматы. Спринтер-Боб, следовавший за ним, чихнул.

— М-м-м! — Мальчик восхищенно втянул в себя воздух. — Прямо райский запах!

— Вот именно! — сказал кто-то.

Из подсобного помещения вышла хозяйка магазина, и пес тут же радостно кинулся к ней, виляя хвостом.

— Какой славный. — Хозяйка потрепала Спринтера-Боба по загривку, и пес чинно сел, сияя от удовольствия.

— Нам нужны, э-э-э, лилии, — решил Чарли.

— Вам с псом? — пошутила хозяйка. Волосы у нее были белее снега, а глаза — зеленые, как весенняя трава.

— Нет, нам с подругой. Она хочет купить цветы для своей мамы.

Чарли обернулся на диньканье дверного колокольчика и увидел, что Оливия все-таки набралась духу и вошла.

— А, вот и ты, моя дорогая, — приветствовала девочку зеленоглазая хозяйка. — Рада, что ты наконец-то пришла.

— Это вы о чем? — Оливия замерла. — Я вас не знаю.

— Зато я тебя знаю, детка, — улыбнулась хозяйка и протянула гостье руку: — Давайте знакомиться. Меня зовут Элис Ангел. А ты Оливия.

«Ну что она, к полу примерзла?» Чарли поспешно пожал руку хозяйки.

— Успокойся, Лив, все в порядке. — Он покосился на Оливию. Та опять была темнее тучи.

— Что ж, не будем спешить. Так сколько вам лилий? — мягко спросила Элис Ангел.

Оливия сжала губы и молчала.

— А почему они? — предусмотрительно поинтересовался Чарли.

Но Элис не ответила, будто и не слышала вопроса. Она задумчиво потеревала подбородок.

— Лучше всего взять десять — по одной на каждого из отпрысков короля. Хотя кое-кто из его детей, говоря по чести, и не заслуживает

цветов. Да, десять, и к лилиям — несколько зеленых веточек.

«С этими белыми волосами и зелеными глазами она сама как лилия, — подумал Чарли. — Откуда, интересно, эта таинственная Элис знает о короле и его десяти детях?» Эту мысль вытеснила другая, более прозаическая.

— Извините, у меня всего два фунта, — предупредил Чарли.

— Вам цветы бесплатно, — успокоила его Элис, проворно составляя букет и перекладывая лилии зеленью. Она завернула букет в серебристую бумагу и перевязала белой атласной ленточкой. — Вот и готово. Бери!

Чарли бережно принял похрустывающий бумагой букет, высунулся из-за него и осторожно спросил:

— А точно бесплатно?

— Совершенно точно и обсуждению не подлежит. — Элис посмотрела на Оливию: — Ты ведь еще придешь? Нам многое предстоит узнать, детка.

Вместо ответа Оливия, которая так и не проронила ни слова, резко развернулась и выскочила за дверь.

Чарли стало не по себе. Все-таки эта Элис Ангел какая-то странная. И имечко у нее необычное, и волосы белые... Что-то тут не так.

— Большое спасибо за цветы, миссис... мисс... — он замялся, — Ангел. Извините, что Лив такая... ну, невежливая. Она обычно ведет себя совсем иначе, просто ей сегодня пришлось туго.

— Я знаю, — кивнула Элис. — Яблоко хочешь? Из моего сада, очень вкусное.

— Нет, спасибо, — Чарли настораживался все больше. — Мама работает в зеленой лавке, так что фруктов мне хватает.

— Конечно, я помню. До встречи, Чарли.

— До свидания. — Чарли двинулся к двери, таща за собой упирающегося пса, которому в цветочном магазине почему-то очень понравилось. Только на улице мальчик сообразил, что Элис Ангел назвала его по имени.

— Откуда она узнала, как меня зовут? — обескураженно спросил он.

— А меня она откуда знает? — парировала Оливия, забирая у Чарли букет. Вид у нее был настороженный, испуганный и

смущенный. — Она меня насквозь видит! — Девочка понизила голос до шепота: — Она обо мне такое знает, чего я и сама не подозревала!

Глава 7

КНИГА АМАДИСА

Вернувшись в «Зоокафе» и сдав Спринтера-Боба на руки Нортону, Чарли спросил у мистера и миссис Комшарр, не знают ли они чего про магазин «Цветы от ангела».

— Название вроде бы знакомое, — озадаченно почесал в затылке мистер Комшарр. — По-моему, это одна из тех лавочек, которые сегодня появляются, а завтра исчезают. Магазин-однодневка, понимаешь, о чем я?

Чарли не понимал.

— В этом городе происходит гораздо больше, чем можно себе представить, — добавила миссис Комшарр.

— Ну, я-то теперь готов представить себе что угодно, — заявил Чарли. — После академии чему хочешь, поверишь. Если бы вы мне сказали, что Боб — на самом деле заколдованная столетняя фея, я бы и то не удивился.

Эта идея так рассмешила мистера Комшарра, что он чуть не задохнулся от хохота, и жене пришлось принести ему стакан воды.

Чарли ласково потрепал Спринтера-Боба за ухо, попрощался с Комшаррами и побежал домой: было уже шесть. Мама наверняка беспокоится.

Опасения Чарли подтвердились.

— Где тебя носит?! — встретила его встревоженная мама.

— Мы звонили Дореми, но Фиделио сказал, что сегодня с тобой не виделся. Мы тут с ума сходим! — подхватила Мейзи.

Чарли объяснил, почему задержался, и рассказал про удивительный цветочный магазин.

— Эта Элис Ангел откуда-то меня знает — мам, откуда? Кто-то из вас там бывал?

— Впервые слышу о таком магазине, — пожала плечами Мейзи.

— И я тоже, — кивнула мама. — Чарли, пожалуйста, не болтайся один по городу, особенно так далеко от дома! Я тебе запрещаю.

— Но я был не один, а с Бобом и потом еще встретил Оливию.

— Все равно! — Мама вздохнула. — Ты что, не понимаешь? Я все время за тебя волнуюсь. Был бы твой отец... ах, да что говорить. У тебя есть враги, и я просто не знаю, что со мной будет, если ты... пропадешь, как Лайелл.

— Да не пропаду я, мам! Я же одаренный, в отличие от папы.

— Вот именно поэтому у тебя много недоброжелателей. Ладно, сынок, садись пить чай.

Чарли почувствовал себя виноватым и, как только Мейзи налила ему чай, уткнулся в чашку.

— Мы вот еще, почему тревожились, — объяснила она, — сегодня приходила тетка Венеция.

— Тетка Венеция?! — Чарли поперхнулся чаем. — Кто ее впустил — бабушка Бон?

— Нет, она сама вошла — не иначе, у нее есть ключ. — Мейзи прижала руки к груди. — Я так напугалась — представляешь, высунулась из кухни, а она стоит посреди прихожей, пугало пугалом. Ужас — волосы нечесанные, вся в мятом, грязном. А ведь какая была щеголиха! По-моему, мадам Венеция не в себе после пожара — чем дальше, тем больше.

— Она притащила целый ворох одежды, — добавила мама, — и хотела оставить у нас в доме.

— Нашла дурочек! — Мейзи презрительно фыркнула. — Знаю я ее фокусы — небось, отравила все эти шмотки и решила подсунуть нам.

— Словом, мы, конечно, ничего не взяли и попросили ее уйти. — Судя по маминому лицу, это ей далось нелегко. — А потом решили, что с сегодняшнего дня будем запирать все комнаты на ключ. Так спокойнее. Я уже закрыла. Вот, возьми, Чарли — это ключ от твоей комнаты; когда завтра поедешь в школу, запри ее на замок и отдай ключ Мейзи.

Чарли застонал. Мало ему было неприятностей в жизни, так теперь еще эта морока с ключами!

— Ничего не поделаешь, — утешила его Мейзи, — сам подумай, лучше повозиться с ключами, чем найти скорпиона в свитере или кобру в комод!

Без всякого аппетита допив чай, Чарли устроился перед телевизором, рассчитывая посмотреть свой любимый сериал

«Барбосы» — историю о собачьем народе. Мейзи завела в кухне портативный телевизор вопреки ожесточенным протестам бабушки Бон (это была одна из множества причин затяжных раздоров между двумя бабушками). Чарли помнил, как они скандалили: Мейзи заявила, что, если уж она, как Золушка, целыми днями торчит в кухне, то не намерена пропускать любимые «мыльные оперы» — должна же она видеть хоть что-то хорошее в жизни! А если кому кажется, будто маленький телевизор на буфете — излишняя роскошь, так пусть этот кто-то сам готовит и моет посуду.

Бабушка Бон и помыслить не могла о том, чтобы унизиться до готовки и мытья посуды, и потому Мейзи победила.

Только на экране появились первые титры сериала и Чарли уселся поудобнее, как в кухню заглянул дядя Патон и, сверкая глазами, объявил:

— Чарли, я его нашел!

— Кого — его? — не понял Чарли. Маниакальный блеск в дядиных глазах ему не понравился. «А вдруг тетка Венеция заразила дядю сумасшествием?»

— Не кого, а что, мой мальчик. Я нашел Зеркальный замок, точнее, сведения о нем, — торжественно провозгласил дядя. — Пойдем ко мне в кабинет, покажу.

— Ой, дядя Патон, фильм только начался! — заныл Чарли. — Может, потом? А? Через полчаса? Замок никуда не убежит!

— Что ж... — Дядя гневно вскинул голову. — Если телевизор для тебя важнее семейной истории, если таковы твои при-о-ри-те-ты — на здоровье! — И он хлопнул дверью.

Чарли минут пять честно пытался смотреть «Барбосов» и получать удовольствие, но попробуй сосредоточься, если тебя так облили презрением! Разнообразные псы на экране беседовали между собой человеческими голосами, разъезжали на автомобилях, ходили, друг к другу в гости, но сегодня Чарли почему-то было не смешно. И не интересно. К тому же мама и Мейзи хихикали над каким-то журналом, и это тоже мешало. Чарли закатил глаза, нарочито громко вздохнул и выключил телевизор. Делать нечего — придется идти к дяде.

Однако дядя Патон отозвался на стук в дверь не слишком любезно:

— Что тебе?

— Дядя, я пришел узнать, что вы нашли про Зеркальный замок.

— Ах вот как, теперь тебя это интересует? — проворчал дядя. — Так уж и быть, входи.

В дядиной комнате, как обычно, царил беспорядок: книги и бумаги устилали стол, пол, кровать и подоконник, а книжные полки положительно грозили рухнуть под тяжестью энциклопедий, словарей и прочего. Сам дядя восседал за письменным столом и, блестя очками, читал книгу, от которой на Чарли повеяло баснословной древностью, — растрепанный пухлый том в потертom и даже засаленном кожаном переплете. Страницы у книги были темные, с неровными краями.

— Это Джулия нашла, точнее, откопала среди своих сокровищ, — проникновенно сказал дядя, поглаживая переплет. — Какая умница! Что за поразительная память! Достаточно было просто сказать «зеркальный замок», и она тотчас вспомнила, что это название ей уже где-то встречалось.

Дядя бережно закрыл книгу, и Чарли различил на обложке поблекшие золотые буквы: «Книга Амадиса».

— Что за Амадис такой? — спросил он. Дядя сдвинул очки на кончик носа.

— Второй сын Алого короля, — ответил он. — Здесь рассказана его история. Амадису пришлось бежать из-под, отчего крова, когда коварный Борлат, старший сын короля, захватил власть и устроил в стране резню. Борлат жестоко расправлялся с каждым, кто стоял у него на пути, к тому же, увы, его сторону приняли еще четверо королевских отпрысков. А другие пять, включая Амадиса, пытались остановить кровопролитие. Однако Борлат с приспешниками оказались сильнее, так что благородный Амадис и его сторонники были вынуждены спасаться бегством. Иначе Борлат поубивал бы их всех.

— Так этот Амадис — предок Билли? — догадался Чарли.

— Похоже, что так оно и есть.

— А от кого из детей Алого короля произошли мы? Ну, Юбимы. От кого — от плохого или хорошего?

— Насколько мне удалось установить, мы ведем свой род от Аморет, любимой сестры Амадиса и самой младшей из детей короля.

— Девчонка? — Чарли наморщил нос. Вот так обрадовали... Почему-то ему казалось, что у короля были только сыновья.

— Девочка, Чарли, девочка, — поправил его дядя и вновь открыл растрепанный том. — Аморет бежала с Амадисом и остальными, но по дороге на север пути их разошлись. Аморет исчезла, а Амадис уплыл на некий остров на Северо-Западе. Народ любил его, и многие предпочли последовать за Амадисом на остров, чем погибнуть от руки тирана Борлата.

— А что стало с Аморет? — не утерпел Чарли. — Куда она делась? О ней есть хоть какие-то сведения? Я к тому говорю, что мог бы посмотреть в Интернете...

Дядя снисходительно вздохнул.

— Мальчик мой, облазай хоть весь Интернет, о принцессе Аморет ты не узнаешь ничего. Ее история — глубокая тайна, и никто не знает всей правды. Установить истину, разгадать загадку Аморет надлежит не кому-нибудь, а нам. Именно этим я и занимаюсь последние лет двадцать. — Дядя величественным жестом обвел переполненные книжные полки. — Когда я познакомился с Джулией Ингльдю, то понял, что она — настоящий клад. Подумай только, какая драгоценная находка — человек, который думает так же, как ты, который тоже зачарован тайнами прошлого. Человек, готовый потратить целую неделю на поиски какого-нибудь крошечного факта, единственного недостающего звена в цепочке доказательств. Да-да, для меня Джулия была бы подлинным кладом, даже не будь она столь прелестна и не разделяй она моих взглядов!

Чарли никогда раньше не слышал от дяди таких страстных речей.

— Вы на ней женитесь, да? — простодушно спросил он.

Дядя снял очки, поморгал и тихо, словно боясь кого-то спугнуть, ответил:

— Я не смею даже мечтать об этом.

— А почему нет? Почему бы вам не пожениться, раз вы так друг другу подходите? — брякнул Чарли.

Дядя Патон покраснел и деликатно кашлянул.

— Вот что, друг мой, мы говорили об истории Зеркального замка, а не о моей личной жизни, — сухо сказал он. — Тебя интересует эта книга или нет?

— Конечно, интересует, еще как! — спохватился Чарли. — Только можно я сяду? Устал как собака. — Он так заслушался, что и не заметил, что до сих пор топчется у стола.

— Садись вот туда... нет, вот сюда. — Дядя поспешно расчистил островок на заваленной книгами кровати, и Чарли уселся, поджав под себя ноги.

Дядя Патон развернул свое кресло к Чарли и приступил к чтению, точнее, к рассказу. Надо отдать Патону Юбиму должное, рассказчиком он был отменным и излагал старинные легенды так, словно сам был их свидетелем. За окном постепенно стемнело, вошла луна, но Чарли ничего не замечал, — как замороженный, слушал он историю о принце Амадисе и Зеркальном замке. Звучный, напевный голос действовал на Чарли подобно чарам, и перед мальчиком как живые представляли рыцари в блестящих доспехах, грозно вздымались мечи, вставали на дыбы кони, развевались на ветру знамена, грохотал морской прибой, разбиваясь о прибрежные скалы, и стеной вставал огонь пожара — да, страшная стена пламени. Дядин кабинет, заваленный книгами, как будто стал расплываться, и мальчик точно наяву увидел зеленый остров посреди синего моря и на нем — замок, который сверкал в солнечных лучах ярче морской глади.

— Говорят, это был красивейший замок на свете, — неторопливо повествовал дядя. — Амадис и его свита прибыли на остров и возвели на нем прекрасный замок. И пятнадцать лет прожили они в мире и покое. Тамошняя земля оказалась плодородной, и подданные Амадиса благоденствовали. Сам же Амадис со временем женился на одной из придворных дам, которая родила ему четверых детей. Младшего сына нарекли Оуэйном.

— А как звали остальных? — робко спросил Чарли.

— Для нас это несущественно, — отмахнулся дядя, потом смиростивился и объяснил: — Их печальная участь не имеет прямого отношения к Билли. Рано или поздно Борлат должен был прослышать о замке, и вот, узнав о благоденствии Амадиса, злодей пожелал завоевать остров и забрать замок себе. Борлат высадился на остров с тысячей солдат, осадил замок и потребовал, чтобы принц Амадис сдался.

— А тот, конечно, отказался? — быстро спросил Чарли.

— Естественно. Принц знал, что милости от Борлата ждать не приходится и в случае сдачи замка злодей убьет и его самого, и всю его семью. Амадису предстояло сделать мучительный выбор — ведь он прекрасно знал о страшном даре Борлата.

Чарли подался вперед.

— Дядя Патон, я как раз про это и хотел спросить! Насчет дара! Ведь у всех детей Алого короля были какие-то магические способности, да? Какой дар был у Амадиса и у Борлата? Амадис мог победить брата?

— Амадис понимал язык зверей и птиц, он мог объясниться с любым живым существом, от мыши до слона, но, как ты догадываешься, такой дар был слабым подспорьем в обороне от Борлата.

Чарли нетерпеливо поерзал, и дядя продолжал:

— А Борлат умел повелевать огнем, мог сжечь что угодно и на каком угодно расстоянии одной лишь силой мысли. Но ему не хотелось разрушать такой красивый замок — злодей рассчитывал сам поселиться в нем. Потому-то он и начал осаду. Впрочем, это отнюдь не означало, что Борлат вместе с войском просто окружил замок и стал ждать, пока Амадис сдастся. О нет, он не сидел без дела. Сначала его армия попыталась штурмовать стены, но лучники Амадиса отбили атаку. — Дядя перевернул страницу, провел пальцем по строчкам и отыскал нужный абзац. — Вот, здесь так и написано. Потом войско Борлата сделало попытку пробить крепкие дубовые ворота замка тараном. Но тут со стен замка на осаждающих обрушилась огромная стая летучих мышей и чуть не выцарапала воинам глаза. Осада длилась два месяца, по истечении которых Амадис вместе с сотней верных людей под покровом ночи выбрались из замка и напали на Борлата. Главным их преимуществом была внезапность нападения, но все-таки их было слишком мало: в конце концов, кровожадные наемники Борлата уничтожили всех нападавших. Борлат не зря подбирал себе в армию опытных и безжалостных убийц. Они разили без промаха, и земля у них под ногами стала скользкой от крови. Чарли поежился.

— И Амадиса тоже убили? — замирающим голосом спросил он.

— Принц был смертельно ранен копьем, — ответил дядя Патон и перевернул следующую страницу. — Так-так-так. Вот. Из всего отряда

Амадиса уцелело лишь несколько воинов, которым чудом удалось пробиться в замок, куда они и отнесли своего раненого государя. Там он и остался до самого конца. В глубине души Амадис, должно быть, с самого начала предчувствовал, что Борлат рано или поздно нападет на его след и приплывет на остров, поэтому в замке с самого начала был устроен колодец и всегда хранились запасы провизии. Когда на исходе осады запасы подошли к концу, Амадис призвал к себе зверей и птиц и попросил их о помощи. Летучие мыши, как я уже говорил, помогли отбить атаку в самом начале. — Дядя улыбнулся, пробегая глазами строчки. — Крысы уничтожили все припасы Борлатовой армии, изгрызли сапоги, упряжь, ремни. Птицы проклевывали палатки, волки нападали на воинов, а нетопыри и филины по ночам носились над лагерем Борлата и своими воплями не давали его войску спать. К тому же резко похолодало, зарядили проливные дожди, палатки стояли в лужах, и войско Борлата не выдержало: все солдаты заявили, что с них хватит, и они хотят домой.

— Тогда Борлат и напустил на замок огонь? — сообразил Чарли.

Дядя Патон печально кивнул. Вновь зашуршали страницы.

— У подножия замка стены были обшиты толстыми деревянными панелями — снаружи и изнутри. Но сами стены были из гладкого желтого камня. Когда войско Борлата уже готово было взбунтоваться, тот в ярости погрозил замку кулаком и призвал на него огонь. Деревянные панели загорелись, и все население замка оказалось в огненном кольце. Люди задыхались от дыма, прыгали с парапетов и башен и убивались насмерть. Погибли все — мужчины, женщины, дети, животные. Кроме одного человека.

— Кого? — поразился Чарли, который сидел, покрывшись холодным потом. Дядя так живо описывал страшный пожар, что в горле у мальчика першило от дыма, а глаза щипало. — Как там вообще можно было уцелеть?

— Помолчи! — велел дядя. — Имей терпение. Чарли послушно смолк.

— Борлат вызвал огонь такой силы, что стены замка начали спекаться, иными словами, превратились в стекло — толстое черное стекло. — Дядя поднял палец. — Слушай дальше, сейчас будет самое интересное. Мне кажется, что тут-то и таится ключ к тайнам твоих предков — но по другой линии. Где же это у меня отмечено...

Вновь шуршание страниц.

— Нашел. Итак... Во время своих странствий Амадис познакомился с неким валлийским чародеем по имени Мейтонви, жившим на материке, к югу от острова. Когда Борлат поджег замок, пожар разгорелся с такой страшной силой, что зарево было видно на много миль окрест. Над островом клубились черные тучи дыма, птицы замертво падали в море, а само море покраснело, как кровь, и бурлило, будто кипяток. Немудрено, что Мейтонви тоже увидел зарево и догадался, что произошло на острове. «Неужели уже слишком поздно и я не смогу спасти своего друга, принца Амадиса?» — ужаснулся он. И чародей сделал единственное, что было в его силах, — вызвал снегопад. Свинцовые низкие тучи поплыли к острову, достигли замка, и его башни скрыла пелена бушующей вьюги. Снег падал и падал на замок, и, когда снежные хлопья касались почерневших стен, происходило чудо. Камни, которые расплавились и превратились в стекло, засияли зеркальным блеском.

— Сверкающий зеркальный замок... — протянул Чарли. Потом встряхнулся: — Дядя, а я-то тут при чем? То есть история нашей семьи?

— Мейтонвей, — лаконично ответил дядя Патон. — Это имя есть на генеалогическом древе Бонов — помнишь, Мейзи дала тебе рисунок? Мейтонвей — это твой валлийский предок-чародей.

— А-а-а... — напрягся Чарли. — Что-то похожее там было, но тогда получается, что даты перепутаны. Если Мейтонвей жил при принце Амадисе...

— Достаточно совпадения имен. Валлийцы, чтоб ты знал, с почтением относятся к именам предков и часто нарекают в их честь потомков. Поэтому одно имя может повторяться в роду несколько раз.

— Ясно, — кивнул Чарли.

Валлийский предок, да еще и чародей. Что-то такое было с этим связано. Что-то неприятное. Вспомнил!

— Дядя Патон, я... — Чарли запнулся и потупился, — я... нечаянно... потерял волшебную палочку.

— Что-о?! — Дядя так подскочил, что очки свалились у него с носа.

— Понимаете, — зачастил Чарли, — я прихватил ее в школу, ну, в академию — зря, конечно, я и сам знаю, — спрятал в спальне под

матрас, потом гляжу — а она пропала.

Дядя Патон водрузил очки обратно на нос и пристально посмотрел на Чарли.

— Ты кого-нибудь подозреваешь? — без лишних околичностей спросил он.

— Угу. И если это тот, кого я подозреваю, может, мне удастся вернуть ее. Извините, я вас отвлек. Так что было дальше с замком?

Но дядя не мог так просто вернуться к рассказу и обойтись без внушения.

— Ты меня иногда просто поражаешь, Чарли! Как можно быть таким растяпой! — сердито сказал он. — Ладно, разберешься.

Так, на чем я остановился... Да. Итак, стены замка превратились в сплошное зеркало, и, когда дым рассеялся, воины Борлата внезапно увидели перед собой грозную армию. Они испугались и решили, что принцу Амадису и его войску каким-то чудом удалось выжить, несмотря на страшный пожар. А значит, решили воины Борлата, Амадис и его приспешники обладают сверхъестественными способностями или вообще нелюди. Армия Борлата отступила и с воплями ужаса побежала к своим кораблям. Правда, сам Борлат догадался, что перед ним отражение его собственной армии, но зеркальные стены, возникшие из дыма и снега, так напугали злодея, что он оставил всякие попытки завладеть замком и покинул остров.

— А замок стал одной огромной могилой с зеркальными стенами, — подхватил Чарли. — Бр-р-р! Не хотел бы я там оказаться. Дядя, в книге написано, что кто-то один в замке все-таки уцелел — кто?

Дядя торопливо зашелестел страницами и нашел закладку в самом конце книги.

— Уцелел лишь младший сын Амадиса, беловолосый альбинос Оуэйн, который унаследовал от отца дар понимать язык зверей и птиц. Бездомный сирота, он не знал, куда податься, а тем временем к замку слетелись вороны и грифы. Мудрый ворон посоветовал Оуэйну покинуть остров, а один из грифов отправился с мальчиком.

— Этот Оуэйн — точь-в-точь Билли! — поразился Чарли. — Билли и зверей понимает, и тоже альбинос.

— Да, сходство несомненное, — согласился дядя, — удивительная штука наследственность: видишь, через поколения передаются не

только внешние черты, но и таланты. Увы, тут не сказано, как мальчику удалось выжить во время пожара, зато написано кое-что другое, очень интересное. Слушай. Говорят, что когда-нибудь один из потомков Оуэйна доберется до острова, попадет в Зеркальный замок и ему будет дано узреть принца Амадиса.

— Это про Билли? — предположил Чарли. Дядя посмотрел на него поверх очков и пожал плечами.

— Все может быть. Не возражаешь, если я дочитаю? Так. «Оуэйн отправился в Священную Римскую Империю. У него было двое сыновей, старший стал писцом» — знаешь, кто это такой, верно? Писцы переписывали книги, писали письма под диктовку — тогда не все были грамотными. «А младшего сына изгнали из деревни, где он поселился, за то, что тот разговаривал с воронами и грифами, слетавшимися на виселицы клевать мертвецов. От него и пошли две ветви потомства — Грифы и Карры».

Чарли пробрала дрожь.

— Жуткое занятие — беседовать с такими птичками. Но выгонять его тоже было жестоко.

— В древние времена считалось, что любые необычные способности даются человеку дьяволом, — объяснил дядя Патон. — Давай все-таки дочитаем. «Старший сын Оуэйна, писец, стал родоначальником линии Карров, позже их фамилия видоизменилась и стала звучать как Карквилл. История сия, каковая, сколь мне известно, правдива, записана потомком рода Карквиллов, в лето Господне 1665». Все.

— Ничего себе история... — задумчиво произнес Чарли. — Значит, все Грифы и Карквиллы — родственники. И Билли один из них. Интересные люди живут в нашем городе, честное слово.

— Интереснее некуда, — согласился дядя Патон.

— А какие странные вещи творятся!

— Не то слово. Мне порой кажется, что город притягивает обратно всех, чьи истории начались здесь, на этой земле, у нас под ногами, глубоко под домами, улицами и парками. И даже наш с тобой дом — часть происходящего. — Дядя Патон закрыл книгу, снял очки и устало потер переносицу.

— Ага, и все эти истории так перепутаны, что получается какой-то клубок, нет, узел! — горячо воскликнул Чарли. — Одни чудеса

связаны с другими, и мне кажется, будто кто-то затягивает этот узел все туже и туже.

— Очень образно! — с улыбкой похвалил его дядя.

— Ну, правда, же! — заторопился Чарли. — Я вам еще не рассказывал — мы с Оливией сегодня заходили в один цветочный магазин, и его хозяйка откуда-то знает мое имя, представляете? И Оливию тоже! Правда, Лив ни за что не желала с ней разговаривать, хотя та очень даже хотела пообщаться. Оливия, по-моему, испугалась — сказала, что эта тетенька знает про нее больше, чем она сама.

— А твоя Оливия — одаренная? — заинтересовался дядя.

— Да какое там! Ничуточки. Но это только по части магии, а вообще-то она талант, потрясающая актриса. Вы же ее помните — она была на вашем дне рождения. Такая... ну, вся раскрашенная. — Чарли вздохнул. — Правда, она только что провалилась на кинопробе и жутко расстроена. Сама не своя. Я просто не знаю, что с ней делать, — то она ревет, то на людей кидается.

— Похоже, она в отчаянии, друг мой. А отчаявшаяся женщина бывает просто опасна.

— Да? Буду иметь в виду, — пошутил Чарли и вдруг широко зевнул. — Ой, извините. Легенда про Амадиса очень интересная, спасибо! У меня в голове сейчас все как по полочкам разложено. Наверно, теперь будет легче разобраться во всех этих тайнах. Хотел бы я знать, что случится дальше?

— Я тоже, Чарли. — Дядя Патон бережно убрал растрепанную старинную книгу на полку. — А волшебную палочку ты уж, пожалуйста, найди, и чем скорее, тем лучше. Худо будет, если она окажется в руках у какого-нибудь негодяя.

Чарли покраснел. У него было сильнейшее подозрение, что это уже произошло.

Глава 8

БЕЛЫЙ МОТЫЛЕК

Манфред Блур постепенно утрачивал свой гипнотический дар. Он заметил это еще год назад, когда Чарли Бону удалось оказать ему сопротивление и не поддаться гипнозу. Этот несносный мальчишка сумел разнюхать кое-что о Боне-старшем — том самом Лайелле Боне, которого Манфред в свое время загипнотизировал без малейших усилий. Да, тогда Манфреду было всего девять, но, видимо, дар его был на пике, а теперь медленно, но верно слабел.

Пока еще никто не догадался, что с ним творится; Манфреду по-прежнему удавалось запугивать школьников — один его пристальный взгляд повергал ребятишек в ужас. Кроме того, Манфред несколько приободрился после эксперимента с лошадью — в конце концов, та часть, за которую отвечал он, прошла успешно. Или все-таки не очень? Что сработало — его дар или зелье, изготовленное Венецией Юбим?

Манфред задумался. Исход эксперимента не внушал особой радости: лошадь исчезла, неизвестно, где она теперь, и главное, непонятно, как ею управлять. Если честно, воскрешенная магией лошадь представлялась Манфреду каким-то сверхъестественным чудовищем, и он с самого начала ее боялся, а потому решил, что хорошо бы изобрести какую-нибудь защиту от этой твари. Тогда-то его и осенила идея заполучить волшебную палочку. Заставить Билли Грифа утащить палочку у растяпы Чарли было проще простого: этот белесый клоп мгновенно купился на посулы насчет приемных родителей и ради усыновления был готов не то, что волшебную палочку принести — Луну с неба достать. Дурачок! Ну конечно, Билли-то раскатал губу, надеялся обзавестись любящими мамочкой и папочкой. Знал бы он, что Блуры рассчитали все заранее и договорились с четой де Грей! Но Билли, конечно, не заподозрил подвоха — что ж, сам дурак. Вот и сидит теперь взаперти в Покойном доме, под надежным присмотром приемных родителей, безжалостных негодяев, наделенных жутковатыми магическими способностями. Поделом ему.

— Поделом, поделом, бом-бом-бом! — пропел Манфред, расхаживая по кабинету (которым весьма гордился) и, крутя в руках белоснежную волшебную палочку. — А теперь за дело! Ну, палочка-выручалочка, покажи, на что ты способна!

Заметив, что по столу ползет муха, Манфред направил на нее серебряный кончик палочки и провозгласил:

— Преврати ее в лягушку!

Что-то болезненно ужалило его в ладонь, и Манфред выронил палочку. Муха преспокойно потирала лапки и даже не думала превращаться. Потом взлетела на потолок и замерла. У Манфреда возникло неприятное ощущение, будто муха над ним потешается — на свой, мушиный лад.

— Преврати ее в лягушку! — потребовал Манфред, подобрал палочку и запустил в потолок. Но, как только он произнес эти слова, руку снова обожгло, еще сильнее, и Манфред вскрикнул от боли: — Ой!

Палочка стукнулась о потолок и упала на пол. Муха перелетела на подоконник и опять начала потирать лапки — теперь задние.

— Да преврати же ты ее в лягушку! — заорал Манфред, хватая палочку и тыча ею в подоконник. Потом опять швырнул ее в муху.

На этот раз боль была нестерпимой — точно он за раскаленную кочергу ухватился. На ладони у Манфреда появилось красное пятно ожога.

Муха улетела. Палочка с невинным видом лежала на полу. Манфред понял, что она не собирается ему повиноваться и, что хуже, с каждой следующей попыткой будет наказывать его все больше и больше.

— Ах, ты... ты... мерзкая деревяшка! — Осыпая волшебную палочку проклятиями, Манфред с размаху бросил ее в пустой камин. Потом схватил бумагу, скомкал ее, кинул туда же и поджег — для верности с нескольких концов.

Огонь вспыхнул мгновенно, но через несколько секунд Манфред с ужасом понял, что пламя не столько улетает в дымоход, сколько рвется в комнату. Запаниковав, Манфред сорвал с себя черный плащ и принялся тушить им пламя. Плащ затлел, в комнату повалили клубы дыма, и Манфред, кашляя и задыхаясь, метнулся к окну и распахнул его настежь.

В это мгновение в кабинет без стука вошел Тантиалиус Мармор и с бодрым смешком спросил:

— Что это вы затеяли, юноша? Манфред резко обернулся, задыхаясь от кашля, и прохрипел:

— Проклятая... кха! Кху! Проклятушая палочка Чарли Бона! Кха! Кху! Решил ее сжечь! — Он яростно прочистил горло. — Не желает меня слушаться, так лучше спалю — уж лучше пусть не достанется никому.

— Спокойнее! Экий у вас взрывной характер! — Тантиалиус захихикал. — Учитесь держать себя в руках, приятель.

— Я вам не приятель! — огрызнулся Манфред. — Кстати, будьте так любезны, решите, наконец, кто вы.

Тантиалиус возвел глаза к потолку и задумался.

— Хм. Сегодня я... в основном Винсент Мармор, почтальон — он всех называет приятелями, — но во мне есть и капелька Тантиалиуса Райта, школьного учителя. Замечательное ощущение, доложу я вам, юноша. В жизни так не веселился!

— Надеюсь, вы не забыли, зачем здесь находитесь, — процедил сквозь зубы Манфред.

— Ах, это... — мистер Мармор сощурил свои разноцветные глаза и облизнулся. — Конечно, я помню.

Между тем огонь в камине догорел, превратившись в тлеющие угли, и Манфред с удовлетворением убедился, что от волшебной палочки остался лишь серый пепел. Из приоткрытого окна налетел ветер, взметнул этот пепел и швырнул в комнату. Манфред чихнул и вытаращил глаза от изумления: облачко пепла почему-то приняло очертания мотылька, а потом уменьшилось и в воздухе запорхал настоящий мотылек — с белыми крылышками, чуть тронутыми серебром.

— Ловите его! — зарычал мистер Мармор. Манфред хлопнул в ладоши, но промазал, и белый мотылек беспрепятственно вылетел за окно.

А в это время в доме номер девять по Филберт-стрит Чарли Бон как раз собирался спать: он уже переоделся в пижаму и чистил зубы. Внезапно ему стало худо — все тело как огнем обожгло. Чарли испугался: а вдруг это грипп? Потом вспомнил, что сегодня у них дома

побывала тетка Венеция, отравительница одежды, и испугался еще больше: а вдруг это яд?

Чарли схватился за край раковины, чтобы не упасть. Ему почему-то показалось, что в этот самый миг случилось что-то страшное. Но с кем? Может, кто-то из друзей попал в беду?

Чарли открыл кран с холодной водой и сунул руки под струю.

Ш-ш-ш!

От рук повалил пар — даже зеркало запотело. Кожа шипела так, точно кто-то плеснул водой на раскаленное железо.

— Ой, мамочки! — заскулил Чарли. — Что же это такое?

— В самом деле, что это такое? — загремел у него за спиной знакомый голос. На пороге ванной стояла насупленная бабушка Бон. — Чарльз, ты занимаешь ванную уже двадцать минут! Совесть у тебя есть? Другим же тоже сюда нужно!

— Я сейчас! — ответил Чарли и стиснул зубы: от рук опять повалил пар. — Бабушка, вы же видите, мне плохо! С руками что-то! Вон, пар валит!

— Это из тебя выходит твое гадкое непослушание, — назидательно сказала старуха. — Ну, хватит, освобождай ванную!

Чарли ничего не оставалось, как послушаться. Размахивая руками, с которых капала вода, он прошел к себе в комнату, распахнул окно и высунул руки наружу. Его обволокла вечерняя прохлада. Станный это был вечер! Начать с того, что город окутал белый туман — такой плотный, что заглушал шум транспорта. И еще этот туман почему-то пахнул цветами. Чарли принюхался, потом пригляделся. Надо же, дома на той стороне улицы и то не видно! А это еще что такое?

Из пелены тумана вылетел какой-то белый лоскуток и запорхал прямо к нему. Вглядевшись, мальчик понял, что это мотылек — с белыми крылышками, чуть тронутыми серебром. Подлетев поближе, мотылек бесстрашно сел на указательный палец Чарли.

— Ого! — поразился Чарли. — Какой ты красивый! И храбрый. Ну, пойдем.

Он пересадил удивительное насекомое на ночной столик. Мотылек не пытался улететь — он расправил крылышки и замер. Казалось, ему здесь очень уютно. И вдруг Чарли осознал, что руки у него больше не болят. Приступ непонятной лихорадки прошел — совершенно бесследно.

Оливия Карусел сидела на краю кровати и чистила яблоко. Вернее, пыталась почистить.

Это было уже пятое яблоко за сегодняшний день — и пятая неудача. Оливия была в отчаянии и не понимала, что происходит. Яблоко не желало чиститься! Спираль кожуры все не кончалась и не кончалась! Она свисала до полу и длиной была, наверно, не меньше метра!

У Оливии в глазах потемнело от ярости. Она отбросила ножик и швырнула яблоко в другой конец комнаты. Потом закрыла лицо руками и зарыдала.

— Что со мной такое? — всхлипывала она.

В комнату заглянула мама. Клер Карусел (или Китти Кларк — таков был ее сценический псевдоним) была настоящей кинозвездой первой величины, но это никогда не мешало ей быть внимательной и любящей мамой. Она привыкла к дочкиным «взрывам» и всегда помогала ей справиться с, этими вспышками. Но на сей раз даже маме было не по силам обуздать Оливию, которая вот уже сутки то дулась, то плакала, то впадала в ярость.

— Оливия, спасибо за цветы, они просто чудные! — сказала мама.

Оливия даже не подняла головы.

— Бедная ты моя, бедная! — Мама села рядом с ней на кровать. — Знаешь, я тоже провалилась на первой своей пробе. Все дело в том, что эта роль тебе просто не подходила. У тебя еще будет шанс попасть в кино, и не один. Не убивайся так.

— Я и не убиваюсь, — буркнула Оливия, отодвигаясь.

— А что с тобой такое?

— Мам, я сама не знаю!

— Ты просто растешь, детка.

— Да не в этом дело! — закричала Оливия. — Это что-то другое! Со мной что-то происходит, а я не понимаю что — я как будто превращаюсь... ох, не знаю. Ужасно. Не хочу, чтобы это происходило.

Миссис Карусел с трудом удержалась от того, чтобы театрально развести руками. Она пожала плечами и тихо сказала:

— Зайка, я что-то тебя не понимаю. Оливия глубоко вздохнула.

— Когда я вернулась домой, мне захотелось яблока. Ладно, беру яблоко из вазы на кухне, начинаю чистить. А оно не чистится! Беру другое — та же история. Кожура не кончается, и все тут!

— Ну, съешь яблоко вместе с кожурой, детка, — посоветовала мама. — Говорят, яблочная кожура полезна для кожи.

— Я ненавижу кожуру! Я люблю чищенные яблоки! — завопила раздосадованная Оливия. — И вообще, я про другое! Ко-жу-ра не конча-ет-ся! Откуда ее столько берется? Яблоки же самые обычные!

— Да, — кивнула мама. — Они с той яблони, что в дальнем конце сада, у стены. Яблоки как яблоки. Всегда были очень вкусными. И прекрасно чистились — у меня, во всяком случае.

Оливия сдалась: ясно было, что мама ее не понимает.

— А еще эти цветы! — всхлипнула она.

— Прекрасные лилии, — убаюкивающим тоном отозвалась мама. — Кстати, где ты купила такой чудесный букет? Я думала, ты пошла в «Зоокафе», но мистер Комшарр сказал, что ты там даже не появлялась, и я заволновалась.

— Вот об этом я и хотела тебе рассказать! Понимаешь, мам, цветы сами меня нашли. Я набрела на переулок, где никогда раньше не бывала, и вдруг почувствовала, что просто обязана туда свернуть. А там оказался цветочный магазин «Цветы от ангела». И хозяйка сказала, что она меня знает, и даже знает, как меня зовут. Я ужасно напугалась, потому что видела ее первый раз в жизни. Кто она, эта Элис Ангел?

— Элис Ангел... Ангел... — медленно, задумчиво повторила миссис Карусел. — Ах да, вспомнила, — сказала она, наконец. — Элис Ангел делает букеты и гирлянды к свадьбам, крестинам и праздникам. Она украшала наш дом на твои крестины, Лив. С тех пор я ее не видела, но эта дама живет в двух шагах от нас. — Мама показала на окно.

— Где? — Оливия вскочила с кровати. — Мне надо знать точно!

— Ее сад примыкает к нашему — он сразу за оградой. А в глубине сада дом, там она и живет. Раньше, по крайней мере, жила.

— Мам, я пойду и проверю прямо сейчас!

— Хорошо, детка. — Миссис Карусел вздохнула с облегчением, увидев, что Оливия приободрилась. — Только, пожалуйста, не перелезай через ограду. Вдруг Элис переехала и в ее доме живет кто-то другой? Такое вторжение вряд ли кому понравится.

— Не волнуйся! — весело сказала Оливия и умчалась.

Она вышла в сад, окутанный белым сентябрьским туманом. Воздух, впрочем, был теплый и пахнул цветами. Оливия вприпрыжку

пробежала в дальний конец сада. Да, в самом деле, сад заканчивался оградой — точнее, каменной стеной, прятавшейся за густым кустарником. Девочка решительно шагнула вперед и вдруг наступила на яблоко-падалицу. На зеленой траве там и сям желтели яблоки. Оливия удивленно завертела головой: в их саду не было ни одной яблони — не считать же за яблоню ветку, которая свешивается из соседнего сада. Ага, вот откуда они попадали!

Оливия продралась сквозь кустарник и попыталась заглянуть в соседний сад, но стена была слишком высока. Тогда девочка вскарабкалась на самый верх. Теперь сад был как на ладони, но в первое мгновение Оливии показалось, будто он весь занесен снегом. Но это был не снег, а цветы — белые цветы, они росли повсюду: на клумбах, просто в траве, в расщелинах каменной ограды. Белым цвел кустарник, белые лепестки устилали землю и узкую садовую дорожку, которая вела к низенькому домику, так густо увитому белыми розами, что стен не было видно — лишь дверь да окна. Крыша и даже труба тоже были увиты зеленью.

Но и это было еще не все. Оливия не успела толком рассмотреть цветы, потому что внимание ее привлекло кое-что другое. Посреди сада, утопая в цветах, стоял настоящий цыганский фургон — деревянный, с круглой крышей. Интересно, а в нем кто живет?

В это мгновение дверь домика отворилась, на садовую дорожку легла полоса света и на крыльцо вышла щуплая фигурка в плаще с капюшоном. Человек этот боязливо огляделся и, ссутулившись, втянув голову в плечи, зашаркал по дорожке. Потом свернул на траву, усыпанную цветочными лепестками, и потрусил к фургону. Он как будто чего-то опасался или боялся, что его заметят. Оливия услышала, как он быстро взбежал по ступенькам фургона, и всмотрелась в сумерки, стараясь понять, мужчина это или женщина.

На пороге дома появилась дама с белоснежными волосами — Элис Ангел.

— Спокойной ночи! — пожелала она обитателю фургона. — Ни о чем не беспокойтесь.

— Благослови вас небо, — приглушенно ответил тот и исчез в фургоне, заперев за собой дверь.

Но хозяйка сада не уходила. Она помедлила на пороге, а потом окликнула:

— Оливия, это ты?

Оливия испуганно вздрогнула и плюхнулась на траву — обратно в свой сад.

Глава 9

ЗЕРКАЛЬНАЯ ЛОВУШКА

В понедельник утром Чарли забрался в школьный автобус и завертел головой, высматривая Билли Грифа, но того не было. Встретились они только в актовом зале, на общем сборе перед началом уроков. Билли выглядел замученным — под глазами круги, щеки впали, и вообще какой-то несчастный и обиженный.

— Как дела дома, Билли? — прошептал Чарли, воспользовавшись какофонией, которую поднял настраивавшийся оркестр.

— Замечательно, — ответил тот. — Правда. Все просто прекрасно.

— А я тебя вчера ждал-ждал, так и не дождался. Я-то думал, родители привезут тебя в «Зоокафе».

— Понимаешь... — Билли смутился и помрачнел. — Не получилось. Мы были заняты.

Тут ученики хором затянули гимн академии, и Чарли пришлось прервать расспросы, которые он, тем не менее, продолжил на первой же перемене, поймав Билли в раздевалке музыкантов.

— Ответь мне на один вопрос... — начал было Чарли, но беловолосый очкарик вдруг тоненько воскликнул:

— Замолчи! Чарли остолбенел.

— Билли, ты чего? Ладно, молчу, молчу, — замахал он руками, потому что Билли чуть не плакал.

— Пожалуйста, не задавай мне никаких вопросов! — взмолился Билли. — Про родителей, новый дом и все такое. Я тебе ни за что не отвечу. — Он огляделся и, понизив голос, добавил: — Не могу и все.

Чарли растерялся. Ясное дело, так называемые новые родители — Эшер и Флоренс де Грей — запугали Билли. Подводить беднягу Чарли не хотелось, но на языке у него вертелся еще один вопрос, и мальчик решил рискнуть.

— Слушай, ну хоть про палочку можешь сказать честно? Ответь только — ты ее спер или нет?

Билли покраснел так, что лицо у него стало примерно таким же алым, как и глаза.

— Извини, Чарли... — прошелестел он. — Я, правда, не хотел.

— Манфред заставил? — догадался Чарли. — Значит, она уже у него.

Билли молча кивнул.

— Ладно, давай играть в «угадайку», — вздохнул Чарли. — Он тебя чем-то припугнул. Скорее всего сказал — не принесешь палочку, не получишь новых родителей.

Билли опять кивнул и шмыгнул носом.

Чарли нахмурился и досадливо крякнул.

— Лучше бы ты, конечно, этого не делал, ну да ладно. Ты и впрямь не виноват. Не реви, я не сержусь. — Он похлопал поникшего Билли по плечу и убежал на следующий урок, к мистеру Мармору.

Еще на подходе к классу Чарли притормозил, пораженный громким смехом, раздававшимся из-за двери и эхом, разносившимся по коридору. Это еще что за штуки? Он осторожно заглянул в класс и увидел, что все покатываются со смеху, а мистер Мармор величественно спит за учительским столом, надвинув капюшон форменного фиолетового плаща на нос. И громко, раскатисто храпит. Звонка он, похоже, не слышал.

Чарли занял свое место рядом с Фиделио, который, изнемогая от хохота, распластался по парте и утирал выступившие слезы. Немудрено, что Чарли тоже захихикал — однако, зная коварный нрав большинства педагогов, не спускал глаз с мистера Мармора.

И был прав.

Внезапно мистер Мармор выпрямился, стряхнул капюшон и рывкнул:

— Тихо!

Класс испуганно смолк. И было чего испугаться: на прошлой неделе мистер Мармор говорил скрипучим фальцетом, а теперь у него был гулкий бас. Вот так дела!

Похоже, мистер Мармор и сам слегка испугался, услышав собственный голос. Он прочистил горло. Попытался сказать «э-э-э». Помычал. Фыркнул.

— Кхм! Кхм! Агхм. М-да.

Сохранить серьезность при виде учителя, который кашляет, мычит, икает и пробует заговорить, было очень трудно, но, тем не

менее, никто в классе даже не улыбнулся. Каждый понимал, что малейший смешок грозит суровым наказанием.

Наконец мистер Мармор вроде бы освоился со своим новым голосом и бодро скомандовал:

— Внимание! История Средневековья. Откройте учебники на странице сорок три. Итак, Плантагенеты.

Это был самый захватывающий урок истории в жизни Чарли: сорок минут подряд мистер Мармор увлекательно описывал правление Генриха II и убийство Томаса Беккета. А под конец урока учитель вдруг задал вопрос, от которого Чарли чуть со стула не упал.

— А теперь скажите мне, где был во время описываемых событий Алый король? Что он делал, пока при английском дворе происходили убийства и интриги?

Класс растерянно молчал — включая и одаренных. Мистер Мармор уставился своими разноцветными глазами на Эмму Толли и спросил:

— Вы-то должны это знать, Эмма Одаренная? Ведь у вас в жилах течет кровь Алого короля! — Он подался вперед и хриплым шепотом добавил: — Точнее, у вас в крыльях!

Все, конечно, посмотрели на Эмму. Девочка, запинаясь, выдавила:

— Н-н-не знаю, сэр.

— Очень плохо, моя дорогая, вы просто невежда. А между тем Алый король был буквально в двух шагах от этого места — преспокойно жил себе в замке, от которого теперь остались пресловутые руины, хорошо вам знакомые. Кто бы мог подумать, что это мрачное место когда-то было уютным замком и обиталищем целой семьи? И это правда. Да-с, деточки, в замке жили король и королева и десять их отпрысков... вернее, простите, тогда еще девять. А потом, в один прекрасный день, королева — оп! — и умерла. Прискорбно, но случается. Король совсем ополоумел от горя и ушел скитаться по лесам, бросив на произвол судьбы всех своих детей, даже новорожденную дочку, совсем крошку. — Мистер Мармор покачал головой и почему-то ухмыльнулся с видом глубокого удовлетворения. — Конечно, во дворце было полным-полно слуг, но разве какая-то челядь заменит родителей? Ах, как плохо быть сиротой, как грустно без мамы и папы, верно, Эмма?

— Да, сэр. — Эмма, казалось, вот-вот расплачется.

Интересно, чего это мистер Мармор прицепился к Эмме? Чарли занервничал. Кроме нее, в классе было еще двое одаренных — сам Чарли и Габриэль, который ерзал на задней парте и от волнения дергал себя за волосы. Не подумав, Чарли поднял руку и брякнул:

— Сэр, а вы сами тоже одаренный?

Но мистер Мармор сделал вид, что не слышал вопроса. Он устремил на Чарли пристальный взгляд и поинтересовался:

— Как поживает фауна на Филберт-стрит? Ничего новенького?

Чарли положительно оторопел. Он даже не понял, о чем речь.

— Чего? — переспросил он.

— Фауна. Животный мир, дорогуша. Ну же, поделись новостями. Не попадались ли тебе необычные мотыльки? А лошади?

Рот у Чарли раскрылся сам собой, но прошло несколько секунд, прежде чем мальчик смог выдавить:

— Нет.

— Что — нет?

— Нет, сэр.

— Дурень, я спрашиваю, кого ты видел, а кого нет. Что, ни лошадей, ни мотыльков?

Это что, ловушка? Чарли лихорадочно пытался сообразить, что же ответить, но на помощь подоспел Фиделио:

— Сэр, он имеет в виду, что не видел ни того ни другого.

— А тебя кто спрашивает? Не суй нос не в свое дело! — обрушился на него учитель. Фиделио приготовился к разносу, но настроение мистера Мармора вновь изменилось. Он потянулся с ужасающим хрустом и жизнерадостно объявил: — Урок окончен, дети, вы свободны.

Не веря своему везению, Чарли покидал книжки в рюкзак и пулей вылетел в коридор. Правда, он тут же притормозил — ему послышалось, как мистер Мармор насвистывает некий знакомый мотивчик. Но тут из класса выскочил Фиделио и потащил Чарли прочь — от греха подальше.

— Я не понимаю, этот тип что, чокнутый? — недоумевал он.

— По-моему, у него раздвоение личности, — предположил Чарли.

— Растроение, — подхватил нагнавший их Габриэль. — Он же еще фортепиано преподает, так вот, на уроках музыки он совсем другой — спокойный, серьезный, не кричит. А играет как! Фантастика.

Они завидели впереди Эмму и Оливию, последняя вдруг остановилась и прикрикнула на подругу:

— Да замолчи ты! Я вообще не хочу об этом разговаривать, ясно? Отстань! — И, оставив Эмму в растерянности, понеслась через холл в театральную раздевалку.

— Какая муха ее укусила? — удивился Фиделио.

Эмма подождала мальчиков.

— Наверно, уже все знают, что она провалилась на кинопробе. Вся школа только об этом и говорит.

— А я и забыл, — признался Габриэль.

— Бедняжка! — покачал головой Фиделио. — Теперь понятно, почему ей так скверно.

Чарли сознался, что он виделся с Оливией после провала, и рассказал друзьям о цветочном магазине и его загадочной хозяйке Элис Ангел.

Проходивший мимо Аза Пик напустился на всю компанию:

— Эй, нечего тут чесать языками! Вам всем пора быть в столовой.

Все четверо переглянулись, вспомнили правило молчания и разошлись.

В столовой Чарли с друзьями пристроились в хвост очереди, как раз за Билли, который, похоже, был рад их видеть.

— Можно, я сяду с тобой? — спросил он у Чарли.

— Валяй, — разрешил тот, подумав, что на несчастного, поникшего Билли совершенно невозможно сердиться — хотя, по сути дела, он и воришка.

На обед сегодня подали томатный суп и булочки, но Билли, в отличие от остальных, есть не стал — поболтал ложкой в тарелке и тем и ограничился.

— Ты заболел, Билли? — встревожился Фиделио.

— Нет-нет, спасибо! — смутился Билли. — Просто у меня такие замечательные новые родители и они так закармливают меня вкусностями... И сегодня утром накормили просто потрясающим завтраком, так что суп в горло не лезет. Я сыт.

Остальные уставились на него, пораженные такой пылкой речью. Но Билли умолк и до конца обеда не проронил ни слова. На выходе из столовой он поймал за рукав Габриэля и застенчиво спросил:

— Ты не мог бы взять посмотреть у меня одну вещь — ну, определить ее историю? Только это не просто одежда.

— Пошли в сад, там покажешь, — заинтересовался Габриэль.

Таинственный предмет оказался всего-навсего пуговицей, которую Билли извлек из кармана и положил на ладонь Габриэлю, присовокупив нечто очень странное:

— Я же просто тебе ее даю и ничего не разбалтываю, ведь, правда? Ну, не рассказываю лишнего про свой дом.

Габриэль только плечами пожал.

Мальчики устроились на траве в дальнем конце сада, неподалеку от руин, — здесь было меньше посторонних глаз.

— Где ты ее нашел, Билли? — поинтересовался Фиделио. — И что в ней такого особенного? По-моему, пуговица как пуговица.

И верно, ничего приметного в ней не было — черная большая пуговица от костюма или пальто.

— Извини, Билли, но мне нужны подробности, — заявил Габриэль. — Ты ее подобрал дома у новых родителей? Но где конкретно — в шкафу? На полу? Ты знаешь, с чьей она одежды?

Билли дважды кивнул, а потом дважды энергично помотал головой.

Вынужденная игра в «угадайку» продолжалась.

— Понятно. Уже кое-что, — Габриэль повертел пуговицу в пальцах. — Ладно, буду работать с тем, что есть.

Остальные с интересом наблюдали, как Габриэль, прикрыв глаза, прикладывает пуговицу сначала к груди, потом к животу, потом к запястьям.

— Непростую задачку ты мне задал, — протянул он. — Это же не галстук и не кепка, на себя не примеришь, поэтому сказать что-нибудь определенное... Ой! — Габриэль вдруг резко дернулся. Пуговицу он в этот момент приложил к груди слева, и, стоило ему прижать ее посильнее, слышался приглушенный стук сердца.

Габриэль охнул, потом ахнул — Билли и прочие следили за ним, затаив дыхание. Вид у Габриэля был такой, будто он читает захватывающий детектив. С закрытыми глазами. Кончиками пальцев.

— Билли, это просто потрясающе! — воскликнул Габриэль, не открывая глаз. — В жизни такого не видел. Везде стекло. Стекланные стены. Нет, вру, зеркальные. И в одну из них смотрится какой-то

человек... в черном и с темными волосами. И еще звучит музыка — фортепиано, но инструмента я не вижу. Ого, да он не просто смотрится в зеркало! Он *внутри* зеркала! Как муха в янтаре! Ну да, как в ловушке!

Вдруг осеннюю тишину нарушил пронзительный крик. Вокруг мальчиков загрохотали копыта, и они в ужасе пригнулись, закрывая головы, — все, кроме Фиделио, который сидел прямо и озадаченно смотрел на друзей, поскольку единственный не слышал этих звуков.

Побледневший Габриэль отбросил пуговицу в траву, в сторону руин, и, судя по цокоту копыт, лошадь побежала туда же. Чарли опасливо поднял голову, и мимо него пронеслась огромная белая лошадь с развевающимся хвостом и гривой — мелькнула и пропала. То ли исчезла в руинах, то ли вообще растаяла в воздухе.

— Что происходит? — сердито спросил Фиделио. — Вы чего придуриваетесь?

Но ответить никто не успел: Билли громко застонал и схватился за живот. Он согнулся пополам, рухнул на траву и начал извиваться от боли.

— Билли, что с тобой? — Чарли осторожно тронул его за плечо.

— Я не говорил... — стонал Билли, по щекам которого катились крупные слезы. — Я ни словечка не сказал про Покойный дом... только пу... пуговку показал... ой... ой-ой-ой! Разве пуговица считается? Я же не нарушил клятву! Ой! Больно! Ой, я, кажется, умираю!

Чарли опрометью кинулся к дежурной учительнице — мисс Кристалл.

— Билли плохо! — завопил он издалека. — Билли умирает!

Мисс Кристалл бросилась к Билли с такой скоростью, что Чарли еле за ней угнался. Когда он подбежал к компании друзей, учительница уже склонилась над Билли и спрашивала:

— Билли, где у тебя болит? Можешь показать? Живот? Лапочка, потерпи. Встать можешь? Мальчики, он что, упал? Помогите ему подняться.

Говорить Билли уже не мог, только стонал. Мисс Кристалл и мальчики подняли его с земли и скорее понесли, чем повели в академию. Он так и не разгибался.

У садовой двери, как всегда, сидел завхоз Уидон с газетой.

— Что с парнишкой? — спросил он.

— У него какой-то приступ. Мистер Уидон, отнесете его в лазарет? Ох, не аппендицит ли?

— Сию минуту, мэ. — Завхоз отбросил газету, подхватил Билли и скрылся в холле.

За весь день никаких вестей из лазарета не поступило. Вечером Чарли спросил надзирательницу, можно ли навестить Билли и не увезли ли его в больницу, и вообще, что с ним.

— Никаких посетителей! — отрезала тетка Лукреция. — Билли в лазарете, но ему слишком плохо.

— Но что с ним? — не отставал Чарли. — Он отравился?

Тетка Лукреция холодно усмехнулась:

— Просто твой Билли слабенький и не выдерживает некоторых вещей. А теперь в постель, и больше никаких вопросов.

Но сдаваться Чарли не собирался. На завтра, стоя в очереди в столовой, он спросил у кухарки, не видела ли та Билли.

— Как же, я носила бедняжке бульон, — вздыхая, ответила кухарка. — Но он и ложки не проглотил.

— А что с ним?

— Неизвестно. Никто не может понять, а Билли ничего толком не говорит, только лежит да плачет. Похоже, чего-то боится.

— Знаете, я выяснил, где он теперь живет. Место называется Покойный дом.

— Покойный дом? — Кухарка всплеснула руками и чуть не выронила поварешку. Однако сказать она ничего не успела: Гвинет Хоуэллс, стоявшая в очереди за Чарли, грубо пихнула его в спину.

— Шевелись, а? — сердито потребовала она. — Есть хочется!

Так Чарли и не узнал, что кухарке известно об обители Эшера и Флоренс де Грей.

Остаток недели Билли провел в лазарете, к нему никого не пускали, а в выходные увезли — похоже, не в больницу, а обратно к новым родителям. Ясно было, что дело не в аппендиците. Но в чем? И что такое Билли говорил о нарушенной клятве? Неужели его мерзкие приемные родители, которые Чарли так не понравились по фотографии, заимели над Билли особую власть? Получалось, что им известен каждый его поступок и каждое слово. Магия, не иначе!

Чарли решил найти черную пуговицу и все-таки разузнать, чья она. Но искать пуговицу в траве было все равно, что искать иголку в стоге сена. Каждую большую перемену Чарли, пригнувшись, расхаживал по саду в том самом месте, где с Билли случился приступ, но пуговица как сквозь землю провалилась. Иногда к поискам присоединялся Фиделио, а иногда Габриэль — последний ворчал себе под нос: «Лучше б нам ее и не находить. От нее одни неприятности». Впрочем, ворчать он ворчал, но поиски не прекращал — даже ползал по траве на четвереньках, при этом оглядываясь, будто ожидая, что откуда-нибудь выскочит призрачная лошадь и затопчет его насмерть.

Как-то раз Чарли в сотый раз прочесывал сад у руин. По примеру Габриэля он опустился на траву и раздвигал стебли, надеясь найти пуговицу. Краем глаза Чарли заметил чьи-то ноги в кроссовках. Кто-то наблюдал за ним! Мальчик обернулся и увидел Оливию, которая молча следила за его стараниями. Оливия — и в обыкновеннейших кроссовках!

— Чем это ты занят? — угрюмо спросила она, Оливия была сама на себя непохожа: растрепанная, с немой головой, в грязной футболке и замызганных кроссовках.

— Слушай, а почему ты больше не красишь волосы? Ну, как раньше? — спросил Чарли, поднимаясь с четверенок и отряхивая колени. — Такие были потрясные прически! И цвет!

— Не твое дело, — буркнула девочка. — Отвечай на вопрос.

Чарли вздохнул:

— Пуговицу ищу. Хочешь помочь? Оливия начала ворошить траву носком кроссовки.

— А зачем ее искать? Пришей другую.

— Это не простая пуговица, — важно сказал Чарли. — Это, как его, вещественное доказательство. Только мы пока не знаем — чего именно. Билли нашел ее дома, ну, у новых приемных родителей, а Габриэль... вроде как проанализировал. Сама знаешь, как он это делает. Но он мала, что выяснил, и я хочу узнать больше.

И Вы все просто двинутые с вашими фокусами-покусами! — резко сказала Оливия. — И к тому же упрямые, как стадо баранов.

Это уже были не шутки. Чарли даже попятился.

— Лив, ты же раньше нам помогала! И тебе нравились наши фокусы-покусы — что, скажешь, нет? А теперь ты сама не своя. В чем

дело, может, объяснишь?

Оливия опять поковыряла траву носком кроссовки.

— Если тебе так уж интересно, у меня не получается чистить яблоки... и меня просто тошнит от магии. — Она вдруг вскинула голову и посмотрела в сторону руин. — Что это было?

— Что?

— Там, кажется, лошадь бродит, — настороженно сказала Оливия. — Я слышала фыркание.

— Ты слышала?! — Чарли воспрянул духом. — Лив, так это значит...

— Меня не интересует, что это значит! — оборвала его Оливия и умчалась, оставив Чарли в глубокой задумчивости.

Когда протрубил рожок на урок, Чарли пришлось прервать поиски. Ему хотелось, во что бы то ни стало найти черную пуговицу. Ведь, по описанию Габриэля, она принадлежала какому-то темноволосому мужчине, запертому в зеркальной ловушке. И еще Габриэль упоминал звуки фортепиано. «А вдруг этот темноволосый пленник — папа?» — думал Чарли. В прошлом году он уже показывал Габриэлю папин галстук, так что теперь надо попросить его проверить: а вдруг и галстук, и пуговица «показывают» одного и того же человека? Только вот пуговица пропала. Чарли вбежал в холл последним — в саду уже не осталось ни души. А в холле его сразу сцапал Манфред Блур, выскочивший, как из засады, из кабинета старост.

— А, Бон, ты-то мне и нужен. Пошли поговорим, дело есть, — велел он.

— Так ведь вот-вот отбой! — заупрямился Чарли. — Если опоздаю, мне влетит.

— Это дело важнее отбоя. — Манфред поманил Чарли за собой к двери в музыкальную башню. — Кроме того, я дам тебе записку для надзирательницы.

Деваться было некуда, и Чарли покорно поплелся за Манфредом по темному коридору. Когда они очутились перед книжным стеллажом, Манфред важно сказал:

— Полагаю, ты теперь знаешь, что это дверь в мой кабинет. — Он просунул руку между двумя книгами на верхней полке, что-то нажал, и

дверь вместе со стеллажом отворилась. Манфред втокнул Чарли в кабинет:

— Ты первый, Бон.

И запер дверь, отчего Чарли сразу стало не по себе. Попался! Какую подлянку Манфред приготовил на этот раз? Мальчик быстро огляделся и заметил в камине кучку пепла. В кабинете ощутимо пахло горелой бумагой. Зачем это он топил камин в такую теплую погоду?

Чарли набрался храбрости и сказал:

— По-моему, к тебе, то есть к вам, попала одна моя вещь, Манфред. То есть сэр.

— Да что ты говоришь? — криво усмехнулся Манфред. — Какая, скажи на милость?

— Такая беленькая палочка. Ее вам принес Билли Гриф.

— Ты про волшебную палочку? Не виляй, Бон, вся школа знает, что это за предмет. Что ж, я ее конфисковал.

— Почему? — возмущенно воскликнул Чарли. — Вы не имеете права!

— Очень даже имею. Ты еще будешь мне указывать! Пользоваться волшебными палочками и другими подобными предметами в стенах академии запрещено. Это новое правило, — злорадно сообщил Манфред.

От такой несправедливости Чарли просто онемел. Вернее, на языке вертелось очень много разных слов, но Чарли прекрасно понимал, что, стоит ему обругать Манфреда хотя бы одним из них, и у того будет отличный повод его наказать.

Манфред учительским жестом велел Чарли сесть на стул, а сам принялся расхаживать по кабинету, поглаживая подбородок, на котором уже пробивалась щетина. Это молчаливое хождение туда-сюда заставило Чарли насторожиться. Наконец Манфред заговорил:

— В Королевской комнате висит портрет нашего общего великого предка.

— Угу, — подтвердил Чарли, гадая, к чему клонит Манфред.

— Я заметил, что ты частенько на него смотришь.

— Правда?

— Не изображай святую простоту, Бон, — одернул его Манфред. — Еще бы тебе не смотреть на портрет. Ясно, что мы все на него поглядываем, но у тебя свои резоны, верно?

— Правда?

— Бон, я тебе человеческим языком сказал — хватит придуливаться! Ты ведь хочешь проникнуть в портрет? Хочешь? И давно бы туда пролез, если бы тебе кое-что не мешало.

— Да? — Чарли подался вперед. Значит, Манфреду известно, что на портрете маячит какая-то темная тень, которая не дает ему, Чарли, пробраться внутрь.

— А ты когда-нибудь слышал, чтобы из этой картины доносилось хоть слово? — вкрадчиво спросил Манфред, заглядывая Чарли в лицо.

Этот неожиданно мягкий тон, каким суровый Манфред не разговаривал никогда, почему-то подействовал на Чарли, и тот честно ответил:

— Слов не слышал, а звуки разные были. Там деревья шуршат и иногда дождик идет. А еще, бывает, слышится лошадиное ржание и лязг железа.

— А голос короля?

— Ни разу не слышал.

Манфред присел на краешек стола и навис над Чарли.

— А ты знаешь, почему не можешь услышать голос короля?

— Из-за тени, наверно, — предположил Чарли.

— Это не просто тень. Там, за спиной у короля, стоит его старший сын Борлат — мой предок. И теперь он вернулся, Чарли!

— Как это? — Чарли вздрогнул. — Откуда? Разве это возможно?

Ему внезапно стало страшно.

— Прадедущка Иезекииль недавно провел очень интересный эксперимент — не один, конечно, а с моей помощью и при участии твоих тетушек. Видишь ли, мы нашли кости Борлатовой лошади и, что гораздо важнее, его сердце.

— Сердце Борлата? — Чарли с трудом сдерживал тошноту.

— Именно. — Манфред наклонился еще ближе. Чарли старался смотреть ему не в глаза, а в переносицу — еще загипнотизирует, чего доброго. Но Манфред этого не заметил и продолжал: — Сердце хранилось в шкатулке, а шкатулка лежала в могиле, под надгробием, на котором была высечена буква «Б». Вообще-то честь находки принадлежит Азе. Сам знаешь, он бродит по руинам... в ночное время, ну, ты понимаешь, в каком виде он бродит. Так вот, как у всех, э-э-э,

представителей этого биологического вида, у него привычка рыть землю, и он откопал шкатулку.

Чарли вспомнил, как столкнулся с Азой в руинах, и содрогнулся. Но Манфред был слишком увлечен рассказом.

— Таким образом, мы собрались в дедушкиной лаборатории и оживили лошадь. А потом сердце. А потом случилось нечто непредвиденное, и сердце Борлата попало в грудь лошади. Собственно, в лаборатории произошел взрыв, и лошадь улепетнула через пролом в стене. Пролом до сих пор видно — если посмотришь на верхний этаж академии, заметишь. Словом, теперь по академии носится призрачная лошадь с сердцем Борлата. И ищет тебя.

Чарли опешил.

— Как — меня? Почему меня?

Он вскочил и с грохотом опрокинул стул.

— Я подумал, что стоит тебя предупредить. — Манфред развел руками. — Если не будешь слушаться, лошадь тебя накажет. Мне стоит ей только приказать. А копыта у нее, знаешь ли, тяжелые.

«Запугивает, — понял Чарли. — Ну, уж нет, я ему не покажу, как мне страшно, ни за что!» Сделав непроницаемое лицо, Чарли пожал плечами и спросил:

— Кстати, который час? Мне пора спать.

— Да-да, конечно. Иди.

Манфред отпер дверь-стеллаж, и Чарли затрусил по коридору, спиной ощущая глумливый взгляд своего заклятого врага. Но оглянуться не решился.

А Билли Гриф лежал один-одинешенек на жесткой койке в пустом лазарете, по которому гуляли сквозняки. Это была длинная, унылая комната, вся больнично-белая. Остальные пятнадцать коек пустовали. Живот у Билли больше не болел, но мальчик не сомневался — стоит ему заикнуться о Покойном доме, и боль возобновится. Билли боялся, что от второго такого приступа он просто-напросто умрет на месте. «Ох, неужели даже пуговица и то считается нарушением договора? — ломал он голову. — Я же не проболтался, только показал ее Габриэлю. И откуда *они* узнали, что именно я сделал?»

Перед отбоем в лазарет заглянула надзирательница и ледяным тоном сообщила:

— Завтра за тобой приедут родители. Тебе полезно отдохнуть от общества так называемых друзей, Билли, они плохо на тебя влияют. Посидишь дома, подумаешь о своем поведении.

После чего развернулась и ушла, не сказав ему ни одного доброго слова. Хоть бы воды принесла, что ли!

Заснуть Билли не удавалось, и он лежал, таращась в темноту. Постепенно лазарет залил молочный свет — это луна вышла из-за туч. По полу простучали когти. Потянуло псиной.

— Билли болен? — одышливо спросил пес Душка на собачьем языке.

— Душка! — Билли свесил с кровати руку и погладил пса. Интересно, а если рассказать про Покойный дом собаке, это тоже будет значить, что он проговорился?

— Лошадь. В саду, — проворчал Душка.

— Лошадь? — Билли рывком сел.

— Призрак лошади, — уточнил пес.

Билли спрыгнул с койки и подбежал к окну. Лошадь стояла прямо под окном, на этот раз не призрачный силуэт, а настоящая лошадь. Ее белоснежная шкура, казалось, искрилась в лунном свете, а хвост и грива мерцали серебром. Билли дотянулся до шпингалета, открыл окно и высунулся наружу.

Лошадь посмотрела прямо на него темными ласковыми глазами, и Билли услышал:

— Дитя мое!

— Помогите мне! — вырвалось у мальчика. — Пожалуйста!

Глава 10

ЗАКЛЮЧЕННЫЙ

Найти иголку в стоге сена, наверно, все-таки невозможно, но пуговицу в траве Чарли нашел — правда, только в пятницу, на большой перемене. Как выяснилось, Габриэль закинул ее дальше, чем всем показалось, и пуговица все это время пряталась не в траве, а лежала на каменных плитах, в двух шагах за воротами руин.

Обрадованный Чарли едва успел положить пуговицу в карман, как за спиной у него раздался неприятный голос:

— Что это у тебя, Бон?

Из-за каменной арки выглядывал Аза Пик.

— Ты о чем? — Чарли разыграл недоумение.

— Что ты подобрал с земли?

— А-а, это... — Чарли сунул руку в карман и, о счастье, кроме злополучной пуговицы, обнаружил там стеклянный шарик, который и показал Азе. — Шарик. Видишь, какой красивый. Мы вчера играли неподалеку, и он у меня закатился в какую-то трещину. Я уж думал, нипочем его не выковыряю!

Аза подозрительно прищурился на шарик и только что его не обнюхал.

— Где ты его взял?

— Ой, не помню, он у меня уже сто лет — это вроде как талисман.

Аза недоверчиво оскалится и потрусил прочь, вглубь руин. Его волчья рысца, оскал и манера все обнюхивать неизменно вызывали у Чарли дрожь — сразу вспоминался ощеренный зверь, с рычанием мчащийся по лабиринту руин. Интересно, где он выкопал сердце Борлата? И почему Манфред и остальные так убеждены, что сердце принадлежало именно Борлату?

Чарли поспешил прочь от руин, на ходу убирая шарик в карман, и, когда пальцы его коснулись пуговицы, в сердце у мальчика затрепетала надежда. Может быть, наконец-то удастся узнать, где находится папа!

К счастью, Манфред сдержал слово и на выходные Чарли в школе не оставили. Он сообщил Габриэлю, что нашел пуговицу, и предложил встретиться в субботу в «Зоокафе». Габриэль колебался.

— Знаешь, мне что-то не улыбается опять столкнуться с этой призрачной лошадью.

— Но пуговица с лошадью никак не связана! — убеждал его Чарли. — Это была случайность. Я тебе потом расскажу подробно.

— Да уж, пожалуйста, — встрял Фиделио. (Друзья как раз шли к автобусу.) — Кстати, ты нам еще должен объяснить, почему вчера опоздал на отбой.

— Хорошо-хорошо! — пообещал Чарли. — Завтра все расскажу.

В последнее время дядя Патон пристрастился заказывать деликатесы с доставкой на дом. Стоило это, конечно, недешево, но дядя Патон как раз получил наследство от дальних французских родственников своей покойной матери. К слову сказать, он тратил деньги не только на вкусности, но и старался облагодетельствовать всех обитателей дома номер девять.

Разумеется, из-за всего этого сестрицы Юбим возненавидели своего брата с новой силой — их снедала жгучая зависть. Бабушка Бон заняла промежуточную позицию, поскольку, с одной стороны, тоже завидовала Патону, с другой — не могла устоять перед лакомствами. Особую страсть старуха питала к гусиному паштету и икре. В эту пятницу, вернувшись, домой, Чарли обнаружил, что Мейзи, дядя Патон и мисс Ингльдю устроились в кухне при свечах и ужинают пирогом с дичью, а бабушка Бон уединилась в гостиной, и лакомится икрой, намазывая ее на булку и запивая портвейном. Старуха, по ее словам, терпеть не могла сидеть за одним столом с чужими, особенно с мисс Ингльдю: бабушка Бон вбила себе в голову, будто эта особа хочет женить на себе ее брата. На самом деле, конечно, все обстояло с точностью до наоборот.

Лакомые запахи Чарли учуял еще из прихожей, и, поскольку в академии кормили прескверно, у него сразу потекли слюнки. А при виде пирога он просто ахнул.

— Какая вкуснятина! — воскликнул Чарли. — А можно мне тоже кусочек этого — что вы там едите?

Дядя Патон отрезал ему солидный ломоть пирога, а Мейзи придвинула соусник.

— Попробуй! — подмигнула она. — Это овощной соус по индийскому рецепту, но я добавила туда абрикосов и... рому.

Чарли заметил, что на дяде новый щегольской пиджак, и поинтересовался:

— Вы куда-то собираетесь?

Дядя заговорщицки приложил палец к губам.

— Т-с-с! *Кое-кому* об этом лучше не знать, — приглушенно сказал он и кивнул в направлении гостиной.

— Мы хотели взять тебя с собой, — тихо добавила мисс Ингльдю.

Хотя Чарли и загорелся любопытством, у него хватило ума сообразить, что, пока бабушка Бон не уснет, расспрашивать рискованно. Вскоре пришла с работы мама, и ее тоже усадили за стол, а Чарли велели отнести бабушке Бон бутылку портвейна.

— Чарльз... как это мило... еще стаканчик! — потребовала старуха.

Мальчик с трудом сдержал улыбку: было ясно, что бабушка Бон успела уже порядочно наклюкаться. Он послушно подлил ей рубинового портвейна и спросил, не хочет ли она пирога. С дичью. И с соусом.

— Пирог с дичью... Чарльз, дичь! — скомандовала старуха и откинулась на спинку дивана.

Чарли сбегал на кухню, положил на тарелку кусок пирога и щедро полил соусом.

— Уже отключается! — шепотом доложил он.

Ромовый соус в сочетании с портвейном сделали свое дело: через десять минут из гостиной донесся раскатистый храп.

— Это надолго, — определила Мейзи и повернулась к дяде Патону: — На вашем месте я бы двинулась в путь прямо сейчас.

— А куда вы собрались? — спросила мама.

— Так, в гости по соседству. Мы хотели бы прихватить с собой Чарли.

— Чарли? — Мама сразу насторожилась. — А это не опасно?

— Мам, ну чего ты сразу пугаешься! — вмешался Чарли. — Конечно, это не опасно!

На самом деле он понятия не имел, куда его поведут мисс Ингльдю и дядя Патон, но уж очень хотелось пойти со взрослыми.

— Почему вы так уверены? — спросила мама у дяди.

Тот потер лоб.

— По крайней мере, ничего опасного в этом мероприятии быть не должно. — Дядя извлек из кармана какую-то записку и заглянул в нее. — Да и идти недалеко, всего несколько кварталов. Насколько мне известно, там очень тихий и приличный район.

— Да, но вы всегда ввязываетесь в какие-нибудь опасные авантюры! — вздохнула мама.

— Мам, пожалуйста! — взмолился Чарли.

— Не волнуйтесь, миссис Бон. Нам просто нужно встретиться с родственником Билли Грифа, — объяснила мисс Ингльдю. — Помните, он присылал мне все письма на имя Патона, потому что боялся, что их перехватят.

Мама сдалась:

— Хорошо, Чарли, ступай.

Из-за дяди Патона пришлось подождать, пока окончательно стемнеет. Через полчаса, когда Чарли и дядя с мисс Ингльдю вышли из дома, ночное небо затянули низкие тучи и начал накрапывать дождь. Дядя раскрыл огромный синий зонтик, под которым вполне хватало место для всех троих, но Чарли зонтики недолюбливал, поэтому просто натянул на голову капюшон ветровки и побежал вперед. Эти взрослые так медленно ходят, прямо черепахи какие-то! У парка он повернул налево. Тут начиналась платановая аллея, и, поскольку дождь припустил вовсю, Чарли укрылся под сенью деревьев. Вскоре его нагнали дядя с мисс Ингльдю.

— Так, нам направо, дом номер пятнадцать, — еще раз сверившись с запиской, сказал дядя Патон.

Они свернули за угол и очутились на улице, мало напоминавшей городскую: все дома здесь тонули в зелени, отовсюду пахло цветами. Заборы заменяли живые изгороди, над тротуарами свисали зеленые ветви.

Дом номер пятнадцать прятался в глубине пышного сада за облупившимися воротами со сломанным замком. Самого дома было не видно, так он зарос плющом и дикими розами. Над садом витал восхитительный цветочный аромат, и мисс Ингльдю, остановившись, вдохнула всей грудью и ахнула от восторга.

— Это самый лучший аромат на свете! — сказала она.

— Я спрошу у хозяйки, нельзя ли закупорить его для вас в бутылочку, — галантно пообещал дядя Патон.

Поскольку ворота были не заперты, гости беспрепятственно двинулись по садовой дорожке, усыпанной цветочными лепестками. На беленой двери дома не оказалось ни звонка, ни дверного молотка, только слева от входа свисала медная цепочка, за которую Чарли и потянул. Где-то в глубине мелодично зазвенел колокольчик.

Через мгновение дверь распахнулась и на пороге показалась Элис Ангел.

— Ой, и ты пришел, Чарли! — воскликнула она. — Как хорошо!

Чарли онемел от неожиданности и смущения. Ох уж эти взрослые, хоть бы предупредили, к кому идем! Или они сами точно не знали? Но дядя и мисс Ингльдью представились хозяйке, будто она была обычнейшим человеком, и Чарли ничего не оставалось, как вслед за ними войти в прихожую. Элис взяла у гостей мокрый зонтик, плащи и ветровки, потом пригласила в гостиную — уютную комнату, в которой было почти темно, поскольку снаружи дом был полностью оплетен зеленью.

Элис протянула руку к выключателю.

— Не надо! — испуганно крикнул дядя Патон, но было уже поздно.

В хрустальной люстре с печальным звоном полопались все лампочки, и на ковер зашелестел стеклянный дождь.

Дядя Патон рассыпался в извинениях.

— Мне надо было сразу же предупредить вас! С порога! — убивался он. — Как неудобно! Экий я болван! Ох, как неудобно! Шесть лампочек!

— Ничего страшного, — улыбнулась Элис. — Я должна была сообразить сама. Вы пока потолкуйте с Кристофером, а я схожу за веником.

«С каким еще Кристофером?» — Чарли тщетно всматривался в полутьму. В гостиной было слишком темно, а все звуки заглушал дядя Патон: он спорил с Элис, кому подметать осколки. Пока хозяйка ходила за свечами, гости расселись. Элис Ангел зажгла свечи, и выяснилось, что в дальнем углу гостиной притаился тощий человек неприметного вида — лысеющий, скромно одетый.

— Здравствуйте, мистер Юбим. — Он встал и поклонился. — Значит, вы управляете электричеством! Всегда мечтал познакомиться с обладателем такого редкостного дара, — с негромким смешком

добавил незнакомец и протянул дяде Патону руку. — Меня зовут Кристофер Карквилл. Наслышан о вас.

Пока мистер Карквилл знакомился с гостями, вернулась хозяйка с веником и совком, который дядя Патон немедленно у нее отобрал. Вскоре в гостиной воцарился порядок, на столе появился еще один подсвечник с горящими свечами, а также торт. Кристофер Карквилл принялся расспрашивать Чарли о Билли Грифе. Чарли первым делом сообщил, что Билли заболел.

— Чем? — встревожился мистер Карквилл.

— Сам не знаю. Понимаете, он просто нашел пуговицу и решил показать нам, а потом вдруг хлоп наземь и начал корчиться от боли! Мы с ребятами жутко напугались. Билли все твердил про какую-то клятву, мол, не нарушал он ее. Вот, а потом Билли положили в лазарет, и с тех пор я его больше не видел. К нему никого не пускают.

— Клятва? — переспросил мистер Карквилл. — Я понял! Эти договоры — не что иное, как страшные злые чары. У Флоренс их полная сумка. В основном их подписывают те, кто берет у нее деньги займы, но Флоренс не расторгает договоры, даже когда ей возвращают долг. А стоит нарушить клятву, то есть договор, — и тебя начнет терзать мучительная боль. Иногда доходит до того, что жертвы Флоренс остаются калеками на всю жизнь! Я краешком уха слышал, что она выделяет с этими документами разные фокусы — в яде вымачивает, кажется. Ручаюсь, она и Билли заставила подписать такую бумагу.

— Понятно, почему он не хотел мне ничего рассказывать, — задумчиво проговорил Чарли. — Да, вспомнил! Я же знаю, где он теперь живет, у новых родителей. Место называется «Покойный дом».

— Покойный дом? — На худом морщинистом личике мистера Карквилла изобразился ужас. Он выронил чайную ложечку. — Это не дом, а настоящая тюрьма! А эти люди, Флоренс и Эшер де Грей, не родители, а сущие людоеды. Блуры время от времени используют их дом, чтобы спрятать кого-нибудь или посадить под замок. И раз уж в дело замешан Эшер де Грей, будь уверен, что Билли сбежать не удастся, пока Эшер его не выпустит. Бедный ребенок! Я должен, во что бы то ни стало помочь ему.

— Как этот Эшер будет держать Билли взаперти? — негодуя спросила мисс Ингльдю. — Караулить круглосуточно?

— Дорогая моя, он умеет создавать силовое поле — непреодолимую невидимую стену, — печально ответил мистер Карквилл, вертя в натруженных узловатых пальцах ложечку. — Да, де Грей тоже из одаренных, но он злой и бесчестный человек. Бедному Билли ни за что оттуда не вырваться. Силовое поле Эшера непробиваемо.

В комнате повисло ошарашенное молчание, которое прервал дядя Патон:

— Чарли, ты говорил о какой-то пуговице — зачем она нужна?

Поскольку Элис Ангел и мистер Карквилл ничего не знали, Чарли пришлось объяснять все с самого начала: и про то, как Билли нашел пуговицу в Покойном доме и захотел узнать ее историю, и про удивительный дар Габриэля Муара, умевшего читать прошлое вещей и обреченного носить только новую одежду, чтобы не мучиться воспоминаниями владельцев поношенной, и про таинственную лошадь-призрак, появившуюся в результате жутковатого эксперимента в лаборатории Иезекииля. Рассказал он и о темноволосом узнике зеркальной ловушки, которого удалось увидеть Габриэлю. Чарли говорил так долго, что у него в горле пересохло. Наконец он умолк и жадно отхлебнул остывшего чая, а в следующую секунду взрослые, выслушав его рассказ, подняли ужасный шум — ахали, охали, возмущались, спорили, что делать. От этого гвалта Чарли стало так худо, что он извинился и попросил у Элис Ангел разрешения выйти в сад.

На воздухе ему стало легче. Дождь прекратился, сад влажно благоухал цветами, травой, сырой землей. Над ним висела дымка тумана.

— Ой, забыл сказать, что лошадь гонялась за мной, — пробормотал Чарли себе под нос и уже хотел было вернуться в гостиную, но тут его внимание привлек фургон, маячивший в глубине сада. Заинтересованный Чарли подошел поближе и, недолго думая, решил заглянуть внутрь. Правда, он понимал, что с его стороны это не очень-то хороший поступок, и воровато огляделся. В саду было тихо, но Чарли краем глаза уловил какое-то движение, резко обернулся и увидел девочку, сидящую на садовой стене.

Оливия! Вот так раз!

— Лив! — приглушенно позвал он. — Оливия! Ты что здесь делаешь?

Оливия быстро спрыгнула на землю по ту сторону стены.

— Ну и пожалуйста! — пожал плечами Чарли. Потом спустился со ступенек фургона и, продравшись сквозь мокрые кусты, подошел поближе к стене.

— Эй, ты еще там? — спросил Чарли. — Ау!

Ответа не последовало. Тогда он вскарабкался на стену и заглянул в соседний сад. Тут никаких цветов не росло, а газон был подстрижен так ровно, что больше напоминал зеленый ковер. В глубине сада виднелся шикарный белый дом, и Чарли тотчас понял, где находится. Ну конечно, Элис Ангел живет по соседству с Оливией! Просто дома у них выходят на разные улицы. Странно, что Оливия не знакома с цветочницей.

В саду Оливии не было — наверно, убежала в дом. Ну не гоняться же за ней! Чарли перебрался обратно в заросший сад Элис Ангел, подобрал в траве красное яблоко и поднялся на крыльцо. Может, взрослые уже успокоились?

Элис встретила его улыбкой:

— А, яблоко нашел! Угощайся, они вкусные. Легче тебе? Налить еще чаю?

Страсти в гостиной успели немного утихнуть. Дядя Патон и мистер Карквилл сидели в дальнем углу и что-то обсуждали — оживленно, но тихо.

— Я видел Оливию, — сообщил Чарли хозяйке. — А я и не знал, что вы соседи. Только она почему-то не пожелала со мной разговаривать.

— Ей сейчас тяжело, бедняжке, — грустно сказала Элис. — Такое часто случается, когда человек пытается сопротивляться своей природе. Надеюсь, Оливия скоро привыкнет к своей истинной сущности. Тогда вам всем будет легче.

— Правда? — удивился Чарли, не вполне понимая, о чем речь. Он набрался храбрости и спросил: — Мисс Ангел, а вы тоже из одаренных?

— Пожалуйста, называй меня просто Элис, хорошо? — Ее зеленые глаза задорно блеснули, и она добавила: — Да. У меня есть свой дар.

Чарли уже собирался спросить, какой именно, но тут дядя Патон объявил, что им пора домой. На прощание мистер Карквилл поблагодарил гостей и даже чуть не прослезился. Он долго тряс дяде Патону руку.

— Вы не представляете себе, как много для меня значит подобное внимание и участие! — прочувствованно сказал он. — В этом злосчастном городе у меня мало друзей, и мое тюремное заключение помогло мне понять, кто есть кто. Мисс Ангел действительно настоящий ангел. Она навещала меня каждую неделю, дарила мне надежду, а теперь приняла под свой кров. У меня к вам просьба: пожалуйста, никому обо мне не рассказывайте! Иначе моя дорогая хозяйка окажется в такой же опасности, что и я.

Все дружно поклялись молчать как могила.

— Мы вас не оставим, — добавил дядя Патон. — Не падайте духом.

Провожала их до ворот только Элис. На улице не было ни души, но мистер Карквилл боялся даже собственной тени.

Поскольку фонари уже зажглись, дядя Патон спрятался под зонтиком — дождя не было и выглядело это странно, но он не желал рисковать. Мисс Ингльдю решила составить ему компанию, поэтому проворную серую тень, которая выскочила из кустов и скрылась за парковой оградой, заметил только Чарли. Правда, он попытался убедить себя, что это всего лишь собака или лиса, но вынужден был признать неприятную правду: животное было крупнее любой собаки. Значит, все-таки Аза — его же хлебом не корми, дай пошпионить.

Чарли расстроился: раз Аза их засек, значит, можно считать, что на доме Элис Ангел поставлен крест. Единственная мысль, которая его утешала, — это то, что Аза вряд ли сообразит, зачем Чарли и дядя Патон навещали Элис Ангел. К тому времени, когда они добрались до Филберт-стрит, Чарли уговорил себя, что все не так уж и плохо. Теперь его интересовало кое-что другое.

— Дядя Патон, а за что он сидел в тюрьме? — спросил Чарли, когда пара под зонтиком нагнала его. — И почему ругал наш город «злосчастливым»?

— Видишь ли, друг мой, когда неповинного человека сажают за решетку, немудрено, что он начинает ненавидеть город, где с ним так

поступили. Ужасная история. — Дядя Патон покачал головой.

— Причина не только в аресте, — тихонько добавила мисс Ингльдью. — Подумай, Чарли, сколько трагических событий произошло здесь, на этой земле, с тех пор как дети Алого короля вспыхнули друг к другу враждой. Сколько крови было пролито! Я прочла об этой вражде сотни книг и знаю, что она длится уже целые века. И зло постоянно торжествует победу над добром. — Она вздохнула и улыбнулась. — Но я все равно люблю этот город. Может быть, потому, что то небольшое доброе, чему удалось уцелеть, озаряет его своим светом. И не сдаётся.

Чарли сразу же подумал об отце, который пытался бороться с Блурами и потерпел поражение — потерял память и исчез.

— Мисс Ингльдью, как вы думаете, может тот человек, которого Габриэль видел в Зеркальном замке, быть моим отцом? Ведь все совпадает: у папы темные волосы, и он где-то заперт... и к тому же Габриэль слышал фортепиано.

— Не знаю, Чарли, но вполне может быть, — ответила мисс Ингльдью.

Они поднялись на крыльцо дома номер девять. Пока дядя складывал зонтик, Чарли отпер дверь, вбежал в прихожую и спешно выключил свет, чтобы не рисковать. Потом проделал то же самое в гостиной.

Бабушка Бон уже проснулась и подала недовольный голос:

— Куда это вы ходили?

— На прогулку, — неохотно отозвался дядя Патон.

— На прогулку? С этой женщиной? Она что, опять здесь?

— Если вы имеете в виду Джулию — да, она здесь, — сердито ответил дядя. — Мы выпьем чаю, и я провожу ее домой.

— Поосторожнее с лампочками и фонарями! — Старуха противно хихикнула.

— Знаете, пожалуй, я пойду, — заторопилась мисс Ингльдью, не успевшая даже снять плащ. — Чай попьем в другой раз. Эмма вот-вот вернется от подруги, так что мне пора.

Дядя Патон вновь взял зонтик. Уже на пороге мисс Ингльдью обернулась и сказала:

— Чарли, я совсем забыла: Эмме теперь будет с кем ходить в «Зоокафе».

— И кого она завела? — заинтересовался Чарли.

— Завтра узнаешь, — пообещала мисс Ингльдью и удалилась рука об руку с дядей.

Глава 11

ПОКОЙНЫЙ ДОМ

Всю дорогу к «Зоокафе» Чарли бежал бегом, досадуя на толпу, заполнившую улицы по случаю отличной субботней погоды. У Чарли созрел замечательный план, и ему не терпелось поделиться своими соображениями с друзьями. Свернув на Лягушачью улицу, Чарли столкнулся с Доркас Мор и двумя ее старшими братьями — грубыми верзилами, известными всему городу своим скверным характером и драчливостью. Любимыми занятиями Альберта и Альфреда было отнимать деньги у малышей, мучить кошек и сшибать с ног велосипедистов и роллеров. Кроме того, эти здоровенные парнюги повсюду таскали с собой четверку свирепых мордатых ротвейлеров (изрядно смахивавших на хозяев), которыми очень гордились. Благодаря этим псам братья Мор имели право ходить в «Зоокафе». Доркас обычно ждала братьев снаружи, скучая на скамейке возле кафе. Она до визга боялась любых животных, и Чарли не понимал, как ей вообще удастся жить под одной крышей с ротвейлерами. Не говоря уж о братцах — тоже порядочных скотах.

Чарли быстренько поздоровался и прибавил шагу, чтобы опередить Доркас и ее спутников.

— Что случилось, Чарли? — спросил его с порога Нортон. — Ты так бежишь, будто за тобой гонится адская свора или всадник без головы.

— Сейчас увидите! — выдохнул Чарли.

Заметив в дальнем углу кафе белокурые косички Эммы, он поспешил туда. Пусть Нортон сам разбирается с Морами и их псами.

К немалому удивлению Чарли, школьная компания была почти в сборе: кроме Эммы, вокруг столика сидели Лизандр с попугаем Гомером на плече и Танкред с одним из многочисленных хомячков Габриэля. Сам Габриэль с видом знатока кормил крошками Босха, черную крысу Билли Грифа, которая опасливо поглядывала на сонную глухую кошку, нежившуюся на коленях у Фиделио.

— Садись, Чарли! — Фиделио с готовностью подвинулся.

Стоило Чарли сесть, как Спринтер-Боб, мирно дремавший на полу, вскочил и на радостях чуть не свернул стол. Запрыгали стаканы, во все стороны полетело печенье, одна тарелка грохнулась на пол и разбилась вдребезги.

Раздались возмущенные восклицания:

— Ну вот, опять!

— Дурацкая псина!

— Чарли, сделай что-нибудь с этой собакой!

— Мое пирожное!

— Мой сок!

Чарли отбивался от любвеобильного пса и кричал:

— Откуда я знал, что он под столом?! Могли бы предупредить!

Именно в этот момент в кафе вошли братья Мор с четверкой ротвейлеров, отчего неразбериха только усилилась: толстомордые черно-коричневые псы рычали и кидались на всех без разбора. Поднялся страшный шум, и мистер Комшарр был вынужден вскочить на стол, чтобы его заметили и слышали.

— Тише, пожалуйста! — взывал он. — В нашем кафе шуметь не принято!

— Пр-рекр-расная р-речь! — заверещал попугай Гомер.

Но Альфред Мор в ответ смерил мистера Комшарра презрительным взглядом и грубо спросил:

— А что мы такого сделали?

От такой наглости тот опешил и переспросил:

— Что, простите?

— Не нарывайтесь, говорю, — посоветовал Альфред.

Мистер Комшарр засверкал глазами, усы и бакенбарды у него распушились, он выпрямился во весь рост и, возвышаясь над нахалом, отчеканил:

— Молодой человек, в кафе полно животных. Ваши псы их напугали. Более того, они устраивают у меня в заведении кавардак каждый раз, как вы сюда приходите.

— А мы-то при чем? Вот он первый начал. — Альбер Мор пренебрежительно показал большим пальцем на Чарли. — Это его беспородная шавка подняла гвалт. Вон, какой здоровенный пес, больше наших.

В ответ на «беспородную шавку» Спринтер-Боб оскорбленно зарычал и кинулся на ротвейлеров.

— Задай им пер-р-рцу! — подзуживал попугай, топорща крылья на плече у Лизандра.

И Спринтер-Боб задал ротвейлерам перцу. Неразбериха переросла в масштабную драку, в которой приняло участие несколько присутствующих собак. Шум стоял оглушительный, псы рычали, лаяли, рвали друг друга и катались по полу, испуганные птицы с пронзительными воплями металась под потолком, кошки шипели и грозно урчали, змеи расползались кто куда, всякая мелочь жалась по углам, а одна перепуганная игуана выскользнула за дверь и была такова.

Нортон попытался растащить псов, и один из ротвейлеров прокусил ему руку, а Чарли, который все старался ухватить Спринтера-Боба за ошейник, сбил на пол, метавшийся по кафе шимпанзе.

Миссис Комшарр вскочила на столик рядом с мужем и отчаянно застучала ложкой в металлический поднос, призывая драчунов к порядку. Из-за своего великанского роста она едва не задевала головой потолок, и казалось, такая внушительная фигура не могла не произвести впечатления, но не тут-то было. К счастью, кто-то додумался позвонить в полицию и вскоре с улицы послышался вой сирены. Братья Мор тут же сграбастали своих псов за ошейники и обратились в бегство. Через минуту в «Зоокафе» появились двое полицейских — констебль Сингх и констебль Вуд. Поскольку ротвейлеров уже не было, шум стихал, но хозяева кафе все еще стояли на столе и отдавали распоряжения.

Констебль Сингх, хрустя битой посудой, подошел к мистеру Комшарру и вежливо подергал его за штанину:

— Сэр, не могли бы вы спуститься, пройти с нами на кухню и побеседовать?

Мистер Комшарр с большим достоинством спрыгнул со стола, помог слезть супруге и удалился на кухню вместе с полицейскими. За ними хромал окровавленный Нортон.

— Вот гады эти Моры! Только услышали сирену, и их как ветром сдуло! — возмутился Танкред.

— Это нечестно, ведь драку затеяли они, — согласилась Эмма.

Чарли наконец-то удалось поймать пыхтящего и рычащего Спринтера-Боба. Все начали хвалить пса за проявленную отвагу.

— Ор-р-рден за хр-р-рабр-р-рость! — предложил попугай.

— А лучше натурой! — засмеялся Лизандр и угостил пса печеньем.

Компания прикончила то небольшое, что еще оставалось на столе. В кафе, наконец, установилась относительная тишина, и Чарли услышал откуда-то настойчивое кряканье. Он заглянул под стул Эммы и увидел белую утку.

— А, вот кого ты завела! — сказал он.

— Она сама у нас завелась, — объяснила Эмма. — Залетела вчера к нам во двор. Я назвала ее Нэнси — в честь мамы. Моя мама умерла, ты же знаешь.

— Угу. Славная уточка, — Чарли не мог придумать, что бы еще сказать.

— А где же Оливия? — удивился Фиделио. — Она что, опять не придет? Что с ней творится, ты не знаешь, Эм?

— Понятия не имею, — пожала плечами Эмма. — Она теперь со мной почти не разговаривает, а если и скажет слово-другое, так всегда мрачнее тучи.

— И выглядит она жутко, — заметил Лизандр.

— А какая была куколка! — вздохнул Танкред.

Чарли решил, что сейчас самое время рассказать об Элис Ангел и ее магазине.

— Знаете, по-моему, Оливия тоже из одаренных, — приглушенно начал он, — только она ни в какую не хочет этого признать. Она ведь даже призрачную лошадь и то слышала, а я так понимаю, что ее могут услышать только одаренные.

— Точно! — горячо закивал Фиделио. — Сколько раз видел, как вы все шарахаетесь, мол, лошадь, лошадь, а я ни разу, ни топота, ни ржания не слышал и ничего не видел.

Выяснилось, что Лизандр ничего не знает о таинственной лошади, и Чарли быстро ввел его в курс дела.

— Сердце?! — ужаснулся Лизандр. — Бр-р, жуть, какая. С Азы бы случилось его съесть!

— Это еще не все. — И Чарли рассказал друзьям об участии Билли Грифа и ужасных способностях его новых родителей. О Кристофере

Карквилле он и словом не обмолвился.

— И что ты теперь намерен делать — спасти этого ябеду Билли, рискуя жизнью? — саркастически спросил Танкред, ероша светлые волосы. — Может, еще и нас подключишь?

— Но Билли не нарочно! — возразил Чарли. — Он же не виноват, что сирота и что Блуры его запугивают и передают с рук на руки, как щенка какого-то. Ему просто не везет!

— Это еще мягко сказано, — невесело покачал головой Габриэль.

Чарли воспользовался подходящим моментом и извлек из кармана пуговицу.

— Пожалуйста, попробуй еще раз, а? — С этими словами он протянул ее Габриэлю. — Посмотри повнимательнее, кто там заперт в зеркалах! А если музыка опять будет, может, ты определишь какая? Ты же в музыке разбираешься! В общем, что выяснишь — все хорошо будет!

Габриэль вздохнул, но пуговицу взял. Как и в прошлый раз, он приложил ее к сердцу, зажмурился и прислушался, наморщив лоб от напряжения. Остальные замерли, стараясь не дышать. Прошла минута, другая — Габриэль все не открывал глаза. Он весь напрягся, на лбу у него выступил пот, по телу волнами пробегала дрожь, уголок рта подергивался. Минут через пять — они показались всем вечностью — Габриэль бережно положил пуговицу на стол и поднял веки.

— Рахманинов, прелюдия си-минор, — объявил он. — Играла пластинка — старая, на семьдесят восемь оборотов, они еще всегда потрескивают.

— А лицо ты разглядел? — вцепился в Габриэля Чарли. — Ну, какое лицо у этого узника? Кто он?

— Не получилось. Извини, Чарли. Оно, как бы это сказать, расплывалось. Там столько зеркал, некоторые кривые, ни шута не разберешь.

Но Чарли не слишком огорчился: по крайней мере, выяснилось название музыкальной пьесы, это уже немало.

Из кухни вышли полицейские и мистер Комшарр. Все разговоры в кафе сразу же стихли.

— Извините, на сегодня мы вынуждены закрыться, — объявил мистер Комшарр, проводив стражей порядка. — Нортону придется отвезти в больницу — зашить прокушенную руку и сделать прививку

от бешенства. Эти проклятые ротвейлеры — кровожадные твари, а не собаки!

Чарли и друзья послушно засобирались. Мистер Комшарр подошел к их столику. Вид у него был донельзя расстроенный.

— Извините, ребятки. Завтра мы тоже не работаем — Нортону придется полежать, а миссис Комшарр до сих пор не может прийти в себя. Наше бедное «Зоокафе» под угрозой закрытия! А все эти Моры. Как они явятся со своими ротвейлерами, так обязательно устраивают безобразие, а посетители жалуются.

— Может, вам стоит запретить вход с собаками, мистер Комшарр? Мой папа, наверно, именно это бы и посоветовал, — участливо предложил Лизандр.

— Твой папа, конечно, судья и человек знающий, — мрачно ответил мистер Комшарр, — но, боюсь, он плохо представляет себе, что такое «Зоокафе». Идея в том, что у всех животных равные права — у кошек, собак, птиц, змей и так далее. Я не могу запретить вход собакам, потому что не все собаки одинаковы. Вон Боб, какой славный. Я скорее перестану пускать кого-нибудь из собаководовладельцев! И даже знаю кого. — Мистер Комшарр нежно погладил Босха и усадил его за пазуху. — Отнесу-ка я его на кухню, покормлю, а то он совсем скис. Скучает по Билли.

— Ничего, Билли скоро его навестит, — Чарли постарался придать своему голосу уверенность. — Только для этого мне нужно узнать, как попасть в Покойный дом. Вы не знаете, где это, мистер Комшарр?

— Зачем тебе туда? — удивился хозяин.

Чарли пришлось повторить всю невеселую историю с усыновлением Билли заново. Мистер Комшарр слушал, и усы его печально никли.

— Уму непостижимо! — воскликнул он, когда Чарли закончил. — Куда катится мир, если сироте не дают спокойно жить и играют на его лучших чувствах? М-да. Значит, так, Чарли, этот самый Покойный дом находится на Крючковой улице, за собором, в старом районе. Но берегись! На твоём месте я поостерегся бы бросать вызов де Грея.

— Я не один пойду, я возьму Боба.

— Без меня ты никуда не пойдешь, — заявил Фиделио, пряча за пазуху свою кошку.

— И без меня. Мне как раз в ту сторону, — присоединилась Эмма, сажая белую утку Нэнси в корзинку.

Габриэль, Лизандр и Танкред жили на Вершинах — этот фешенебельный зеленый район располагался на холме, поэтому им было в другую сторону. Но все трое строго-настрого наказали Чарли чуть, что звать их на помощь.

Вся компания вышла на улицу. В светлых волосах Танкреда танцевали и потрескивали молнии, и вокруг него крутился ветер, трепля воротник куртки.

— Не нравится мне все это, Чарли, — сказал Танкред. — У меня дурные предчувствия. Имей в виду, я отправлю бурю тебе на помощь по первому свисту.

— А я — духов предков, — поддержал друга Лизандр.

На перекрестке друзья расстались: трое старших мальчиков повернули направо, а Чарли, Эмма и Фиделио — налево, к собору. Над городом, как и вчера, сгущался туман, но, в отличие от вчерашней белой дымки, пахнувшей цветами и дождем, сегодняшний туман был каким-то зловещим и наполнял узкие улицы преждевременными сумерками. Казалось, он выступает откуда-то из-под земли. От его клубов веяло холодом, и чем ближе троица подходила к собору, тем сильнее сгущался туман. Особенно туман не нравился Спринтеру-Бобу: пес крутил лохматой головой и чихал.

По дороге Эмма забежала домой и оставила корзинку с уткой под прилавком. Мисс Ингльдю была занята разговором с покупателем, поэтому Эмма просто помахала тете рукой и пообещала: «Мы скоро». Фиделио хлопнул себя по лбу и высадил из-за пазухи на прилавок сонную пожилую кошку, которая тут же начала тереться о рукав мисс Ингльдю. «Я ее потом заберу», — сказал Фиделио ошеломленной хозяйке.

Очутившись на улице, Эмма и Фиделио заметили, что в дальнем конце улицы из клубов тумана возникли три ярко-рыжих кота.

— Чарли, смотри, за нами идут Огнецы! Ты их видел?

— Нет, только сейчас заметил. Наверно, у них есть на то свои причины, — объяснил Чарли и помахал котам: — Привет, Феникс! Здравствуй, Саламандр! Салют, Везувий!

Коты ответили громким дружелюбным «мяу». Спринтер-Боб гавкнул на них, но Огнецы не обратили на это ни малейшего

внимания. Правда, когда Чарли и компания пустились в путь, Огнецы последовали за ними на почтительном расстоянии, чтобы понапрасну не злить пса.

За Соборной площадью начинался старый район — узкие запутанные улочки, мощенные булыжником, которые шли то в горку, то под горку, то вообще превращались в лестницы с замшелыми ступенями. Ни дать ни взять настоящий лабиринт! А какие вывески — ни одной современной, все старые, ржавые, выцветшие, даже непонятно, что на них написано! То же самое касалось и табличек с названиями улиц, поэтому ребятам пришлось немало поплутать, прежде чем они нашли Крючковую улицу. Собственно, она больше смахивала на темный тоннель и к тому же круто поднималась в гору.

— Нам сюда, — сказал Чарли, невольно понизив голос.

— Ну и мрачное же местечко! — покачал головой Фиделио. — Ладно, пошли.

Эмма последовала за мальчиками, сморщив нос и бросив:

— Фу, какая вонь!

Да, пахло здесь неприятно — плесенью, сыростью и гнилью.

Друзья двинулись вперед, тревожно всматриваясь в темноту и стараясь не поскользнуться на крутом подъеме. Спринтер-Боб все время нервно скулил, отчего легче не становилось. К счастью, Огнецы быстро сообразили, в чем дело, обогнали наших героев и легкими прыжками понеслись впереди, освещая дорогу своими пылающими шубками. Даже туман, казалось, вокруг котов редел.

Наконец Чарли увидел надпись «Покойный дом», вырезанную на камне над массивной дубовой дверью. Он перевел дыхание и взялся за дверной молоток — на этом доме он был в виде здоровенной медной руки, сжатой в кулак.

— Подожди! — остановила его Эмма. — Что ты им скажешь?

— Как что? Просто спрошу, где Билли. Этого разве недостаточно? — Чарли приосанился, стараясь изобразить решимость, и громко постучал.

Хозяева не отпирали, пришлось стучать еще и еще. Но когда дверь, наконец, распахнулась, Чарли утратил дар речи — так злобно посмотрел на него мужчина, возникший на пороге.

— Что вам здесь надо? — резко спросил Эшер де Грей, которого Чарли сразу же узнал по фотографии.

Чарли раскрыл рот, но от испуга не смог вымолвить ни слова. Его выручил Фиделио:

— Мы бы хотели поговорить с Билли, сэр.

— Билли? — Глаза Эшера запылали от ярости, и он прорычал: — Билли?! Еще чего!

— Но ведь Билли здесь живет? — робко спросила Эмма.

— А ну пошли вон! — рявкнул хозяин и хотел было захлопнуть дверь, но Чарли проворно сунул ногу в щель, а Спринтер-Боб в тот же миг, углядев в прихожей кошку, с азартным лаем кинулся через порог. Но не тут-то было: пса отшвырнуло, будто он шмякнулся о невидимую резиновую стену.

— Чем вы стукнули мою собаку? За что? — возмутился Чарли.

Эшер де Грей пнул Чарли в лодыжку, тот взвыл от боли и отскочил — и дверь мгновенно захлопнулась у него перед носом.

— Ничего себе прием! — сердито сказал Фиделио. — Больно, Чарли?

— А ты как думаешь! — буркнул Чарли.

— Билли там, я уверена! — воскликнула Эмма. — Бедняга, вот так попал.

— Конечно там, — растирая ногу, сказал Чарли. — И этого типа я знаю, видел на фотографии у Манфреда. Я еще тогда выяснил, что он терпеть не может детей.

— Что будем делать? — спросил Фиделио. Спринтер-Боб все скулил, жалуясь на ушибленный нос, и под этот скулеж соображали они с трудом. К тому же пес перепугался: еще бы, стукнуться о призрачную стену! Чарли бы с радостью объяснил ему про силовое поле и невидимый барьер, но, наверно, растолковать это псу смог бы только Билли, который, собственно, и сидел под замком, отгороженный от друзей барьером. Да, положение...

— Я постараюсь что-нибудь придумать, — делано жизнерадостным голосом пообещал Чарли.

Они еще некоторое время постояли под дверью — очень уж не хотелось сдаться, уйти, оставив бедного Билли в заточении. Однако риск, что мистер де Грей выглянет снова, был слишком велик, и расстроенная компания поплелась прочь. А вот Огнецы почему-то не шелохнулись — так и сидели напротив Покойного дома, сияя рыжими шкурками. Может, они знают, как выручить Билли?

Надо сказать, что попытки друзей проникнуть в дом не остались для маленького узника тайной. Билли как раз смотрел телевизор, когда ему послышался отдаленный собачий лай, а затем — вой, по которому он узнал Спринтера-Боба. Прислушавшись, Билли понял, на что жалуется пес на собачьем наречии.

— Невидимая стена! — шумел Спринтер-Боб. — Больно! Жжет! Ударился! Это кошкин фокус! Больно! Чарли, помоги!

Билли кубарем скатился с кровати и подбежал к окну, но сквозь густой туман не увидел ничего, кроме серой каменной стены. Окно было заперто наглухо. Билли сделал телевизор погромче, а сам прокрался по коридору на лестничную площадку — посмотреть, что происходит в прихожей. И вовремя: мальчик как раз увидел, как Эшер де Грей захлопнул дверь. Билли отскочил и вжался в стену, стараясь не дышать. Еще немного, и попался бы! Так значит, Чарли здесь... А вдруг ему, Билли, влетит и за это тоже? Он живо вспомнил невыносимую боль, зажмурился от ужаса и задрожал.

— Билли! — тихонько окликнул его тоненький кошачий голосок.

Билли открыл глаза и увидел кошку Клаудию.

— Друзья! — промурлыкала она.

Билли на цыпочках вернулся к себе в комнату и выключил телевизор. Клаудия беззвучно шла за ним.

— Извини, что устроила ловушку тому псу, — произнесла кошка. — Хотела показать, что внутри опасно. Что Эшер возвел невидимую стену. Передай псу — Клаудия извиняется.

— Хорошо, передам, — ответил, Билли и со вздохом добавил: — Если вообще когда-нибудь еще увижусь с ним...

— Пришли мои друзья, — Клаудия потерлась о ноги Билли. — Они останутся. Помогут Билли бежать. Нынче ночью Билли должен быть готов.

— Сегодня? — Билли напрягся, его опять затрясло при мысли о наказании, о боли. Но сбежать хотелось, и еще как! — А как?!

— Тише! — зашипела кошка. — Потом узнаешь.

— Но куда я денусь, когда сбегу? — недоумевал Билли.

— Друзья все устроят.

— А кто они, твои друзья?

— Кошка дружит только с кошками. Три рыжих кота. Искрят.

— Огнецы!

— Да, Огнецы. Клаудии пора.

Билли приоткрыл дверь, погладил Клаудию по спинке, и она выскользнула в коридор.

— Не забудь, Билли! — напомнила кошка. — Сегодня ночью!

— Разве можно забыть о таком? — прошептал Билли и сел перед пустым экраном. Смотреть телевизор расхотелось. Телевизор не шел ни в какое сравнение со свободой.

Глава 12

СКВОЗЬ ПРЕГРАДУ

С тех пор как Билли поселился в Покойном доме, он неизменно ужинал у себя в комнате в одиночестве, потом спускался на кухню и мыл всю грязную посуду. Мистер и миссис де Грей в это время сидели за столом и работали — просматривали документы, что-то считали, что-то писали. Так было заведено. Разговаривать Билли не полагалось.

В этот вечер, настроившись на побег, Билли старательно делал вид, что все обстоит как обычно. Перемывая посуду, он заметил, что перед Флоренс лежат какие-то бланки и та сортирует их с довольной улыбкой.

«Наверно, все это договоры», — подумал Билли и тотчас осознал, что ему нужно, во что бы то ни стало уничтожить свой договор.

Иначе сбежать не удастся — де Грей его из-под земли достанут или, чего доброго, будут мучить на расстоянии. Вот только где они хранят его договор?

Вытерев последнюю тарелку и расставив посуду в буфете, Билли пожелал де Грейам спокойной ночи. Он старался никак к ним не обращаться, потому что называть их мамой и папой язык не поворачивался, а по именам, как они требовали, было неудобно.

— Спасибо за ужин, было очень вкусно, — добавил Билли.

— Что ты ел? — не отрывая взгляда от бумаг, спросила Флоренс.

— Бутерброд.

— А с чем? — уточнил Эшер.

— С маслом. — На самом деле Билли не помнил, что было на ужин, — он волновался, и ему кусок в горло не шел.

Флоренс посмотрела на Билли:

— Живот больше не болит?

— Нет, спасибо, все прошло.

— Надеюсь, ты больше не заболеешь, — многозначительно произнесла она.

— Угу. Спокойной ночи.

Билли вышел из кухни, но де Грей этого даже не заметили. Сердце у мальчика колотилось так громко, что ему казалось, будто в

просторной прихожей должно отдаваться эхо. Билли с трудом заставил себя не прыгать по лестнице через ступеньку и поднялся наверх. У себя в комнате он натянул пижаму поверх джинсов и рубашки — вообще-то де Грей никогда не заглядывали к нему ночью, но предосторожность не помешает. Затем Билли вернулся на лестничную площадку и стал караулить Флоренс. В семь часов она вышла из кухни, прижимая к себе неизменный серый ридикюль, пересекла прихожую и скрылась в кабинете, а через минуту вышла оттуда уже с пустыми руками. Билли вжался спиной в стену. Только бы его не засекли! Он выждал еще мгновение и шмыгнул к себе в комнату. Аккуратно положил очки на ночной столик, дверь в коридор оставил приоткрытой, а сам юркнул в постель.

Ночь тянулась бесконечно. Билли лежал без сна, вглядываясь в темноту. Часы на соборе пробили полночь. Час. Два. Три. Узник потерял всякую надежду на спасение. Ну конечно, Клаудия обманула его! Никакие Огнецы на помощь не придут! Билли всплакнул и сам не заметил, как задремал.

А тем временем тучи над городом постепенно рассеялись, но в узких улочках еще клубился туман. Серое небо медленно наливалось утренним светом. Крыши домов влажно блестели.

Неподалеку от Крючковой улицы рос большой вяз. В его пожелтевшей кроне слышалось шуршание, и на ветке показался ярко-оранжевый кот, который ловко перепрыгнул на крышу соседнего дома. За ним последовал лимонно-желтый кот и еще один — рыжий. Огнецы мягкими прыжками понеслись по крышам, перелетая с одной на другую с удивительной легкостью. Наконец они нырнули в открытое окно в черепичной крыше Покойного дома — Эшер де Грей настолько полагался на непробиваемость силового поля, что закрыть окошко в крыше не удосужился. Впрочем, он и двери не запирает, считая, что невидимый барьер охраняет его жилище лучше любых сигнализаций и запоров. В окошко Огнецы проникли без труда, но они прекрасно знали, что на первом этаже им придется столкнуться с коварной магией. Впрочем, коты знали и кое-что другое: главное — провести через барьер Билли. Сами Огнецы преодолевали подобные преграды, как нож масло.

На лестничной площадке Огнецов поджидала миниатюрная черная кошка.

— Пойду за мальчиком, — сказала она и скользнула в комнату Билли.

Когда кошка прыгнула к нему на кровать, Билли подскочил от неожиданности.

— Разве я спал? — спросил он, протирая глаза и хватаясь за очки, как делают спросонья все очкарики.

— Пора, Билли! — тихонько сказала Клаудия.

Билли выбрался из кровати и снял пижаму. Он весь дрожал от страха и нетерпения. Мальчик обвел глазами комнату, такую славную и светлую в утреннем свете. Компьютер, телевизор, книжки, игры... Останься он, и все это будет принадлежать ему на веки вечные. Бежать или остаться? И можно ли доверять Клаудии? Ведь она живет у де Греев, это их кошка, вдруг она ничуть не лучше хозяев? А если бежать, то куда? И денег нет ни гроша...

На пороге комнаты появились Огнецы, и на сердце у Билли сразу потеплело. Коты ласково мурлыкали: «Пойдем! Скорее!»

К счастью, Флоренс и Эшер де Грей спали очень крепко — видимо, муки совести этим злодеям были незнакомы, если у них вообще имелась совесть. Де Грей даже не повернулись с боку на бок, когда Билли и коты проследовали мимо их спальни, и продолжали смотреть свои сны, которые нормальному человеку показались бы настоящими кошмарами.

Коты повели Билли в прихожую, и в ярком сиянии, исходившем от их огненных шубок, мальчик впервые толком разглядел силовой барьер. Наверно, одна магия проявляется в присутствии другой, решил Билли. Барьер выглядел как сложное переплетение светящихся голубоватых нитей, вроде неоновой паутины. Особенно густо этой паутиной была заткана входная дверь и — сердце у Билли упало — дверь кабинета Флоренс, где хранился ридикюль с договорами.

Но Огнецы двинулись сквозь паутину так, будто ее вообще не было, — и напрямик к выходу. Там, где они проходили, неоновые нити лопались, гасли и безжизненно сваливались на пол, будто перепутанное вязанье. Билли замер на лестнице, не решаясь шагнуть вперед.

— Скорее, Билли! — промурлыкал Саламандр. — Иди за нами, это безопасно.

Собравшись с духом, Билли двинулся за котами, след в след. Надо же, там, где паутина порвалась, силовое поле не чувствовалось вообще!

— Погодите! — шепотом позвал Билли. — Мне сначала надо в кабинет.

Коты уставились на него внимательными золотыми глазами. Потом переглянулись, совсем как люди, и Феникс, поднявшись на задние лапы, передними принялся драть паутину на дверях кабинета, как если бы просто точил когти. Вскоре получилась солидная прореха, и Билли, пригнувшись, пробрался внутрь. Серый ридикюль Флоренс просто-напросто оставила на полу при входе. Билли поспешно схватил его, щелкнул замочком, ридикюль разинулся, как пасть. Внутри было полно бумаг. Похоже, Флоренс во всем полагалась на магию мужа и обходилась без сейфа и ключей.

Билли, присев на корточки, быстро перерыл документы и нашел договор, который совсем недавно подписывал. Мальчик поспешно затолкал его за пазуху, поднялся и увидел, что Огнецы загораживают дверь. Слов не требовалось, но Билли на всякий случай спросил:

— Забрать все, да? И всех освободить?

— Да, Билли, заberi все, — мяукнули коты.

— И побыстрее, — добавил Везувий, — а то они скоро проснутся.

Билли утрамбовал бумаги, так и норовившие высыпаться на пол, зажал ридикюль под мышкой и ринулся к входной двери — коты уже драли ее в шесть лап. Вот оборвалась последняя голубоватая нить. Билли распахнул дверь, и тут из глубин дома донесся яростный вопль Эшера де Грей. В прихожую вылетела Клаудия и мяукнула:

— Бегите! Он проснулся!

Повторять дважды ей не пришлось — Билли выскочил на улицу и понесся стрелой, подгоняемый злобным рыком хозяина:

— Мальчишка сбежал! Флоренс, вставай! Лови его!

Билли бежал за Огнецами по темной улице, которую освещало только сияние их шерсти. Конечно, присутствие волшебных котов придавало ему храбрости, но... мальчику все равно было страшно. Куда ему идти? Коты, видимо, собирались отвести его в какое-то убежище, но куда? К кому?

— Не бойся! — подбодрил его медно-рыжий Феникс.

Саламандр, самый яркий, мягкими прыжками помчался вперед, на разведку, а Везувий замыкал компанию, время от времени оглядываясь и проверяя, не показалась ли погоня. Вскоре коты и Билли очутились на Соборной площади. Часы на соборе пробили пять утра, и в небо взвилась шумная стая галок. Билли, спотыкаясь на булыжнике и поправляя очки, замедлил шаг, потому что разглядел впереди вывеску книжного магазина Ингльдю.

— Нет, Билли, пока тебе туда нельзя, — предупредил Феникс. — Это опасно.

Они пересекли Соборную площадь, миновали магазин (Билли тоскливо оглянулся) и побежали по Хай-стрит. Билли тяжело дышал и прихрамывал. Ему казалось, что сердце у него колотится где-то в горле и вот-вот выпрыгнет прямо на тротуар. Бегство оказалось испытанием почище нарушения договора: в боку кололо уже просто невыносимо. Вдалеке послышался шум автомобиля, который стремительно приближался. Билли постарался прибавить шагу и обернулся. Лучше бы он этого не делал!

Из тумана у него за спиной возник серый автомобиль. Де Грей!

— Сюда! — скомандовал Саламандр, сворачивая в какой-то темный переулок. — Быстрее, Билли!

Как они добрались до Вершин, Билли уже не помнил: он бежал из последних сил, ничего не видя перед собой, на автопилоте. Он всегда был никудышным бегуном, а тут ему пришлось пробежать полгорода, да еще спасаясь от погони. Билли оставалось только удивляться, что он не рухнул замертво от усталости еще на Соборной площади. Неужели это Огнецы как-то ему помогли?

Феникс словно угадал его мысли:

— Это королевская сила, Билли.

Поднимаясь по крутой улице на Вершины, Билли и коты вынуждены были миновать дом из красного кирпича, обнесенный высокой стеной с железными воротами. На воротах висела табличка «Вилла Мор». Внезапно ворота распахнулись, и из-за забора выскочила четверка рычащих псов — черных ротвейлеров. Их кровожадные глаза нацелились на Билли, с клыков капала слюна. Билли замер, не в силах двинуться с места, но Огнецы не подпустили к нему страшных псов: коты окружили мальчика и зашипели, выгибая спины.

— Не останавливайся, Билли! — велел Саламандр.

Ротвейлеры, рыча, надвигались на них, и ноги у Билли подогнулись. «Эти псы сейчас порвут всех нас в клочья», — подумал мальчик. Но в ту самую минуту, как псы уже изготвилились к прыжку, небо расколол голубой трезубец молнии, а затем над Вершинами прогремел могучий раскат грома. Ротвейлеры трусливо присели, заскулили и умчались, воя от ужаса.

— А теперь бегом, Билли! — сказал Феникс. — Беги, если хочешь уцелеть.

Билли оглянулся и увидел фары приближавшегося серого автомобиля, которые все ярче проступали сквозь туман. Он прижал к груди ридикюль с документами и помчался из последних сил. Улица поднималась вверх все круче и круче, но мальчик не сбавлял скорости — и не мог бы сбавить, даже если бы захотел, хотя перед глазами у него плавали красные пятна и грудь разрывалась от боли. Но серый автомобиль неумолимо настигал Билли. Еще немного, и конец!

Вновь прокатился гром, и неожиданно хлынул настоящий ливень. По лицу Билли, смешиваясь со слезами, покатились капли дождя. Стекла очков запотели, он даже не видел, куда бежит.

— Я... больше... не могу! — прорыдал мальчик. — Машина... быстрее! Они меня поймают!

— Нет! — сердито проорчал Феникс и глянул в небо. Из туч спикировал огненный клубок — прямо на серый автомобиль. Шаровая молния! Она ударила в капот — и мотор с грохотом взорвался.

Билли глазам своим не верил.

— Это Танкред? Танкред наслал бурю и молнию? — выдохнул он, глотая слезы вместе с дождевой водой.

— Он самый, — подтвердил Феникс.

Дорога огибала Вершины спиралью, и Билли казалось, что этот подъем никогда не кончится. Дождь хлестал его по лицу. Ветер донес издалека визгливый злобный вопль: «Тебе от нас не уйти, Билли!» Это Флоренс де Грей продолжала гнаться за беглецом, но теперь уже пешком, и поэтому шансы сравнялись.

Билли, пригибаясь, бежал против ветра. Вдруг его осенило: он раскрыл ридикюль, извлек из него пачку договоров и пустил по ветру. Бумаги летели, как осенние листья в бурю, и душу Билли затопило ликование. Никогда еще ему не было так хорошо и радостно! Он

загреб еще пригоршню бумаг и швырнул в воздух. И еще, и еще — пока ридикюль не опустел. Ветер бросал белые страницы в разные стороны, дождь нещадно мочил их и прибивал к земле, и Билли мерещилось, будто он слышит измученный шепот обманутых, униженных, обобранных людей, чьи имена теперь смывало с проклятых страниц бурными потоками дождя.

— Правильно! Молодец! — одобрили Билли огненные коты.

Ему вдруг стало легче дышать, и ноги уже не болели. Билли запрыгал от радости и швырнул пустой ридикюль туда, откуда доносился голос Флоренс. Пусть подавится.

— Глупый мальчишка! — донеслось сквозь шум дождя и вой ветра. — Ты еще поплатишься за это! Ты у меня попляшешь!

Чарли любил поспать, тем более по выходным, поэтому, когда в это воскресенье его разбудили спозаранку, он первым делом поднес к сонным глазам будильник. Шесть утра! Ничего себе. Но разбудил Чарли не будильник (кто же будет заводить его на шесть утра в выходной!) — разбудили его шорох и стук, с которым ветви старого каштана бились в окно. Потом раздался звонок в дверь, и Чарли кубарем скатился с кровати. Кого это принесло в такую рань?

Выглянув в окно, он с удивлением увидел знакомый «лендровер». На крыльце нетерпеливо переминался с ноги на ногу человек, которого Чарли отлично знал, — мистер Муар, отец Габриэля, такой же длинный, нескладный и длинноволосый, только с висячими усами. Он уже изрядно промок и настойчиво жал на кнопку звонка. Чарли крикнул в форточку:

— Доброе утро! Иду! Щас иду! Мистер Муар поднял голову:

— А, Чарли! Я... собственно, я за тобой. — Он неуверенно кашлянул, будто не знал, стоит ли делать то, что он делает.

— Как за мной? Почему за мной? — не понял Чарли.

— Понимаешь, какое дело...

Но договорить мистер Муар не успел — входная дверь распахнулась настежь, и на пороге воздвиглась разгневанная бабушка Бон.

— Чего надо? — спросила она еще грубее, чем обычно, даже не подумав поздороваться.

— Я за Ча... — начал мистер Муар, но старуха опять прервала его:

— Вам известно, который час? Вы что, спятели, будить людей ни свет ни заря?

Сон с Чарли уже слетел. Мальчик быстро напялил на себя что попало — потом оказалось, что он надел парадные брюки с самой старой рубашкой и кроссовками, — и пулей понесся в прихожую. Что-то стряслось! Или с самим Габриэлем, или еще с кем-нибудь из компании с Вершин. Танкредом? Лизандром?

Бабушка Бон все еще читала мистеру Муару лекцию о правилах хорошего тона, причем, поскольку сама она никогда не применяла их на практике, то гостя в прихожую не пускала, и мистер Муар топтался на крыльце, мокрый до нитки.

— Пойдем, Чарли, скорее! — воскликнул он, не слушая проповедь старухи.

— И что я скажу его матери? — возмутилась бабушка Бон.

— Скажите, что я у Габриэля! — выпалил Чарли и поспешил за мистером Муаром. Краем глаза он заметил, что из кармана бабушкиного халата торчит пластиковое горлышко бутылки — ну конечно, дынно-яблочный йогурт, любимый йогурт дяди Патона. Надо поставить бабушку на место!

— Вы нарочно поднялись так рано, чтобы утащить дядин йогурт? — спросил он, спускаясь с крыльца. — Вот это да!

Старуху перекосило от злобы, и она с грохотом захлопнула дверь. Впрочем, в этот миг вновь прогремел гром, так что стука Чарли не услышал. Он забрался в машину и сел рядом с мистером Муаром. До Вершин они доехали быстро, — несмотря на сильнейшую грозу, — правда, гром гремел не переставая, а дождь так лупил по крыше, что Чарли приходилось все вопросы выкрикивать на полную громкость.

— Что стряслось, мистер Муар?

— Сам толком не пойму. — Для знаменитого автора триллеров мистер Муар был на редкость плохим рассказчиком. Он подергал себя за мокрый ус: — В сарай для хомячков залез какой-то мальчик.

— Что за мальчик?

— Беленький, очкарик, глаза как у кролика — красные.

— Это Билли! — подпрыгнул Чарли. — Сбежал все-таки!

— Сбежал? Ну, не знаю, словом, ты ему нужен до зарезу. Габриэль меня упросил за тобой съездить. Да мы все равно не спали — разве заснешь в *такую* грозу? Потом пришел Танкред, этот ваш

громовержец, пообещал, что гроза скоро кончится. По его расчетам, через часик. Я так понимаю, раз он ее запустил на полную катушку, придется потерпеть, пока весь заряд не иссякнет.

— Угу, — кивнул Чарли. — Надо же, как мистер Муар разбирается в магии!

Они проехали мимо виллы Мор (за забором бесновались ротвейлеры) и вскоре наткнулись на покореженный серый автомобиль, огороженный полосатой ленточкой, — видимо, здесь уже побывала полиция.

— Ничего себе! — Чарли чуть шею не вывернул, оглядываясь. — Молнией его шарахнуло, что ли?

Капот машины был смят и закопчен, лобовое стекло разбито вдребезги, от передних колес остались головешки.

— Точно, молнией, — подтвердил мистер Муар. — Водитель в больнице, а его жена уцелела, только, кажется, совершенно спятила.

— Хорошая идея для триллера, верно? — предложил Чарли. — Молния гоняется за машиной!

— Хм... — мистер Муар задумчиво потеревил себя за ус, что-то прикидывая.

Они молча проехали роскошный дом судьи Веда — отца Лизандра.

— Я тебе сказал, что Лизандр тоже у нас? — Мистер Муар вышел из творческого транса. — В жизни у нас не бывало гостей в такую рань.

Автомобиль остановился посреди необычайно грязного двора, возле запущенного дома. Чарли, не посмотрев под ноги, выскочил прямо в лужу, но ему было не до того. Хлюпая промокшими кроссовками, он поспешил к крыльцу, но мистер Муар окликнул его:

— Они все в сарае, тебе туда. Не хотят идти на кухню, хоть тресни.

— Ясно. Спасибо! — Чарли, увязая в грязи, обогнул дом и увидел сарайчик, в котором Габриэль проводил большую часть свободного времени, ухаживая за своими хомьяками. На двери красной краской было намалевано: «Хомьяки Муара», а изнутри доносились приглушенные голоса. Чарли подергал дверь — заперто. Голоса настороженно смолкли.

— Кто там? — спросил Габриэль.

— Свои. То есть я, — ответил Чарли.

В сарайчике запищало и зашуршало, затем дверь открылась и Габриэль впустил приятеля внутрь.

Танкред и Лизандр сидели рядышком на узкой скамейке. Кажется, это был единственный пятачок свободного пространства, не занятый клетками с хомячками, рядами, громоздившимися вдоль стен — от пола до потолка. В каждой клетке копошились десятки хомячков — белых, бурых, черных и крапчатых, гладкошерстных и пушистых, больших и маленьких. Вонь стояла такая, что Чарли чуть не зажал нос.

Прямо на полу, скрестив ноги, сидел Билли Гриф. Вид у него было усталый, но донельзя довольный.

— Привет, Чарли! — широко улыбнулся он, поправляя очки.

— Билли, ты все-таки сбежал! — обрадовался Чарли. — Как тебе это удалось?

— Огнецы помогли. Они прорвали этот, как его, силовой барьер. И увели меня от погони. — Улыбка Билли погасла, и стало видно, что он нервничает.

— Все это прекрасно, но что дальше? — спросил Лизандр. — Билли сказал, что ты, Чарли, знаешь, как быть, вот мы за тобой и послали.

— Билли все равно нельзя оставаться здесь, — добавил Габриэль. — Мне-то не жалко, просто нужно укрытие понадежнее. У нас его рано или поздно найдет эта тетка, де Греиха. Догадается, где он.

— Я же, кажется, выкурил ее отсюда! — воскликнул Танкред, шмякнув кулаком по колену. По сарайчику тут же пронесся штормовой порыв ветра, взлохматив всем волосы. Хомячки панически запищали и подняли суету.

Билли сморщился и зажал уши.

— Не могу думать, когда они все так орут, — пожаловался он. — Собственных мыслей не слышу. Габриэль, их у тебя сколько? Тысячи? Ох...

— А что они говорят? — оживился Габриэль. — Мне всегда было интересно.

Билли вопросительно посмотрел на него, все еще заткнув уши. Лизандр силой опустил его руки и выкрикнул:

— Габриэль спрашивает — что говорят хомячки?

— Они говорят: «Оп!», «А ну-ка, еще раз!», «Помогите!», «Вон из моей кормушки!», «Хочу, есть!», «Отдай, это мое!», «Пошел вон!», «Осторожно, дети!» В общем, ничего особенного, по-моему, скучно.

— Кому как, а мне не скучно, — возразил Габриэль.

— Давайте о деле, а? — серьезно сказал Лизандр. — Билли, постарайся отвлечься от хомячков. Значит, так, нужно найти для Билли убежище, причем надежное — такое, где никто его искать не будет. Ясное дело, раз мы все одаренные, ни к кому из нас Билли пристроить нельзя, потому что нас первых заподозрят. Жалко, папа в отъезде, я бы с ним посоветовался.

— Может, позавтракаем? — предложил Габриэль. — На голодный желудок и голова не варит. Я сейчас что-нибудь принесу — ну, тостов, бекона. Запритесь изнутри на засов. — И он вышел, плотно притворив дверь.

Танкред задвинул засов. Сквозь маленькое мутное окошко Чарли видел, как Габриэль скрылся в доме.

— А зачем нам завтракать тут? — в недоумении спросил он, все еще морщась от могучего запаха сотен хомячков.

— Чтобы не подвести семью Габриэля, — терпеливо объяснил Лизандр. — Они же беззащитны перед тем, что могут наслать эти люди. А они непременно нашьют, хотя я и не знаю что, потому что не дадут Билли уйти просто так. Ладно, как-нибудь справимся. В конце концов, нас тут пятеро одаренных.

Лизандр как в воду глядел. Утренний свет, сочившийся в окошко, внезапно померк. В сарайчике наступил полумрак, а по крыше зашуршало что-то мягкое. От испуга даже хомячки притихли.

— Что это? Не дождь. — Танкред наострил уши. — И не град. И не снег.

Шуршание превратилось в drobный стук, а стук — в грохот. Сарайчик сотрясался, словно по нему со всех сторон барабанили бесчисленные ладони.

Чарли не выдержал. Сколько можно сидеть и гадать, что там снаружи! Прежде чем кто-нибудь успел его остановить, он вскочил, рванул засов и высунулся наружу. И тут же запоздало понял, что, по обыкновению, сглупил.

Его чуть не сбил с ног белый вихрь... летящих бумаг! Они хлопали Чарли по лицу, точно крыльями, лезли в глаза и в рот —

жесткие, скомканные листы. Затем такой же вихрь накиннулся на Габриэля, который вышел из дома. Габриэль от растерянности упал на четвереньки и, естественно, уронил поднос с завтраком прямо в лужу.

Белый вихрь бумаги рванулся внутрь сарайчика, и Билли Гриф в ужасе пискнул:

— Это они! Те самые договоры!

Глава 13

МАГИЧЕСКАЯ БИТВА

Чарли поспешно юркнул в сарай и захлопнул дверь, но несколько листов бумаги все-таки успели влететь внутрь. Они кинулись на Билли, как коршуны, и облепили его со всех сторон. Билли отчаянно заверещал, но непонятно от чего — от страха или от боли. Края листов светились ядовито-зеленым. Чарли попытался было отцепить злосчастные бумаги от Билли, однако тут же отдернул руку: острые края страниц резали пальцы до крови.

Танкред и Лизандр попробовали помочь Чарли, но их постигла та же участь: Флоренс де Грей наложила на документы какое-то заклятие, очень сильное, потому что стоило отодрать лист от Билли, как он тут же прилипал обратно. Тогда мальчики решили отрывать страницы по кусочкам, но снова потерпели неудачу. Они бились и так, и сяк, комкали листы, рвали их, шипя от боли, но страницы жглись, кусались, резали до крови и, вновь с шуршанием расправившись, крепко приклеивались к перепуганному Билли, — словом, вели себя как живые и ужасно вредные существа.

— Надо выгнать их отсюда! — выкрикнул Лизандр.

Билли вертелся волчком, пытаясь стряхнуть с себя бумаги.

— Чарли, ну-ка приоткрой дверь, совсем чуточку, — скомандовал Танкред. — Я их выдую.

— А если другие влетят? — заколебался Чарли.

— Выбора нет. Давай. Ну же!

— Их всего двенадцать. Перебьем их по одному, — сообщил Лизандр, посасывая обожженный палец. — Давайте попробуем. Чарли, смотри, я отрываю, говорю тебе: «Хоп», ты открываешь дверь, а Танкред дует.

Так они и поступили: Лизандр, кривясь от боли, один за другим отрывал от Билли листы, а Чарли по сигналу «хоп» приоткрывал дверь, и резкий порыв холодного ветра, насланного Танкредом, выносил очередную страницу вон, после чего Чарли сразу же захлопывал дверь. Задача была не из легких, потому что Танкреду,

размахивавшему руками, негде было развернуться в тесноте сарайчика, а Чарли едва успевал увертываться.

Наконец последняя страница вылетела за дверь, и четверо друзей в изнеможении плюхнулись на скамейку. Пока что они были в безопасности, но надолго ли? К тому же все пострадали и изранились, особенно Билли. Перемазанный кровью, он сполз на пол и разревелся.

— Ну, перестань, успокойся, Билли, — ласково потрепал его по плечу Лизандр. — Все в порядке. Мы их победили.

— Нет! Не победили! — прохлюпал Билли. — А виноват я!

— Ни в чем ты не виноват! — горячо возразил Танкред. — А вот насчет победы прав — до нее еще далеко. Пока что мы, считай, в осаде. Непонятно, как выбраться, — эти поганые бумажки караулят нас снаружи, вон, все окно залепили. Даже за едой не сходишь. Я, например, с голоду умираю.

Лизандр неодобрительно цокнул языком и кивнул Танкреду на Билли, который опять заплакал горше прежнего.

Чарли встал на скамейку, прижал нос к стеклу и в щелку между бумагами, закрывавшими окно, разглядел двор. Габриэля не было, а завтрак все так же валялся в грязи — разбросанные тосты, ошметки яичницы, ломтики бекона... У Чарли заурчало в животе. Вот попали-то! Он уже хотел отвернуться, но в окне кухни мелькнуло лицо Габриэля. Тот приветственно замахал обеими руками и стал жестами показывать, мол, все будет хорошо. Неужели придумал, как выручить узников из сарая? Но Чарли радовался раньше времени: стоило Габриэлю приоткрыть окно и высунуть нос, как десятки страниц, полыхая зелеными краями, ринулись к окну кухни, точно летучие мыши. Габриэль едва успел спрятаться.

— Габриэлю до нас не добраться, — мрачно сообщил друзьям Чарли. — Но, может, эти бумажки выдохнутся... то есть, я хочу сказать, их чары выдохнутся. И они заснут. Или сдохнут.

— Жди, как же... — обреченно всхлипнул Билли. — Они вечные.

— Ну, если уж буря им нипочем, то, видно, они и впрямь вечные, — расстроенно кивнул Танкред.

В сарайчике воцарилось угрюмое молчание. Билли размазывал по лицу слезы и кровь из многочисленных ссадин, и Танкред дал ему носовой платок. Сам он выглядел не лучше. У Чарли настойчиво

сосало под ложечкой от голода, Лизандр сердито накручивал на палец прядь курчавых волос. Все чувствовали себя беспомощными.

Вдруг Лизандр вскочил и объявил:

— Их надо перебить! Все посмотрели на него.

— Разве это возможно? — усомнился Чарли.

— А духи моих предков? — напомнил Лизандр. — Они точно сильнее этих дурацких договоров или как их там. Только мне придется выйти наружу.

— Ты что, спятил? — Танкред схватил друга за рукав. — Они тебя на ленточки порежут, их же там сотни!

— Ничего у них не выйдет. — Лизандр сверкнул белозубой улыбкой. — Предки меня защитят. — Он расправил плечи и шагнул к двери: — Тан, мне понадобится твоя помощь. Сейчас я открою дверь, и они, конечно, ломанутся внутрь, так вот, не пускай их. Готов?

Танкреду ничего не оставалось, кроме как согласиться: он знал непреклонный характер своего друга. Если Лизандр что-то решил, он своего добьется.

Билли спрятался за Чарли, и оба затаили дыхание. Лизандр распахнул дверь и выскочил на улицу, а Танкред, стоявший у него за спиной, тут же резко взмахнул руками. В результате из тучи белых страниц, которая, как осиная стая, норовила влететь внутрь, в сарай проникла только одна, да и ту мальчики вышвырнули наружу, прежде чем она успела долететь до съездившегося Билли.

— Зараза! — выругался Танкред, ожесточенно тряся рукой. — Кусаются, кажется, еще сильнее.

Билли вернул Танкреду носовой платок, и Чарли перевязал его кровоточащую руку. Но кровь не останавливалась.

— Ой, а ты не умрешь? — испугался Билли. — Если ты из-за меня умрешь...

— Ты что, глупыш! — Танкред спрятал руку за спину и сделал бодрое лицо. — Никто помирать не собирается. И вообще, Лизандру сейчас хуже, чем мне.

— Давайте попробуем посмотреть, как он там, — предложил Чарли.

— Дверь не отпирай! — резко одернул его Танкред.

— И не думаю, — обиделся Чарли, который один раз уже дал маху. — Вон окно расчистилось.

— Они, наверно, все кинулись на Зандра! — Танкред шагнул к окошку.

Он не ошибся: все до единой страницы собрались в стаю и изготовились к атаке. Снаружи было темно, и мальчикам едва удалось различить неподвижную фигуру Лизандра посреди двора. Вот он закрыл лицо руками, и вся стая бумаг обрушилась на него, норовя ужалить в лицо и жужжа, как разъяренный рой потревоженных ос. Жужжание стало таким громким, что Билли отшатнулся от окна и опять заплакал.

— Они его убьют!

— Тише! — Чарли обнял его за плечи. — Слышишь? Подмога идет.

Откуда-то донесся глухой рокот барабанов, он все приближался и приближался, пока, наконец, не заглушил жужжание.

— Духи предков, — с почтением произнес Чарли.

Танкред улыбнулся:

— Не переживай, Билли. Сейчас Лизандр покажет этим бумажкам!

Билли кивнул: он уже один раз видел, каковы духи предков в бою, и знал, что их противнику, кто бы он ни был, не поздоровится. В прошлый раз духи победили Азу Пика в обличье хищного зверя, так уж наверно справятся и со стаей кусачих ядовитых бумаг.

По мере того как рокот барабанов заполнял двор, рой договоров, казалось, терял силу и присутствие духа. Отдельные листы трусливо разлетелись кто куда. Сумерки сменились темнотой, как будто духи предков привели с собой ночь.

Барабанный бой теперь гремел на весь двор, так что стены сарайчика дрожали. Стая страниц редела — одна за другой они взмывали в небо и стремительно летели прочь.

В ночной темноте замерцал золотистый туман, и Лизандр поднял голову: у него над головой кружили последние страницы. В тумане начали проступать высокие, грозные фигуры в белых бурнусах — просторных одеяниях, сверкающих золотом украшений. Бом-бом-бом! Тра-та-та-та-там! Дробь прокатилась и замерла, и на белом фоне бурнусов возникли черные руки в золотых браслетах, сжимающие копья, мечи и топоры. Духи предков издали боевой клич и принялись

потрясать оружием. В воздухе возник таинственный и угрожающий гул.

Рой страниц ощутил угрозу и заметался по двору, а потом собрался в белый жужжащий шар и набросился на противника. Вжик! Вжик! Мечи, копья и топоры свистели в воздухе, рассекая белые страницы, и те падали на землю, беспомощно трепеща, ядовито-зеленое свечение их гасло, и больше они уже не взлетали. Вжик! Вжик! Некоторые страницы пытались спастись, взмывая высоко в небо, но духи предков, как оказалось, тоже умели летать и настигали их даже в небе — там и сям вспыхивали и гасли зеленые огни, сверкало оружие.

— На фейерверк похоже, правда? — замирающим голосом спросил Билли.

— Есть немножко, — согласился Чарли.

Сколько продолжалась магическая битва, они не знали — казалось, время остановилось. Но вот последняя страница спикировала в грязь и осталась лежать неподвижно, золотистый туман начал таять, и фигуры предков исчезли.

Наступила тишина, и, когда примолкшие хомячки вновь зашебуршились в клетках, Чарли понял, что битва закончилась победой. Лизандр подпрыгнул и ликующе крикнул:

— Ура! Мы их одолели! Выходите, ребята! Чарли осторожно выглянул на улицу. Ни рокота барабанов, ни жужжания. Свинцовые тучи разошлись, и небо сияло утренней синевой.

— Смелее! — звал Лизандр. Удивительно, но на лице у него не было ни единой царапины! Ребята вышли во двор, посмотрели друг на друга и ахнули: все кровоточившие порезы у них на руках исчезли, как не бывало, и даже ссадины на заплаканной физиономии Билли подживали и таяли на глазах.

— Магия — лучшее лекарство от магии! — воскликнул Танкред и шлепнул Чарли по спине.

Оглядевшись, Чарли увидел, что весь двор засыпан ковром серого пепла в два пальца толщиной. Ощущение, было, точно идешь по очень мелкому мягкому песку.

— Ура! Зандр, ты их победил! — завопил Танкред и принялся топтать пепел.

В тот же миг из кухни во двор с радостным криком выскочил Габриэль. Мальчишки, вне себя от восторга и облегчения, носились по двору, пинали пепел и хохотали во все горло. Чарли от смеха даже икать начал, но стоило ему посмотреть на Билли, как улыбка исчезла с его лица. Билли все стоял на пороге сарайчика, не решаясь даже ступить на серый ковер пепла. Правда, он улыбался, но как-то криво, и глаза у него за стеклами очков были круглые от страха — будто опасность не исчезла.

— Что с тобой, Билли? — спросил Чарли. Остальные тоже прекратили победный танец и окружили беловолосого малыша.

— Билли, тебе ничего не угрожает, — сказал Танкред, но прозвучало это неуверенно.

— Куда мне теперь деваться? — дрожащим голосом спросил Билли, глядя на них снизу вверх.

— Завтракать! — позвала из дому миссис Муар, и ответ на вопрос Билли временно нашелся.

Вся семья Габриэля была взбудоражена, особенно три его сестренки, которые на протяжении завтрака не столько ели и пили, сколько истерически хихикали, ахали и сыпали вопросами. Откуда прилетело столько бумаги? Она что, была живая? Почему ее сожгли? Кто и зачем? А кто барабанил? Куда подевались барабанщики? Поскольку во время магической битвы над двором навис плотный туман, происходящего никто из обитателей дома толком не видел, а высовываться не решался. Теперь все просто умирали от любопытства.

Мистер Муар, который что-то сосредоточенно строчил в большом блокноте, не выдержал и шикнул на дочек:

— Тихо вы, трещотки! Сосредоточиться не даете!

— Но что это было? — пропищала Марта, младшая из сестер.

— Феномен, о котором не следует болтать ни в коем случае, — строго сказал ей отец. — Ни слова, даже подружкам, поняла?

— Это из-за Габриэля с его чудачествами? — уточнила средняя сестра, Мэй.

— Сколько раз тебе говорил, не называй это чудачествами! — обиженно напустился на нее брат. Сразу стало заметно, что они не ладят.

Чарли уплетал завтрак и наблюдал за миссис Муар, которая, несмотря на весь окружающий гвалт и суету, невозмутимо управлялась

по хозяйству. И как это ей удастся? Вокруг шум, вопли, а она знай себе жарит тосты и разливает чай — и ничего не сожгла и не пролила. Мало того, улыбается и напевает себе под нос! Это, наверно, потому, что опасность миновала, от облегчения, решил Чарли. Еще бы, напугаешься, если у тебя по двору летают кусачие ядовитые бумажки и колобродят призраки африканских колдунов, и к тому же из дому не выйти.

Танкред справился с завтраком первым и спросил, как быть с той едой, которую Габриэль уронил в лужу во дворе.

— А ты что, собираешься и ее съесть? — ехидно поинтересовалась старшая из сестер, Джун.

Миссис Муар положила Танкреду добавки и сказала:

— Куры все склюют, не волнуйся.

Куры, естественно, попрятались при первых признаках опасности, а теперь расхаживали по двору, увязая в пепле. Габриэль решил сбегать и проверить, как там хомячки. Вскоре он вернулся и радостно сообщил, что хомячки в полном порядке и, кажется, ничего не поняли, а его любимая хомячиха Рита успела родить кучу детенышей.

От этого объявления Лизандр вскочил.

— Ты чего? — спросил Габриэль.

— Мама! Она же одна дома! — ответил Лизандр. — А ей скоро рожать!

— Но не сегодня же? — миссис Муар чуть не выронила молочник.

— Нет, но просто папа уехал, а она и так от всего волнуется, а тут еще эта гроза... В общем, спасибо за завтрак, я побежал.

— Конечно, беги, — согласилась миссис Муар. — Оставь свою тарелку, я все уберу.

— Счастливо, ребята! Увидимся! — И Лизандр исчез.

Чарли огорчился. Ну вот, убежал, а они так ничего и не решили насчет Билли! Лизандр отлично соображает, не горячится, в отличие от Танкреда, — тот, чуть что, сразу взрывается. А решать-то надо немедленно — нельзя же оставить Билли у Габриэля, это опасно, причем для всех. Флоренс выследит Билли, и тогда ни ему, ни Муарам не поздоровится.

В прихожей зазвонил телефон, миссис Муар вышла из кухни и тотчас вернулась:

— Чарли, это твоя мама.

Чарли подбежал к телефону и взял трубку.

— Привет, мам! — бодро сказал он.

— Сынок, что у вас там стряслось? — испуганно спросила мама. — С Габриэлем что-нибудь неладное? Куда ты пропал? Ты к завтраку придешь?

— Успокойся, мам, — умиротворяюще проговорил Чарли. — Нам тут надо решить кое-какие проблемы с Билли. Понимаешь, он убежал, и нам важно...

— Убежал? — Маму это ничуть не успокоило, скорее наоборот. — Но, Чарли...

— Я пока побуду у Габриэля, а там посмотрим. Не знаю, сколько у нас займет это дело.

— Когда ты придешь?

— Я же говорю, мам, пока не знаю, честное слово! Ты передай дяде Патону, что случилось, договорились? И не волнуйся за меня, все в порядке. Пока.

Повесив трубку, Чарли вдруг заметил, что на рукаве у него сидит мотылек — с белыми крылышками, чуть тронутыми серебром.

— А, ты вернулся!

Мотылек вспорхнул с рукава, но Чарли видел, что он никуда не улетает.

— Билли, пошли. Извините, миссис Муар, нам пора, — сказал Чарли, вернувшись в кухню.

— Приходите еще, в любое время, — ласково ответила миссис Муар, потом озабоченно спросила: — Чарли, куда ты намерен девать Билли?

— Э... — Чарли замешкался, потому что и сам понятия не имел, как быть дальше.

— Мы все идем ко мне домой, — объявил Танкред. — Чарли, не возражай! — резко сказал он и встал. По кухне пронесся ветер, сметая со стола крошки и салфетки.

Сестры Габриэля обрадовались такому аттракциону и зааплодировали.

— А можно еще разок? — попросила Марта.

— А ты, только когда злишься, так делаешь или просто так тоже умеешь? — полюбопытствовала Джун.

Танкред смущенно усмехнулся и признался:

— Просто так не умею.

Однако над столом пролетел сквозняк, от которого чашки запрыгали на блюдцах, а вилки зазвенели о тарелки. Девочки были в восторге, но миссис Муар, озабоченная и сосредоточенная, ничего не заметила.

— Если с Билли жестоко обращались, нужно сообщить об этом куда следует, — заявила она. — Обратиться в полицию или, я не знаю, хотя бы в социальную службу. Возможно, тебе лучше вернуться в академию, Билли.

— Нет! — Билли вцепился в край стола и ожесточенно замотал головой.

— Оставь ребенка в покое, — посоветовал жене мистер Муар, оторвавшись от блокнота. Оказывается, он хотя и писал, но все слышал. — В Громовом доме Билли будет в полной безопасности.

Все переглянулись и согласно закивали: Танкред и его отец повелевали бурями, и, хотя в доме постоянно бушевал ветер и гремел гром, надежнее убежища для Билли было не сыскать — вряд ли Флоренс де Грей осмелится туда сунуться. Чарли облегченно вздохнул. Как хорошо, когда решения за тебя принимают другие, особенно если эти другие старше и сильнее! Правда, он счел нужным тоже внести свою лепту в спасение Билли и сказал:

— А я попрошу дядю Патона объяснить кому надо, почему Билли не хочет возвращаться к де Грейам.

Дядя Патон умел давать исчерпывающие объяснения, когда дело доходило до противостояния Блурам. В прошлом году он аргументировал свою точку зрения, взорвав половину лампочек в академии, но зато получил от доктора Блура все документы Эммы Толли, которые позволили девочке расстаться с жестокими опекунами и переселиться под крылышко мисс Ингльдю, ее родной тети.

Итак, решение было принято. Все семейство Муар вышло во двор — проводить Билли. Выглядело это так, будто он отправлялся на каникулы, а не прятаться у Танкреда.

Уже у ворот Билли вдруг спохватился:

— А коты? Куда они делись?

— Какие коты, детка? — удивилась миссис Муар. — Я не видела ни одного.

— А-а, наверно, вернулись домой, — огорченно протянул Билли, обожавший Огнецов.

Громовой дом размещался еще выше по склону Вершин, и этот подъем дался Билли нелегко: он еще не успел отойти от утренней гонки через весь город, а теперь приходилось опять топать вверх по холму, да еще длинноногий Танкред все время обгонял Билли. Тот запыхался и то и дело останавливался передохнуть, и Чарли останавливался с ним за компанию. Танкред нисколько не сердился и вскоре сообразил, что Билли проще донести на плечах. Так они и поступили. Это была отличная идея, потому что, чем выше поднималась дорога, тем круче она становилась.

Завидев впереди вывеску «Громовой дом» и приколоченную к ней табличку «Осторожно, плохая погода», Чарли обрадовался. Ура, добрались! Мальчики уже подошли к самым воротам, когда до ушей Чарли донесся стук копыт. Он инстинктивно втянул голову в плечи и постарался убедить себя, будто ничего не слышит, но потом все-таки не выдержал и оглянулся.

Дорога была пуста.

А стук копыт все приближался.

Танкред тоже обернулся — вместе с Билли, сидевшим у него на плечах.

— Опять призрачная лошадь, — прошептал замученный Билли. — Что она, за нами гонится, что ли?

При слове «гонится» Чарли утратил всякое самообладание и с воплем ринулся к воротам Громового дома. К счастью, они были невысокие, поэтому мальчик не стал возиться с засовом, а просто перепрыгнул во двор и плюхнулся наземь, весьма болезненно приземлившись на мощеную дорожку, которая вела на самую вершину холма, к Громовому дому, стоявшему посреди леса.

— Ты чего, Чарли? — испугался за него Танкред.

— Это Борлат! — проскулил Чарли. — Гонится за нами! Что вы стоите столбом? Бегите, идиоты! Ну!

Билли скатился со спины Танкреда и попытался перелезть через ворота.

— Да ничего она тебе не сделает! Это просто лошадь! — убеждал он Чарли. — Она не злая!

— Много ты понимаешь! — огрызнулся Чарли и понесся по дорожке, как заяц от гончих, подгоняемый оглушительным топотом копыт. Призрачная лошадь настигала его — похоже, она с легкостью перепрыгнула ворота. Чарли показалось, что он уже ощущает ее дыхание у себя на затылке.

— Беги в лес! — крикнул ему Танкред. — Там она до тебя не доберется! Прячься в чаще!

— Еще как доберется! — не оглядываясь, ответил на ходу Чарли. — Это же волшебная лошадь. Она меня из-под земли достанет!

Углубившись в лес, он прислонился к корявому стволу какого-то высоченного дерева и попытался отдышаться. В лесу царила поистине мертвая тишина, хотя обычно из-за соседства Громового дома здесь всегда шумел ветер. Но сейчас ни один листик не шевелился. Чарли закрыл глаза. До Громового дома еще идти и идти, но, может, Танкред прав и в лесу безопаснее, чем на открытой местности? Неподалеку захрустели сучья, и Билли тоненько пискнул: «Ой, очки». Значит, они с Танкредом тоже свернули с дороги и пробираются через лес.

Вдруг влажное теплое дыхание мазнуло Чарли по щеке. Ветер? В ту же секунду что-то мокрое и шерстистое ткнулось ему в ухо. Он вздрогнул и огляделся. Рядом никого не было. Мокрое и шерстистое звучно фыркнуло и заржало.

— Мамочки! — взвизгнул Чарли и шлепнулся на землю.

Глава 14

ДЕТИ КОРОЛЕВЫ

Когда он очнулся, над ним склонились два знакомых озабоченных лица. — Чарли, эй, Чарли! — теребил его за плечо Танкред. — Ты свалился в обморок.

— Что, серьезно? — удивился Чарли и с трудом сел. Голова кружилась.

— А что стряслось? — дрожащим голосом спросил Билли, то и дело озираясь.

— Лошадь! — простонал Чарли. — Как подкрадется да как фыркнет мне в ухо! А самой не видно. Я так напугался, чуть не помер.

— Она, наверно, напугалась почище твоего, — с беззлобной усмешкой заметил Танкред. — Ты так орал — весь лес трясся. Бедная лошадка.

— Да? — обиделся Чарли. — Ты бы на моем месте тоже заорал.

Правда, собственных воплей он не помнил, но все равно был убежден, что невидимое животное, в которое воплотился жестокий Борлат, никак не «бедная лошадка».

Лес приглушенно шуршал и гудел от ветра. По небу прокатился далекий гром.

— У тебя на волосах мотылек, — заметил Билли. — Беленький, с серебром.

— Правда? — Чарли протянул руку, пытаясь поймать мотылька, но тот вспорхнул и улетел.

— Вставай, пошли, — скомандовал Танкред. — Теряем время. Значит, так. К дому пойдем лесом, все полянки будем обходить. А то вдруг эта мымра Флоренс нас выслеживает.

— Или Блуры, — добавил Билли и передернулся. — Танкред, а можно я у тебя поживу немножко?

— Оставайся хоть насовсем, — радушно сказал Танкред. — Мама будет счастлива. Пошли, ребята, тут не так уж далеко.

Вскоре они выбрались на тропинку, протоптанную овцами, которые часто паслись на склоне. Танкред шел впереди, за ним Билли, последним Чарли, тщетно ломавший голову над вопросом, куда же

теперь деваться беглецу. В самом деле, не оставаться же Билли у Танкреда навсегда!

— Конечно, есть еще Зеркальный замок... как запасной вариант, — пробормотал Чарли себе под нос, но Билли услышал.

— Что? — спросил он и резко остановился, так что Чарли чуть не сшиб его с ног.

— Да я вот подумал — у тебя же есть Зеркальный замок. Он твой.

— Кухарка говорила, что он когда-то принадлежал моей семье, — задумчиво произнес Билли и поправил очки. — По-твоему, я смогу поселиться там, когда вырасту?

— А почему нет? Там безопасно и, наверно, ну... интересно.

Танкред обернулся и прикрикнул:

— Ребята, шагайте! Уже почти пришли. Потом отдохнем.

Под глухие раскаты грома и шум ветра они добрались до Громового дома — Билли уже еле волочил ноги, да и Чарли устал. У самого дома ветер усилился.

— Папа в отличной форме, — объяснил Танкред.

Чарли улыбнулся, но улыбка тут же сбежала с его лица: он услышал, как мимо промчалась невидимая лошадь. Цокот копыт, горячее дыхание... и ощущение, что рядом прокатилась мощная волна магической силы. Танкред и Билли замерли — они тоже почувствовали присутствие призрака. Мальчики сбились в кучку, не в силах сдвинуться с места — невидимая лошадь, пофыркивая, кружила вокруг них и время от времени раздражалась коротким, нетерпеливым ржанием. Ни один из троих не решался шагнуть вперед, боясь попасть под копыта.

А лошадь все сужала круги, и вот она, судя по звуку, встала на дыбы и забила передними ногами в воздухе. Чарли приготовился к худшему. «Сейчас ка-ак бацнет меня копытом, и все, прощай, Чарли Бон!» — в панике подумал он, но все равно шелохнуться не смог.

Вдруг Билли шагнул вперед. Танкред и Чарли ахнули, но беловолосый мальчик деловито поправил очки и зафыркал лошадиному.

— Он что, спятил? — прошептал Танкред, вцепившись в плечо Чарли.

— Похоже на то! — кивнул Чарли.

Конечно, Билли умеет разговаривать с животными и птицами, это всем известно, он даже с лазурным питоном сумел договориться... Но с тираном Борлатом в лошадином обличье ему не справиться!

Танкред и Чарли затаили дыхание.

Стук копыт смолк.

Ветер улегся, гром затих.

В наступившей тишине отчетливо слышались два голоса — Билли и невидимой лошади.

А потом Билли внезапно опустился на колени и склонил голову.

— Билли, что с тобой? — в ужасе крикнул Танкред.

— Тихо ты! — Чарли ткнул его локтем в бок. — Не видишь, что ли, переговоры в разгаре.

Откуда-то из сумерек леса вылетел белый мотылек и запорхал перед Билли. Серебристые крылышки мелькали так быстро, что мотылек казался белым полупрозрачным клубочком. И клубочек этот точно что-то очерчивал в воздухе. Чарли потер глаза. Нет, не мерещится!

Длинная белая грива.

Горделиво выгнутая шея.

Изящно посаженная голова с умными глазами.

Перед ними стояла величественная белая лошадь невыносимой красоты.

Чарли ахнул и попытался спрятаться за Танкреда.

— Да брось ты, она не злая, — успокоил его друг.

— Танкред прав, — подтвердил Билли.

— Откуда ты знаешь? — настороженно поинтересовался Чарли. — Она тебе сказала?

— Да, — Билли широко улыбнулся. Впервые за весь длинный, полный тревог и приключений день лицо у него было безмятежное. — Это... она — королева.

— Королева? — хором переспросили Чарли и Танкред.

— Ну да. Королева Береника. Жена Алого короля, — уточнил Билли.

— Это как же? — Чарли осекся.

В голове у него вихрем пронеслось то, о чем рассказывал Манфред. Эксперимент, который закончился неудачей... Могильная

плита, помеченная буквой «Б», а под ней — скелет лошади и чье-то сердце... Значит, Блуры ошиблись!

— Не Борлат, а Береника! — воскликнул Чарли и, теперь уже ничего не страшась, встал рядом с Билли. — Старый колдун все перепутал. Вот болван.

Танкред осторожно последовал за Чарли.

— Но Алый король жил много лет назад! — удивился он. — Как сюда попала королева? Да еще в таком обличье?

— Я же говорю, Иезекииль ее оживил. То есть он хотел воскресить Борлата, вложив сердце в лошадиный скелет. А воскресил Беренику. — Чарли посмотрел на белую лошадь и поспешно добавил: — Извините, ваше величество, это я просто объяснял.

Билли поднялся с коленей.

— Она сказала мне, что даром следовала за нами, — заговорил он. — Хотела нас защитить, потому что мы все ее дети. Дети королевы. Что-то вызвало ее к жизни из потустороннего мира, но... сейчас, слова не подберу... В общем, ее дух все это время был не там и не здесь... Ну, знаете, как свечка на ветру, которая вот-вот погаснет... А потом, Чарли, твоя палочка вроде как зафиксировала дух королевы и удержала тут. Поэтому теперь мы ее видим.

— Моя палочка? — озадаченно переспросил Чарли. — Так ведь Манфред ее спалил! Или... — Он глянул на белого мотылька, который, трепеща крылышками, сидел между ушами лошади.

— Я слышал, что волшебные палочки при необходимости меняют форму, — сообщил Танкред. — Вот твоя и поменяла.

— Ого! — Чарли захлопал глазами. Ничего себе, как Танкред здорово разбирается в магии!

Лошадь опять зафыркала и заржала, но теперь тихонько, напевно, словно разговаривала. Билли внимательно выслушал ее и перевел:

— Королева говорит, что слышала, как мы обсуждаем Зеркальный замок, и испугалась за нас. Она видела остров, на котором стоит замок.

— Получается, что ее величество знает, где находится замок! — обрадовался Чарли.

— Выходит, так, — кивнул Билли.

Ах да, спохватился Чарли, он же не знает, какая у этого замка кошмарная история!

— Чарли, только не говори, что ты действительно туда собрался, — взмолился Танкред.

— Куда? — Чарли не сдержал ухмылки.

— Сам знаешь.

— Это пока так, прикидки, — отмахнулся Чарли, но идея пустила корни. Надо будет ее хорошенько обмозговать.

Мальчики почтительно молчали, наблюдая, как белая лошадь щиплет траву. Даже это она проделывала с королевским достоинством. И все-таки нелегко было поверить, что под белоснежной лошадиной шкурой бьется сердце королевы Береники, жившей тысячу лет назад. Да уж, старый Иезекииль сотворил настоящее чудо — хотя и не то, на которое рассчитывал. «Все-таки он сильный колдун, а значит, — размышлял Чарли, — старик рано или поздно вычислит, где Билли, и заберет беднягу обратно в академию. Если только мы не опередим его и не примем решительные меры. — Чарли вздохнул. — Конечно, страшно хочется поскорее отыскать папу, но, раз Билли в опасности, сейчас это важнее. А выход один».

— Билли, спроси ее величество, покажет ли она нам дорогу на остров, — попросил он.

— Ну вот, так я и думал! Чарли, не надо! — запротестовал Танкред, и волосы у него от волнения заискрились.

— Других вариантов нет, — отрезал Чарли.

Билли вновь опустился на колени и заговорил с лошадью — ему-то идея найти Зеркальный замок очень нравилась. Лошадь тревожно вскинула голову и начала недовольно прядать ушами. Коротко заржала.

— Ей кажется, что это опасно, — перевел Билли.

— Скажи ей, что я ищу отца и, возможно, он там. И что тебе нужно надежное убежище! — попросил Чарли.

Билли перевел, умоляюще сложив руки на груди.

Лошадь внезапно застыла, а потом галопом понеслась к лесу и скрылась в чаще. Цокот копыт стих, и растерянные мальчики опять остались одни. Деревья шумели на ветру.

— Вот так, — подытожил Танкред. — Она отказалась. Все, пошли к нам домой.

— Она еще вернется, — уверенно сказал Чарли.

— Ты что, смеешься? — скривился Танкред. — Лошадь как лошадь, и к тому же пугливая. Вон как дунула прочь. Ни в какой замок, она нас не поведет.

— Нет, поведет! — упрямо возразил Чарли. — Я ей верю. Она королева и считает, что обязана нас защищать.

Танкред насупился. Билли, который в обычных обстоятельствах никогда не решился бы спорить с мальчиком постарше, да еще повелителем бурь, собрался с духом и тихонько сказал:

— По-моему, Чарли прав.

— Ну, как хотите, дело ваше. Я пошел. — Танкред направился к дому. — Я принесу вам поесть. Если, конечно, вы не сбежите.

— Может быть, Танкред прав, а? — В голосе Билли прозвучала неуверенность.

— Нет, — твердо сказал Чарли и уселся на траву, привалившись спиной к пню.

Небо над ними расколол гром. Посыпался мелкий холодный дождь.

— Это Танкред обиделся, — вздохнул Билли, устраиваясь рядом с Чарли.

— Ничего, скоро успокоится, — сказал Чарли, но, увы, ошибся.

Неизвестно, Танкред ли вызвал ветер и дождь или его отец, но погода стремительно ухудшалась. Небо над лесом затянули свинцовые *тучи*, ветер выл и раскачивал деревья, да так, что ветви с треском сыпались на землю. Чарли с Билли спрятались под сенью векового дуба, закрывая головы руками. Вокруг бушевала настоящая буря, в воздухе вихрем кружились травинки, листья, мелкие веточки. Сколько она продолжалась, мальчики не узнали — они уснули, измученные всеми дневными событиями, а когда проснулись, буря уже стихла.

Первое, что увидел Чарли, открыв глаза, — это поднос, нагруженный тарелками с едой. Прямо у себя перед носом.

— Я так и знал, что вы никуда не денетесь, — сказал Танкред, осторожно опуская поднос наземь. — Давай, Чарли, за дело.

У Чарли глаза разбежались. Жареная курица! Картошка! Тушеные овощи! И все это с подливкой, и еще сливовый пирог!

— Ура! — завопил Чарли, разбудив Билли. — Вставай, кушать подано!

Вдвоем они набросились на угощение. Завтрак, которым их накормила миссис Муар, казалось, был сто лет назад.

— Тут такой ураганище был! — сообщил Чарли Танкреду, обгладывая куриную ножку. — Я думал, дуб рухнет.

— Извини, это мы с отцом поругались, — объяснил Танкред. — Он настаивал, чтобы я привел вас в дом, а не кормил в лесу, как... беглых каторжников. А я сказал, что и сам не сяду с ним за стол, пока он так злится. Тут он чуть не взорвался, хорошо еще, мама вмешалась. Она у меня молодчина — живо объяснила ему, что в лесу обедать интереснее. «А помнишь, — говорит, — мы с тобой тоже когда-то устраивали лесные пикники?» Он и успокоился.

Когда все тарелки, миски, блюда и даже соусники опустели, Танкред спросил:

— Ну что, пойдете ко мне домой? Ясно же, что лошадь не вернется. Она, наверно, давно уже ускакала в этот, как его, в потусторонний мир.

Чарли облизал пальцы и покачал головой:

— Нет. Она обязательно вернется.

— Ну, ты и упрям, Чарли Бон! — Танкред резко встал с травы. Кажется, он не столько сердился, сколько недоумевал. — И как мне теперь с вами быть, куда вас девать?

— А ты позвони моему дяде Патону, — посоветовал Чарли, — постарайся объяснить ему, что случилось. Расскажи все, он в курсе наших дел. Да, и передай, пожалуйста, что я, наверно, у тебя переночую и чтобы моя мама не волновалась.

— Ладно, — согласился Танкред. — Значит так, на закате я вернусь, и, если вы таки не дождетесь вашу драгоценную лошадь, ночевать я вас забираю к себе домой. Нечего вам в лесу ночью болтаться.

— Ага, — тихо сказал Билли, — а то еще Аза Пик на прогулку выйдет.

Про оборотня Чарли совсем забыл.

— К вечеру нас тут не будет, потому что королева к тому времени нас уже заберет, — уверенно сказал он.

— Посмотрим, — пожал плечами Танкред. — Все равно я приду, проверю. Ну, до вечера. — Он водрузил поднос с посудой на голову и

торжественным шагом двинулся к дому. Чарли и Билли расхохотались — впервые за этот сумасшедший день.

Когда Танкред ушел, насытившиеся мальчики улеглись подремать, а проснувшись, до самого вечера развлекались, как могли — играли в пятнашки, лазали по деревьям, даже попытались построить шалаш, благо сломанных веток вокруг было великое множество. Но когда начало смеркаться, Чарли занервничал. В самом деле, на что он, дурак, рассчитывал? Что лошадь вернется? Он старался убедить себя, что еще не все потеряно: «Мы, одаренные, все равно дети Алого короля. А значит, и дети королевы. Она не может нас бросить, не может!»

Похоже, Билли думал о том же самом. Он нахохлился, как больной воробей, сел на траву и заплакал:

— Она не придет! Не придет!

Слезы текли по его бледному лицу ручьями. Бедняга натерпелся такого страха за день, что исчезновение Береники стало последней каплей.

— Ох, Билли, я и сам не знаю, — понуро сказал Чарли. — Ой, а ведь с ней исчезла и моя волшебная палочка. Если, конечно, Танкред не ошибся и мотылек — это палочка.

В лесу уже совсем стемнело, от земли потянуло холодом и сыростью, трава была мокрая. Надо что-то решать, понял Чарли, и обрадовался, увидев вдалеке белокурую голову Танкреда.

— Тан! — позвал Чарли. — Мы тут! Все, мы идем к тебе.

Билли вытер слезы и вскочил, радуясь возможности наконец-то оказаться под надежным кровом. Но Танкред вдруг остановился как вкопанный и странным, сдавленным голосом сказал:

— Чарли, обернись.

Сердце у Чарли ушло в пятки. Неужели Аза вышел на охоту? Он медленно обернулся и с облегчением увидел белый силуэт лошади.

— Королева вернулась! — пискнул Билли.

В сумерках шкура лошади прямо-таки светилась, и в длинной шелковистой гриве, к радости Чарли, серебрились крылышки мотылька. Лошадь посмотрела на мальчиков внимательными темными глазами.

— Билли, скажи ей, что нам нужна ее помощь, — попросил Чарли. — Объясни, ты ведь умеешь. Уговори ее!

Билли приблизился к лошади, опустился на одно колено и повел рассказ сначала о своих погибших родителях и сиротской жизни, а потом о Чарли и его исчезнувшем отце. Он говорил долго и слегка охрип. Рассказывать длинные истории даже на человеческом языке утомительно, а попробуйте на лошадином! Все это время Чарли наблюдал за королевой, и ему показалось, что из темного лошадиного глаза скатилась слеза. Билли под конец рассказа, умоляя о помощи, тоже всхлипнул. Лошадь опустила голову, фыркнула ему в волосы и ласково заржала.

— Она обещала помочь! — объявил Билли. — Сказала, что ее страхи и сомнения не имеют значения, раз речь идет о нашем счастье. Она отвезет нас к Зеркальному замку.

— Прямо так и сказала? — ошеломленно спросил Чарли. Он посмотрел на белую лошадь и задумался. Как им с Билли забраться ей на спину? И как удержаться? Путь ведь не близкий.

На выручку пришел Танкред. Он приблизился к лошади и аккуратно сложил на траву седло и упряжь.

— Это папино, — объяснил Танкред. — Он раньше катался на ураганах. Как именно, не спрашивайте, я и сам не знаю.

Чарли заулыбался. Вот что значит настоящий друг!

— Значит, ты все-таки верил, что королева вернется? — спросил он у Танкреда. — А притворялся, что не веришь!

Танкред широко улыбнулся:

— Я просто подумал, что, если она все-таки вернется, седло вам пригодится, иначе вы и двух шагов не проедете.

Белая лошадь позволила себя оседлать и даже поворачивалась так, чтобы мальчикам было удобнее, — и очень кстати, потому что Танкред запутался в упряжи, а Чарли с Билли вообще не имели представления, что куда пристегивать. Потом Танкред по очереди посадил друзей на спину. Билли, сидевший за спиной у Чарли, сразу же вцепился в него намертво.

— Все, можно ехать? — спросил Чарли, которому с трудом верилось в происходящее. — Тогда счастливо, Тан. Спасибо тебе большое!

— Удачи! — ворчливо сказал Танкред и слегка нахмурился, чтобы скрыть озабоченность.

Лошадь тихонько потрусилась с поляны в чащу леса, давая седокам привыкнуть к тряске. Чарли спохватился и крикнул Танкреду:

— Ты позвонил дяде Патону? Танкред сложил ладони рупором и ответил:

— Его дома не было. Я сказал твоей маме, что ты заночуешь у меня.

— Обязательно расскажи все дяде! Дай честное слово, что дозвонишься!

— Честное громовое! — отозвался Танкред. Когда белая лошадь скрылась из виду, он вздохнул, потоптался на поляне и пошел домой. К этому времени уже окончательно стемнело, и Танкред не заметил притаившегося в кустах хищного зверя — серый силуэт, то ли волк, то ли гиена. Аза Пик видел, слышал и запомнил все.

Когда белая кобыла перешла на галоп, Чарли покрепче ухватился за ее гриву и усомнился в своем решении. Может, надо было сперва все обмозговать, прежде чем вот так, с бухты-барахты, отправляться неизвестно куда на волшебной лошади? Да еще на ночь глядя. «А, ладно, будь что будет, — подумал он. — Что сделано — то сделано. В конце концов, я первый раз в жизни еду верхом. Кстати, а куда нас везет королева Береника?»

Лошадь промчалась через лес, но, к удивлению Чарли, не стала спускаться с Вершин — наоборот, по узкой дорожке она поскакала на самую макушку холма. Отсюда открывался вид на весь город, который сейчас, в темноте, светился и мерцал далеко внизу, словно огромное причудливое созвездие или даже целая галактика. Алый король и его супруга когда-то частенько прогуливались по этому холму, и королева прекрасно помнила, где находится замок, вернее, то, что от него осталось. Даже теперь, когда эти земли изменились до неузнаваемости и на них вырос мигающий огнями, гудящий и гроыхающий город, она все равно видела руины замка, граничившие с мрачным серым зданием, где держали под замком ее отпрысков.

Город содрогался и пульсировал от давней боли, боли прошлого, и королева ощущала ее как свою собственную. Это печалило Беренику, которая прожила в Алом замке столько счастливых лет.

Когда королева еще только носила своего десятого ребенка под сердцем, страну охватила страшная эпидемия. Береника не избежала общей участи и тоже заболела, поэтому она знала, что не переживет

родов и не сможет защитить новорожденную дочку, как, впрочем, и тех детей, которые были наиболее уязвимы. Но сейчас королева Береника вернулась из небытия, приняла новое обличье и была полна решимости помочь двум храбрым мальчикам, своим отдаленным потомкам, которые встретились ей на пути.

Королева Береника провела в Потустороннем мире, стране мертвых, почти тысячу лет и обрела магические способности, которых не ведала при жизни, как не ведала их и любимая белая лошадь королевы, похороненная рядом с хозяйкой. Именно эти способности помогали ей сейчас карабкаться по отвесным скалам, лететь над непроходимыми трясины, перепрыгивать пропасти.

При свете полной луны лошадь с двумя седоками мчалась к морю. Она хорошо знала дорогу. Чарли понимал, что вместе с Билли очутился в настоящей волшебной истории, особом мире, еще удивительнее тех необычных мест, куда он попадал, забираясь внутрь картин и фотографий. На всем протяжении их долгого пути — ни единой живой души, ни домов, ни дорог, ни огней. Древний, дикий и опустевший мир-Чарли несколько раз засыпал, но каждый раз, пробудившись, обнаруживал, что по-прежнему едет верхом на белой лошади, чувствовал, как теплая сонная голова Билли упирается ему в спину, видел серебристо-белого мотылька — точно крошечную корону между лошадиными ушами. Береника не останавливалась ни разу, пока, наконец, вместе с седоками не оказалась на берегу моря, в бухте. В сиянии луны серебрился песок, и поблескивали ракушки.

Лошадь тихонько заржала. Билли мигом проснулся и сказал:

— Мы на месте.

— Где? — Чарли протер глаза и огляделся: впереди было только море. Путешественники стояли на узкой полосе песка, а за спиной у них высились черные отвесные скалы.

— Вон, смотри! — Билли спрыгнул с лошади и побежал к кромке воды. — Вон он, там!

Чарли тоже спрыгнул на песок и посмотрел туда, куда указывал Билли.

— Ничего не вижу, — сказал он, потом всмотрелся в темный горизонт и различил вдалеке таинственное мерцание, похожее на отражение звезд в морской глади. — А-а, вот теперь вижу!

У Чарли захватило дыхание. Интересно, это Зеркальный замок светится сам по себе или кто-то из его обитателей зажег свечу? Может, это папа?

Белая лошадь вновь заржала — громко и настойчиво.

— Ее величество говорит, чтобы мы не плыли туда ночью. Надо подождать до утра, — объяснил Билли.

Чарли плюхнулся на песок и зевнул. «Еще надо придумать, как добраться до острова, на чем доплыть», — устало подумал он, и на этом умные мысли кончились: мальчика неодолимо клонило в сон.

Ночь они с Билли провели в небольшой пещерке у самого основания скал, а белая лошадь стояла у входа, охраняя их сон и заслоняя мальчиков от ночного ветра. Когда они проснулись, был уже день. Ярко синело небо, море лежало перед ними спокойное и гладкое, как зеркало. Но где же замок? Горизонт затянула дымка тумана. Чарли и Билли сбросили ботинки и носки, закатали штанины и вошли в море по колено, вглядываясь вдаль. Вода оказалась холодной, и к тому же у Чарли отчаянно заурчало в животе. «Если мы доберемся до этого ускользающего замка, то есть *когда* мы доберемся... В общем, хорошо бы папа сообразил и приготовил нам горячий завтрак. Да посытнее». Чарли вздохнул и мысленно согласился и на холодный завтрак. Настроение у него упало: во-первых, все сильнее хотелось, есть, во-вторых, вчерашнее далекое мерцание могло объясняться чем угодно: мало ли, корабль прошел или падучая звезда блеснула. Или это вообще был мираж. Понутившись, Чарли зашлепал к берегу. Билли не отставал от него ни на шаг. Они уселись на песок, обтерли ноги носками, обулись. Чарли с удивлением убедился, что Билли прямо-таки сияет от восторга и волнения. Предупредить его, что ли?

— Слушай, — осторожно начал Чарли, — а если мы все-таки не найдем замка? Что тогда?

Билли все равно улыбался.

— Сто лет не был на море, — задумчиво сказал он. — То есть когда-то был, но совсем его не помню.

Чарли только головой покачал. Так или иначе, следовало вернуть Билли с небес на землю.

— Может, мы не туда приехали? — Чарли дернул Билли за рукав, оглянувшись на белую лошадь, которая щипала травку на скалах, и

понижил голос: — Ну, понимаешь, она ведь жила тысячу лет назад, а потом умерла — вдруг она все забыла за это время?

— Вряд ли, — твердо сказал Билли, протер очки и с надеждой стал вглядываться в горизонт.

Чарли последовал его примеру. Туман постепенно рассеивался, и вот вдали, над морской гладью, проступил остров — далекий прекрасный синий остров, увенчанный сверкающей короной — Зеркальным замком.

При виде острова и замка белая лошадь издала почти человеческий вопль, сорвалась с места, промчалась по песку, взлетела на скалу и пропала. Остались только следы на песке да осколки ракушек, брызнувшие у нее из-под копыт.

Но мальчики долго еще слышали ее голос.

— Береника обещает, что вернется, — сказал Билли, — просто она не может смотреть на замок, где погибли ее дети, — у нее сердце разрывается. Как, по-твоему, о чем это она? Чарли тяжело вздохнул. Пора все-таки рассказать Билли подлинную историю Зеркального замка. Но только вот вопрос: захочет ли Билли плыть на остров, когда узнает, какая участь постигла принца Амадиса?

Глава 15

ЗАКОЛДОВАННЫЙ ПЛАЩ

Как?! *Королева!* Почему королева?!

Манфред поспешно сделал шаг назад — разгневанный прапрадедушка Иезекииль брызгал слюной. Впрочем, брызги все равно попали ему в лицо, пришлось достать платок и утереться. Аза Пик, который жался за спиной у Манфреда, сдавленно кашлянул, маскируя мстительный смех.

Понедельник, день тяжелый, оказался еще хуже выходных, которые тоже были полны неприятностей: эта белесая моль, Билли Гриф, каким-то образом удрал из Покойного дома, Эшер де Грей попал в автокатастрофу, Флоренс де Грей спятила, а все ее драгоценные документы, все клятвы и договоры погибли. Манфред передернулся: у него до сих пор звенело в ушах от визга Флоренс, которую пришлось запереть в карцер, чтобы малость поостыла.

В довершение всех бед Аза Пик приполз на брюхе и сообщил, что великий эксперимент пошел совсем не так, как рассчитывал Иезекииль и все его приспешники. Вместо боевого коня с сердцем тирана старый колдун и сестрицы Юбим вернули к жизни добрую королеву Беренику — и получилась белая лошадь с сердцем любящей матери.

— Прапрадедушка, постарайтесь найти во всем этом плюс, — выжал из себя Манфред, пряча платок в карман. — Эксперимент состоялся, лошадь ожила — это же достижение.

— Но мне не нужна королева! — заорал Иезекииль. — Мне нужен Борлат!

— Что ж, мы получили королеву, — сухо сказал Манфред. — Хм. Вернее сказать, ее получил Чарли Бон, и теперь он вместе с Билли на пути к Зеркальному замку.

— Может, они уже и доехали, — с неуместно радостным видом брякнул Аза.

— А все ты виноват! — напустился на него Иезекииль, тыча в рыжего оборотня скрюченным пальцем. — Кто нашел могилу? Ты! Кто притащил мне это вяленое сердце? Ты!

— Откуда я знал, чье оно? — занял Аза и мигом съежился. — Там на надгробии стояла буква «Б», я и принес. Вы же не сказали, что королеву звали Береникой, я только про Борлата знал!

— Безмозглая тварь! — прорычал Иезекииль.

Аза обиделся и даже расправил плечи.

— Это вы напрасно! — осмелел он. — Я вон, сколько всего полезного сделал! Выследил Патона Юбима и нашел Карквилла! А потом не знаю, сколько торчал в засаде во дворе у Муара, а там грязи было по уши, между прочим, а я еще и по лесу под дождем бегал, у меня теперь все кости ноют, а вы ругаетесь! Да если бы не я, вам бы нипочем не отыскать Билли Грифа!

— Прекрати хвастаться, — отмахнулся старик. — Ладно, можешь отдохнуть. Даю тебе один выходной.

— Не нужен мне ваш выходной, — прогнусил Аза. — Лучше бы спасибо сказали и вообще, это, оценили.

— Ценим, ценим, приятель, — Манфред ткнул Азу локтем в бок.

— А между тем вся эта шушера совсем распоясалась, — прошипел Иезекииль. — И Торс-сон, и Муар, и африканец. Надо положить этому конец. Ну-ка пришлите мне Тилпина!

— Джошуа? — удивился Манфред. — На что он годится, этот сопляк?

— А вот увидишь, внучек, — зловеще пообещал Иезекииль. — Все, пошли вон, оба!

Манфред, ворча, повиновался. Такое обращение его бесило. В самом деле, гоняют, шпыняют, будто маленького. Слов нет, колдовать старик умеет, но это еще не повод считать, что все остальные у него на побегушках. Насупившись, Манфред шествовал по запутанным коридорам и лестницам, сопровождаемый недовольно бурчащим Азой.

— И зачем ему этот Тилпин? — возмущался рыжий оборотень. — Какой от него толк? Ничего не умеет, и вообще от горшка два вершка.

— Умеет, — отозвался Манфред. — Говорят, он магнетизер или что-то в этом роде. И вообще, чтоб ты знал, Пик, важен не сам дар, а как его применять. Может, магнетизм и пригодится.

Аза с сомнением фыркнул, но ничего не сказал.

Утренний сбор в актовом зале закончился, ученики академии как раз расходились по классам, и Манфред подловил Джошуа Тилпина на выходе из раздевалки живописцев.

— Тебя хочет видеть мистер Иезекииль, — Манфред ухватил мальчика за край зеленого форменного плаща.

— Правда? — Джошуа одарил Манфреда своей кривозубой улыбочкой, и тот, сам не зная почему, невольно улыбнулся в ответ, хотя еще секунду назад не испытывал к Джошуа и тени симпатии.

— Ты сумеешь найти его кабинет? — участливо спросил Манфред. — Не заблудишься?

— Да, сэр, конечно, это в западном крыле, на последнем этаже.

— Хороший мальчик. Ну, беги, да поторапливайся.

— Слушаюсь, сэр.

Манфред приосанился: все-таки приятно, когда тебя уважительно называют «сэр». Он с важным видом зашагал через холл, довольно улыбаясь во весь рот, но, стоило ему поскользнуться на яблочной кожуре, улыбка пропала. Манфред чуть не рухнул на каменный пол.

— Зар-раза! — прорычал он.

Холл был безлюден, если не считать доктора Солтуэзера, который спускался по главной лестнице, зажав под мышкой, свежую газету. Лицо у педагога было взволнованное и озадаченное.

— Опять эта несносная девица Карусел! — пожаловался ему Манфред. — Швыряет яблочную кожуру, где попало. Надо принять меры.

— Меня это не касается, — проямлил доктор Солтуэзер, — я ведь руковожу музыкантами, а она с театрального. — С этими словами он заторопился дальше.

Манфред застонал от раздражения, топнул ногой и направился в свой кабинет.

Между тем доктор Солтуэзер от волнения даже забыл, куда, собственно, ему сейчас полагалось идти, и забрел в галерею, увешанную старинными портретами. Что же его сбilo с толку? Газетная заметка, в которой рассказывалось о загадочном происшествии в маленьком городке на северо-востоке. Бесследно исчезли два местных жителя, учитель и почтальон. Подобные новости всегда расстраивали доктора Солтуэзера — у него было доброе сердце, и он жалел даже незнакомых людей. Но эта заметка его еще и встревожила.

Дело в том, что пропавших звали Танталиус Райт и Винсент Мармор — то есть имя одного и фамилия другого вместе составляли

имя и фамилию нового чудака учителя, Танталиуса Мармора. Это бы еще ничего, мало ли бывает совпадений. Но ведь новичок вел себя более чем странно, и кое-какие детали, касающиеся пропавших, все больше убеждали доктора Солтуэзера, что дело нечисто. Пропавший учитель Танталиус Райт увлекался историей Средневековья и, кроме того, страдал припадками нарколепсии, иными словами, мог внезапно заснуть, когда и где попало, вызывая буйное веселье своих учеников. А почтальон Винсент Мармор... Доктор Солтуэзер покачал головой, развернул газету и перечитал записку. «Винсент Мармор — жизнерадостный человек с отменным чувством юмора. Он охотно смеется над любыми шутками и обожает напевать арии из Гершвина, особенно „Моя дорогая Бесс». Его жена Бесс слишком расстроена и отказалась беседовать с нашим корреспондентом».

Мистер Райт и мистер Мармор исчезли одновременно, в конце августа, а случилось это неподалеку от городка Йорвинд. Танталиус Райт, который обожал пешие прогулки, не вернулся домой в воскресенье, а пустой фургончик Винсента Мармора нашли брошенным на опушке леса. Вот уже три недели, как эти двое числились пропавшими без вести. Никаких следов, никаких догадок.

— Но это невозможно! — бормотал себе под нос доктор Солтуэзер, качая головой. — Два человека в одном? Этого не может быть!

И что теперь делать? С кем посоветоваться? К директору обращаться просто нет смысла — это ведь доктор Блур настоял на том, чтобы Танталиуса Мармора приняли на работу в академию. Да и вообще под крышей академии гнездились столько тайн, что задавать вопросы было просто опасно. Слишком многие ее обитатели были совсем не теми, кем казались.

— С добрым утречком! — Мимо доктора Солтуэзера просеменила кухарка. — Что это вы такой мрачный?

— Да так...

Доктор Солтуэзер остановился и посмотрел вслед маленькой, кругленькой, седоватой женщине, спешившей дальше по коридору. Вот кому можно довериться! Ему почему-то подумалось, что кухарка на правильной стороне, хотя доктор Солтуэзер и сам не очень понимал, что имеет в виду.

— Госпожа кухарка! — окликнул ее учитель. — Можно с вами поговорить?

Кухарка обернулась и остановилась, удивленная его просительным тоном.

— Конечно! — Она развернулась и пошла ему навстречу.

— Вот, посмотрите и скажите, что вы об этом думаете. — Доктор Солтуэзер протянул кухарке газету и ткнул пальцем в загадочную заметку.

Кухарка быстро пробежала статейку глазами и ахнула.

— Что я думаю? — озабоченно сказала она. — Думаю, кое-кому в нашем городе это сулит серьезные неприятности, вот что я думаю, дорогой доктор Солтуэзер.

— Кому же? — насторожился ее собеседник.

— Чарли Бону и его дяде!

— Ах вот оно как... — доктор Солтуэзер задумчиво погладил подбородок. — Кстати, Чарли утром в актовом зале не было, и малыша Билли Грифа тоже.

— Я знаю, где он, — заявила кухарка. — Но что касается этой заметки, — она постучала пальцем по газете, — то дело плохо. Извините, мне нужно срочно кое-кому позвонить.

— То есть вы верите в это? — Доктор Солтуэзер потряс газетой. — Помилуйте, но это немыслимо! Невозможно! Два человека в одном!

— Поверьте, на свете еще и не то бывает, а уж если речь идет о нашей академии, то тем более. Оно способно на что угодно, — авторитетно сказала кухарка и заторопилась обратно, в направлении столовой.

— Какое такое «оно»? — отчаянно крикнул ей вслед доктор Солтуэзер, который еще больше запутался.

— Я вам потом все объясню! Непременно! Простите, мне надо бежать! — стремительно удаляясь по коридору, ответила кухарка. — Мы вам очень, очень признательны за эту бесценную информацию! — И она скрылась за поворотом.

Доктор Солтуэзер только руками развел: тайна стала еще таинственнее. И тут его как громом ударило. «Да ведь мне полагается быть в классе духовых! Меня ждут мистер Палтри и Танталиус

Мрамор!» — вспомнил он и пустился бежать по коридору несолидной рысцой.

К удивлению доктора Солтуэзера, Танталиуса Мрамора в классе не оказалось. Мистер Палтри, задумчиво ковырявший спичкой в зубах, пожал плечами:

— Его нет в школе. Он исчез — вы заметили? Его и утром в актовом зале не было!

— Нет, я не обратил внимания, — растерялся доктор Солтуэзер, чувствуя, что совсем запутался.

Два в одном... Загадочное «оно»... Кухарка, которая благодарила его от имени каких-то непонятных «нас»...

— Лучше бы вы не курили, — сердито сказал доктор Солтуэзер коллеге. — Подаете скверный пример.

— Я и не курю, — мистер Палтри перестал ковырять в зубах и сунул спичку в нагрудный карман.

— От вас пахнет табаком, Реджинальд, — раздраженно объяснил доктор Солтуэзер. — А еще жалуетесь, что дыхания для флейты не хватает! Курить вредно. — Он вздохнул. — Что ж, придется нам обойтись без мистера Мрамора.

Запыхавшаяся кухарка влетела в кухню и кинулась к телефону, висевшему на стене у двери в столовую. В кухне стоял гул множества голосов — все поварихи и судомойки увлеченно сплетничали, и кварка не боялась, что ее подслушают. Она быстро набрала номер, и в доме номер девять по Филберт-стрит затрезвонил телефон.

— Слушаю! — отозвался в трубке недовольный старушечий голос.

Кухарка старательно подпустила в свой голос сипов и хрипов, притворившись, будто говорит старик:

— Пожалуйста, позовите к телефону мистера Юбима.

— Дома нет, — нелюбезно отрезала бабушка Бон.

— Тогда, будьте добры, позовите миссис Джонс.

— А в чем дело? — требовательно спросила старуха.

— Видите ли... вас беспокоят из химчистки, — нашлась кухарка.

— Что, мое лучшее пальто?! Черное, с бархатным воротником? Да говорите же! — Старуха Бон орала так, что кухарке пришлось отвести трубку от уха.

— Нет-нет, я по поводу красного кардига, Бабушка Бон даже не дослушала и бросила трубку на стол. В отдалении было слышно, как она зовет:

— Мейзи, к телефону! Ваши вещи испортили в химчистке!

Кухарка услышала в трубке, как по кафельному полу приближаются чьи-то шаги. Затем взволнованный голос Мейзи спросил:

— Да? Что случилось?

— Мейзи, это не химчистка, это я, Дара. — Кухарка заговорила своим обычным голосом. — Но вы делайте вид, будто разговариваете с химчисткой. Я хотела поговорить с мистером Юбимом, но его нет дома.

— Его не просто нет дома. — Мейзи понизила голос. — Понимаете, он уехал. Мы с Эмми уж не знаем, что и думать. Получил какие-то новости про Чарли, взял с собой этого мистера Карквилла, ну, вы понимаете, о ком я, и рано утром они уехали.

— Ах! — Кухарка тоже не знала, что и думать. — А вы, часом, не догадываетесь, куда они отправились?

Мейзи прижала губы вплотную к трубке и прошептала:

— *В Зеркальный замок.*

— Час от часу не легче! Боюсь, туда поехали не только они. А вы никак не можете связаться с Патонем?

— Нет, — расстроено ответила Мейзи. — Он оставил мобильник дома.

— Что это у вас за секреты с химчисткой? — прогремел где-то в доме голос старухи Бон. — Шепчетесь и шепчетесь!

— Я не шепчусь, — оправдалась Мейзи. — Потеряла голос от огорчения. Они испортили мой красный кардиган. Такой ужас! — Ее голос затих в отдалении, потом Мейзи, видимо, вернулась к телефону и быстро сказала: — Спасибо, что сообщили. До свидания!

Кухарка повесила трубку и сокрушенно вздохнула:

— Видно, ничего не поделаешь.

— А вот и нет! — Мимо кухарки промчалась одна из поварих, задев ее подносом с горелыми булочками. — Нам надо просто испечь новую партию.

— Вам надо, не мне! — резко парировала кухарка. — У меня булочки в жизни не подгорали!

Фиделио Дореми изнывал от волнения. Утром в актовом зале Габриэль шепнул ему что-то на ухо, но так неразборчиво, что даже абсолютный слух Фиделио не помог. Что-то про замок, Чарли и Билли Грифа. Что же стряслось с Чарли на сей раз? У него просто талант влипать в разные истории, но исчезнуть и не предупредить друга — это не в его духе.

— Фиделио, будь добр, сосредоточься, — мягко попросила мисс Кристалл, аккомпанировавшая ему на фортепиано.

Он опустил скрипку и посмотрел в ноты на пюпитре.

— Извините, мисс Кристалл, я что-то сбился.

— Что с тобой? — Учительница развернулась на крутящемся табурете. — На той неделе ты играл эту пьесу идеально.

Светловолосая мисс Кристалл была самой молодой среди преподавателей академии, и к тому же очень симпатичной, так что дети поверяли ей все свои секреты. Надо сказать, мисс Кристалл свято хранила чужие тайны и никогда никого не выдавала.

— Понимаете, я беспокоюсь о друге, — признался Фиделио.

— О Чарли Боне?

— Да. Он не пришел в школу, и я не знаю, что с ним случилось.

— Может быть, доктору Солтуэзеру что-нибудь известно. Я спрошу его на большой перемене, а потом скажу тебе, договорились? — Мисс Кристалл ободряюще улыбнулась.

— Спасибо вам огромное! — обрадовался Фиделио, пристроил скрипку обратно на плечо и взмахнул смычком.

Впрочем, сосредоточиться ему так и не удалось — Фиделио с нетерпением ждал, когда кончится урок, и играл хуже некуда. Когда, наконец, прозвенел звонок, мальчик вылетел из класса и помчался в раздевалку — оставить плащ перед большой переменной. Он уже направился в сад, как вдруг завидел Доркас Мор: та шла к двери музыкальной башни и несла под мышкой синий плащ.

Фиделио это не понравилось. Доркас на стороне врага и к тому же умеет наводить злые чары на одежду.

— Что тебе там надо, Доркас? — спросил он.

Та вздрогнула от неожиданности, но быстро нашлась с ответом:

— Да вот, плащ мистера Пилигрима нашелся в библиотеке, и мне велели отнести его в музыкальную комнату.

— Но ведь мистер Пилигрим уволился.

— И что с того? — Доркас дернула плечом. — Мне велели, я и несу. Во всем должен быть порядок.

— А то, что... — Фиделио запнулся. Неужели эта поганка отравила плащ черной магией? Но зачем?

— Ладно, иди, раз такое дело, — сдался он и двинулся в сад.

Габриэля в саду не оказалось, зато Фиделио почти сразу углядел Танкред, который разговаривал с новичком, щуплым Джошуа Тилпином, и поспешил к ним.

— Танкред, есть разговор! Только... — он многозначительно посмотрел на Джошуа, — не для посторонних ушей.

Танкред благодушно похлопал Джошуа по плечу и сказал:

— Ну, беги, Джош. И спасибо, что нашел книжку.

— На здоровье, Танкред! — просиял Джошуа. — Надо будет — обращайся еще. Счастливо! — И он побежал по своим делам, вернее, упорхнул, легко, как птичка.

— Станный какой-то, — бросил Фиделио.

— Да брось ты, отличный парень! — отмахнулся Танкред. — Всегда готов помочь.

Фиделио решил сменить тему — его больше волновал Чарли, а не Джошуа.

— Ты не знаешь, куда подевался Чарли?

— Знаю. Пошли, пройдемся подальше, а то тут народу полно.

Они направились к руинам, где обнаружили Оливию и Эмму. Девочки устроились на стволе поваленного дерева. Оливия серебряным ножичком чистила очередное яблоко — она теперь постоянно таскала с собой несколько штук и этот ножик, а Эмма озабоченно следила, как летит из-под лезвия кожура. В последние дни она все время смотрела на подругу с таким выражением.

— Вот девочки знают, что случилось, — объявил Танкред, устраиваясь на бревне.

— Ага, а мне, значит, никто ничего не рассказывает, я все узнаю последним, — надул губы Фиделио.

— Это потому, что ты не из одаренных, — объяснила Оливия. — Как, впрочем, и я. Вот уж кем бы не хотела стать ни за какие коврижки.

Фиделио пропустил эту колкость мимо ушей.

— Танкред, пожалуйста, скажи, куда пропал Чарли? Ну, сколько можно мучить!

— Ладно, — согласился тот. — Садись поудобнее, история длинная.

Выслушав рассказ о бурных событиях прошедших выходных, Фиделио присвистнул.

— Теперь понятно, кто устроил такой тарарам! Меня в ту ночь разбудил адский шум: собаки лаяли, коты орали, полицейские сирены выли, и к тому же еще гроза. Значит, это твоих рук дело, Тан!

— Виноват, сдаюсь! — Танкред шутливо поднял руки. — Вообще-то нас спас Лизандр. Если бы не он, мы бы тут с тобой не разговаривали.

Лизандр между тем переругивался с Азой Пиком на другом конце поля. Рыжий оборотень наступал на него и бранился.

— Аза сегодня весь день на Зандра бочку катит. Ко всему придирается. Сначала прицепился, мол, у Зандра галстук мятый, потом придумал, что тот будто бы слишком шумит, а теперь я уж и не знаю, что он изобрел.

— Скверный сегодня день, сдается мне... — тихо сказала Эмма.

Фиделио понял ее с полуслова. Друзья тревожились о судьбе Чарли.

— И что такого особенного в Зеркальном замке? — спросил Фиделио.

— Мрачное место. Так говорит моя тетя, она вычитала в одной старинной книге легенду о замке, — объяснила Эмма и пересказала то самое предание, которое Чарли в свое время слышал от дяди Патона.

— И к тому же Чарли вбил себе в голову, будто в замке заперт его отец, — добавил Танкред, когда она умолкла.

Оливия внезапно вскочила и швырнула яблоко далеко в кусты.

— Я боюсь за Чарли, — честно сказала она.

Остальные закивали.

В этот вечер в Королевской комнате почему-то стоял отчаянный холод и Эмму бил озноб — такой, что зубы стучали, и ручка то и дело падала из ее дрожащих пальцев. На третий раз ручка укатилась на другой конец стола. Эмме показалось, что это фокусы Идит или Инез Бранко. Близняшки-телекинетики все пялились и пялились на Эмму синими фарфоровыми глазами. Попробуй тут сосредоточься!

Пустующий стул Чарли Бона слева от Эммы занял Джошуа Тилпин. Теперь он дотянулся до ручки и вернул ее Эмме с вкрадчивой

улыбкой, на которую невозможно было не ответить тем же. Но одной улыбки Джошуа было мало. Он поймал взгляд Эммы, и у нее в голове вдруг возникла странная картина: огромный ястреб налетает на ее друзей, бьет могучими крыльями, наносит страшные удары крючковатым клювом... Эмма поспешно уткнулась в тетрадь. Это не она придумала! Она бы в жизни не сделала такой гадости! Это Джошуа наводил на нее морок.

Эмма передернулась. Габриэль, сидевший справа, прошептал:

— Тебе плохо?

Эмма помотала головой.

— Тихо! — скомандовал Манфред. — Не смей шептаться!

Близнецы уставились на Габриэля, желтые глаза Азы хищно сузились, а Доркас усмехнулась краешком рта. Что они задумали? Эмма посмотрела на друзей. Габриэль, Танкред и Лизандр не поднимали головы от учебников. Вид у них был такой угрюмый, что сердце у Эммы заныло.

Закончив домашние задания, одаренные во главе с Манфредом потянулись прочь из Королевской комнаты. Эмма переминалась с ноги на ногу, поджидая Габриэля, который замешкался дольше обычного, как и Танкред с Лизандром. У всех троих все валялось из рук, книги падали на пол или, что еще хуже, не желали закрываться, тетради упархивали, как птицы, карандаши скатывались под стол, ручки норовили потечь.

— Что-то не так, — заметила Эмма.

— Не то слово! — простонал Лизандр.

— Мы теперь в меньшинстве, — заявил Габриэль. — Смотрите, нас четверо против пятерых... то есть шестерых, считая Манфреда.

Наконец мальчикам удалось сложить свое добро. Пора было идти спать. На площадке главной лестницы они стали прощаться с Эммой, но Габриэль вдруг воскликнул: «Ах, я, дурак» — и помчался через гулкий холл.

— Ты куда? — позвал Лизандр. — Надзирательница тебя поймает!

— Мне разрешили полчаса позаниматься фортепиано в музыкальной башне, — не останавливаясь, ответил Габриэль и похлопал себя по карману. — Мистер Мармор дал мне записку с разрешением. Придется мадам Юстасии это скушать!

Друзья заулыбались, представив, какое будет лицо у надзирательницы, но, когда Габриэль скрылся за дверью, ведущей в башню, им почему-то сделалось не по себе.

Габриэлю, поднимавшемуся в башню, тоже было не по себе и казалось, будто ноги не желают идти, однако он обожал играть на фортепиано и решил, что музыка будет лучшим лекарством от тревоги. Добравшись до верха башни, он так запыхался, что вынужден был некоторое время просто сидеть на крутящейся табуретке перед роялем. Отдышавшись, Габриэль поднял крышку рояля и только тут заметил, что на спинке стула у окна висит синий плащ. Ну конечно, это плащ мистера Пилигрима! Габриэль всегда питал привязанность к молчуну учителю: мистер Пилигрим при всех своих странностях был фантастическим музыкантом и к тому же замечательным преподавателем. Говорил он мало, но по делу, и Габриэль ценил его немногословные похвалы.

Интересно, где теперь мистер Пилигрим? Что с ним стало? Габриэль посмотрел на плащ, нерешительно протянул к нему руку, потом отдернул. Своим даром мальчик пользовался редко и осторожно — он не раз уже обжигался, надев одежду, владельцем которой когда-то испытывал страдания и боль. Но сейчас, как уже неоднократно бывало, любопытство пересилило. Он надел плащ.

Стоило Габриэлю накинуть на голову капюшон, как в глазах у него потемнело, и музыкальная башня куда-то пропала. Габриэль очутился в непроглядном мраке — и самое ужасное, он знал, что спасенья нет. Мальчик попытался сбросить капюшон, но руки у него бессильно повисли. Ледяной ужас затопил сердце Габриэля, вполз в мозг, и он без чувств рухнул на пол.

Глава 16

СТЕНЫ ПРОШЛОГО

В это время Чарли Бон, который, разумеется, ничего не знал о несчастье, постигшем Габриэля, ломал голову над совсем иной задачей. Он никак не ожидал, что Билли Гриф, выслушав историю принца Амадиса, впадет в такое состояние, и теперь не понимал, как его успокоить. Сначала Билли оцепенел, потом начал бегать по пляжу и яростно пинать ракушки, а потом плюхнулся на песок и с рыданиями заколотил по нему кулаками.

— Почему ты мне сразу все это не рассказал? — обрушился он на Чарли. — Про моего покровителя, и про книгу, и про весь этот ужас в замке?

— Билли, честное слово, я не виноват! — оправдывался Чарли. — Я хотел как лучше!

Это дядя Патон сказал, что тебе спокойнее ничего не знать — до поры до времени. А потом мне было некогда. А потом появилась королева, и стало уже слишком поздно.

Все это время Чарли краем глаза наблюдал за морем и теперь, к своему ужасу, убедился, что начался прилив. Еще немного, и они с Билли окажутся в западне! Бухточка маленькая, вокруг отвесные скалы, по ним не заберешься — только шею свернешь. Значит, делать нечего, надо плыть на остров, но, спрашивается, на чем?

Билли все причитал, но Чарли, не слушая друга, обежал бухту и заглянул в пещеру в поисках лодки. Впрочем, откуда взяться лодке в таком глухом месте? А море неуклонно наступало — волны накатывались на песок, скрывая пляж под водой.

— Чарли! — пискнул Билли, заметив неладное. — Что это?

— Прилив, — отозвался Чарли из пещеры — на нее была последняя надежда.

Пещера оказалась глубже, чем он думал, и в ней царила непроглядная тьма. А у Чарли, как назло, не было даже спичек! Может, из пещеры есть какой-нибудь ход наверх, на скалы?

Вдруг под сводами пещеры замерцал тусклый дрожащий огонек. В его слабом свете Чарли увидел что-то выгнутое, придвинутое

вплотную к мокрой черной стене пещеры.

Огонек перелетел поближе и осветил... Лодку!

— Чарли, что делать? — отчаянно звал снаружи Билли. — Вода поднимается! Мы утонем!

— Беги сюда, помоги мне! — откликнулся Чарли. — Я нашел лодку.

Билли мгновенно очутился рядом.

— Как это ты умудрился? Темно же было.

— А вон огонек, — Чарли показал на светящееся пятнышко и различил знакомые серебристо-белые крылышки. — Так это мотылек!

— Твоя волшебная палочка. Смотри, перелетел. На что это он сёл?

— Весла! — с облегчением объявил Чарли. — Вот здорово!

Лодочка была небольшая, но усталые и голодные мальчики еле сдвинули ее с места. Хорошо еще, что пол в пещере был покатым, иначе бы им нипочем не удалось дотащить лодку до входа в пещеру. И вовремя — пляж уже скрылся под водой и волны плескались у самого входа в пещеру.

Чарли разулся, закатал джинсы, ботинки и носки закинул в лодку.

— Чего ты стоишь? Делай как я! — скомандовал он Билли, испуганно смотревшему на волны.

— Куда мы поплывем?

— А как ты думаешь? На остров, куда ж еще!

— Не-е-ет! — завопил, Билли и попятился, шлепая по воде. — Не хочу! Не поплыву! Там же наверняка полно привидений! Чарли, не надо! Куда ты меня тащишь?

Не выпуская Билли, Чарли прикрикнул:

— Не дури! Больше деваться некуда! А ну живо полезай, не то утопнешь! — И он за шкурку втащил упирающегося Билли в лодку.

Лодка тронулась с места, но волны несли ее обратно в пещеру.

— Ты грести умеешь? — спросил Билли, устроившись на узенькой скамейке и вцепившись в борта.

— Еще бы! Мой прапрадедущка Джеймс живет на взморье.

— Ух ты! — Несмотря на отчаянное положение, в голосе Билли слышались восхищение и зависть.

Впрочем, Чарли не привирал: он теперь постоянно ездил на море с дядей Патеном, и грести умел. Правда, ему никогда еще не

приходилось плавать в лодке без взрослых и тем более в открытое море. К тому же грести против течения было нелегко, а море разыгралось не на шутку. Чарли с Билли то и дело окатывало соленой волной, и Билли каждый раз визжал, как девчонка. Лодку качало, вокруг катились пенные буруны, Чарли тоже было страшно, но он понимал, что показывать страх нельзя, иначе Билли совсем сникнет.

— Ты закрой глаза, чтобы не смотреть на море, — посоветовал Чарли, стараясь унять стук зубов. — А когда мы будем в безопасности, я тебе скажу.

— И когда это будет? — жалобно спросил Билли.

— Слушай, если не можешь не ныть, лучше заткнись! — рявкнул Чарли. Грубо, конечно, но Билли его уже замучил. Туда не пойду, сюда не поплыву, этого боюсь, того боюсь... Тьфу!

Билли обиженно умолк и зажмурился. Без аккомпанемента, состоявшего из визга и нытья, грести стало чуточку легче, но ненадолго — руки у Чарли вскоре налились нестерпимой болью, и мальчику казалось, что он вот-вот выронит весла. А до острова еще ого-го сколько! Чарли то и дело оглядывался через плечо, но синевато-серый остров, увенчанный сверкающим замком, как будто не приблизился ни на сантиметр. Да что там, он, кажется, вообще отдалялся! Чарли стиснул челюсти и налег на весла с удвоенной силой. Руки положительно отваливались. А вдруг это никакой не замок, а мираж? Вдруг лодку просто-напросто несет в открытое море? Тогда они *утонут*, это точно.

«Не буду оглядываться, — решил Чарли. — Вот досчитаю до пятисот, тогда оглянусь».

Он перевел дыхание, глянул через плечо и увидел, что на рукаве у него примостился белый мотылек.

— А, это ты, — пропыхтел Чарли. — Хоть бы помог, что ли! Ты волшебная палочка или нет? — Мальчик вспомнил, что палочка понимает только по-валлийски, и нараспев произнес: — По-о-мо-о-ги-и!

Чарли не знал, что произойдет, но ничего особенного не случилось: волны все так же качали лодку, брызги все так же летели в лицо и за шиворот, руки болели, весла весили целую тонну каждое. И все-таки не успел Чарли досчитать до пятисот, как лодка задела камни. Чарли подскочил и оглянулся.

Они пристали к острову.

— Билли, держись крепче! — велел Чарли, а сам осторожно обвел лодку вокруг скалы и выпрыгнул на мелководье, таща лодку за собой.

Билли открыл глаза и, радостно ахнув, выскочил из лодки вслед за Чарли, оказавшись по пояс в воде, — он ведь был куда меньше ростом.

Мальчики покатались со смеху. Общими усилиями они выволокли лодку на травянистый берег и в изнеможении опустились рядом, дрожа от холода. Оба промокли до нитки.

— погоди, не раздевайся. В замке высушимся, — пообещал Чарли. — Приходить в королевский замок раздетым невежливо.

— Ну, короля-то там не будет! — хихикнул Билли.

— Вставай, пошли.

Вокруг простиралась каменистая, заросшая сорняками земля. Когда-то, как гласила книга Амадиса, здесь были плодородные поля, но теперь высилась жесткая трава в половину человеческого роста, и продираться через заросли было не слишком приятно. Постепенно мальчики выбрались к подножию холма. Там и сям росли голые кривые деревца, а на вершине холма высился Зеркальный замок — странный, причудливый, больше похожий на стеклянный айсберг, чем на дело рук человеческих. Сплошные зеркальные стены — ни окон, ни дверей.

Пока мальчики карабкались на вершину холма, тучи разошлись и выглянувшее солнце высушило промокшую одежду путешественников. Чем меньше оставалось до сверкающих стен, в которых отражалась синева неба, тем сильнее волновался Чарли. В горле у него стоял комок, губы пересохли. Внезапно Билли перешел на бег, и вот уже он стоял у самого замка. Мальчик боязливо погладил переливчатую стену и восторженно воскликнул:

— Взаправду стеклянный! Чарли нагнал друга:

— А дверь где-нибудь есть?

Вдвоем они обошли вокруг замка, тщетно ища хоть что-нибудь похожее на дверь или окно, но видели только собственные отражения. Замок оказался гораздо больше, чем предполагал Чарли. Должно быть, за гладкими стенами таится огромный внутренний двор и еще много всякого. А башни-то, какие высоченные! Чарли задрал голову, а когда опустил ее, то застыл: Билли исчез.

— Эй, Билли, ты где? — испуганно крикнул Чарли и, спотыкаясь, побежал вперед, ощупывая стены.

— Тут! — отозвался Билли откуда-то снизу. Чарли присел на корточки и у самых ног увидел отверстие, которое раньше, наверно, было завалено камнем. В отверстии маячило бледное лицо Билли — перемазанное, но довольное.

— Здесь какой-то лаз, и в конце свет. Полезли? — предложил Билли.

Чарли с трудом протиснулся в темный лаз и охнул: ухватиться было не за что, он скользил по гладкой трубе, а потом — бум! — приземлился на твердый каменный пол.

— Ой, больно... — вырвалось у Чарли. Он попытался выпрямиться и — бум! — стукнулся головой о низкий потолок. Билли дышал ему куда-то под мышку, так тут было тесно.

— Пойдем! — торопил Билли. — Ход ведет вон туда, видишь свет? Там дыра в скале и поворот.

— Это не ход, а тоннель, — проворчал Чарли, развернувшись в указанном направлении. — Или даже, как ее, шахта.

— Какая разница? — отмахнулся Билли, нетерпеливо перебирая ногами.

— Такая, что придется ползти.

— Ну, так поползли! — Билли опустился на четвереньки и двинулся вперед. Надо же, тогда, на пляже, он вопил, что не хочет в замок и боится призраков! А теперь вон как загорелся!

Они ползли по тоннелю, стучась то локтями, то головой, — распрямиться здесь было невозможно. Где-то на середине пути Чарли слышались звуки рояля, и он вынужден был остановиться и перевести дух — так заколотилось сердце. Чарли боялся даже думать о том, кто там играет.

— Чарли, ну быстрее! — заторопил его Билли.

Выбравшись из тоннеля, мальчики очутились в просторном внутреннем дворе, вымощенном гладкими блестящими плитами. Посреди двора стояла квадратная башня — из нее-то и лились звуки музыки. В башню вели грубые ступени черного камня; к счастью, в отличие от плит двора, лестница оказалась шероховатой, и мальчики без труда поднялись по ней. Билли шел первым и вежливо постучал в дверь.

Музыка смолкла, но дверь им никто не открыл. Тогда Чарли толкнул ее, и она распахнулась внутрь.

Первое, что увидел Чарли, было отражение обитателя башни — искаженное, многократно повторенное в зеркальных стенах. Изнутри башня оказалась многогранной, как призма, и в каждой грани виднелось одно и то же лицо. Чарли медленно обернулся.

Перед ним стоял темноволосый мужчина среднего роста, длинноносый, губастый, с зелеными глазами. Бледный — наверно, потому, что долго просидел взаперти. Лицо какое-то знакомое, подумал Чарли, и, поскольку фотографий отца, как и его самого, мальчик не помнил, это внушало надежду. Незнакомец неуверенно улыбнулся.

— Что вы мне привезли? — спросил он.

— Ничего, — Чарли смутился. — А что вы ожидали?

— Иногда привозят кой-какие продукты. — Незнакомец со вздохом опустился на единственный скрипучий стул. — С берега.

Чарли напомнил себе, что папа потерял память, и осторожно спросил незнакомца:

— Как вас зовут?

— Альберт Терцини, но, конечно, это не настоящее мое имя.

— А... настоящее вы помните? Терцини апатично покачал головой:

— Боюсь, нет.

Чарли, все еще робея, заставил себя приблизиться.

— Мне кажется, сэр, я вас знаю.

— Меня многие знают, — благосклонно отозвался Терцини. — Некогда я был известным пианистом.

— Тогда как вы тут очутились, сэр? — подал голос Билли.

Обитатель башни приложил палец к губам:

— Тс-с-с! Снаружи меня подстерегает опасность. Видите ли, я не здешний. Я потерял дом, родину и имя.

Чарли показалось, что Терцини говорит с легким иностранным акцентом, и это было странно, но, может, при потере памяти такое случается?

— Кажется, я знаю, как вас зовут на самом деле, сэр, — тронул он пианиста за плечо. — Я помогу вам вспомнить, если хотите.

— Правда? — В глазах Терцини блеснул интерес.

— По-моему, вас зовут Лайелл Бон, — отважился Чарли.

— Лайелл Бон... — эхом отозвался Терцини. — Хорошее имя, звучит приятно.

— А я ваш сын Чарли, — поспешно добавил мальчик.

Билли резко дернул его за рукав.

— Откуда ты знаешь? — тихо спросил он.

— Знаю. Уверен! — твердо сказал Чарли. Терцини растерялся.

— Сын? — с сомнением повторил он. — Это невозможно.

— Возможно! Честное слово, это я! — закричал Чарли, уверенный, что наконец-то нашел папу. — Теперь все будет хорошо! Мы поедем домой, и вы... и ты опять увидишь дядю Патона! Патон Юбим! Помнишь?

— Патон? — У Терцини была привычка переспрашивать. — Юбим? Знакомая фамилия. Ах да, мисс Юбим. Она привезла меня сюда. Мисс Юстасия Юбим. Она иногда привозит мне еду.

— Ну конечно! — Чарли приплясывал от радости. — Она старшая из трех. Они сестры моей бабушки! Это они тебя заколдовали!

— Хм-хм, — неопределенно промычал Терцини, потом просительно обратился к Чарли: — Ты не мог бы пока что называть меня Альбертом? Это привычнее.

— Пока — могу. — Ликующий Чарли охотно согласился на такую мелочь.

Услышав про сестриц Юбим, Билли запаниковал:

— Я не смогу тут жить! Они же меня поймают!

Чарли понял, что Билли опять влип, — как ни крути, в замке ему тоже будет плохо.

— Что-нибудь придумаем, — щедро пообещал он.

Пока они беседовали, погода вновь испортилась, небо затянули тучи и на море разыгрался настоящий шторм. Даже здесь, в башне, было слышно, как грохочут волны, и воет ветер. Чарли с Билли решили, что в такое ненастье и думать нельзя, плыть обратно — нужно переждать шторм.

Слегка оживившийся от прихода гостей Альберт предложил мальчикам перекусить. Он извлек из громоздкого дубового сундука несколько банок консервированной фасоли, выложил ее на сковородку и поставил греться на маленькую газовую плитку в одном из многочисленных углов комнаты-призмы. Вскоре Билли с Чарли получили по тарелке дымящейся фасоли.

— А я поем со сковородки, — радостно объявил хозяин. — Правда, вкусно?

— Угу, — поддакнул Чарли, а сам подумал: «Бедный папа, неужели он питается одной фасолью?»

Мальчики устроились на коврике, расстеленном прямо на твердом зеркальном полу. Торопливо умяв свою порцию фасоли, Чарли оглядел комнату. Сундук, стул, круглый столик, на нем стопка книг и бумаг, матрасик и одеяло на полу... Потертый чемодан — наверно, там все имущество хозяина. Плитка, две-три кастрюльки, несколько чашек, кувшин. Вот и все. А еще прямо на полу стоял старинный граммофон — такой, который нужно заводить, крутя ручку.

А Билли смотрел совсем на другое: он заметил лестницу, которая вела куда-то вверх от дверей комнаты мистера Терцини, и теперь не сводил с нее глаз.

— А куда ведут эти ступеньки? — спросил он обитателя башни.

— К стенам, хранящим историю прошлого, — объяснил мистер Терцини. — Я ходил туда посмотреть на них, но они ничего мне не показали. Правда, иногда я слышал смех или пение, различал отдельные слова. И еще улавливал звуки, которые... словом, не хочу о них говорить.

— Голоса привидений, да, ай... Альберт? — уточнил Чарли.

— Вроде того, — уклончиво ответил мистер Терцини.

— Я хочу туда подняться, — заявил Билли, отставляя пустую тарелку. — Чуть-чуть попозже, — добавил он и широко зевнул.

После сытной пищи усталых мальчиков неодолимо клонило в сон, и они сами не заметили, как начали клевать носом.

Когда Чарли проснулся, то обнаружил, что лежит на матрасе, укрытый одеялом, а рядом с ним посапывает Билли. В зеркальных стенах множились отражения одной-единственной свечи.

— Вы устали, и я решил вас не будить, — негромко сказал мистер Терцини. — Еще бы не устать — проделать такой длинный путь!

— И опасный, — прибавил Чарли. — Хочешь, я тебе расскажу?

— Да, конечно, — обрадовался хозяин. — Как приятно слышать настоящий человеческий голос.

Для начала Чарли решил объяснить, кто такие одаренные и почему отпрыски Алого короля учатся в академии Блур. Услышав про академию, мистер Терцини вздрогнул — похоже, фамилия Блур была

ему знакома. Но остальной рассказ он слушал, даже не шелохнувшись и очень внимательно.

— Наверно, во все это трудно поверить? — спросил Чарли, дойдя до того, как палочка-мотылек помогла в последний момент обнаружить лодку.

— Знаешь, человеку, который забыл всю свою жизнь, что угодно покажется реальным, — с грустной улыбкой откликнулся мистер Терцини. — А вот, кстати, и твой мотылек.

Мотылька Чарли разглядел не сразу, потому что тот уселся на голову Билли и сливался с белесыми волосами спящего.

— Он все время сидел тут, пока вы спали. Как будто охранял вас, — сообщил мистер Терцини.

Билли проснулся и первым делом стал искать очки — без них он почти ничего не видел.

— Вот, возьми, — мистер Терцини протянул ему очки, — я их с тебя снял, когда ты заснул, чтобы не сломались.

— Я думал, все это сон, — невнятно пробормотал Билли, — а оказывается, нет. Все по правде?

— Да, — ответил Чарли, — мы в Зеркальном замке.

Услышав это, Билли тут же поискал глазами лестницу, ведущую вверх.

— Ну конечно, я же хотел туда подняться. — Он выбрался из-под одеяла и встал, не сводя взгляда с лестницы, которая притягивала его, точно магнит. — Я просто чувствую, что должен это сделать. Не знаю почему, но должен.

— Я пойду с тобой, — вызвался Чарли. Мистер Терцини вручил Билли спички и свечной огарок в пустой консервной банке — их у него в комнате было великое множество.

— Фонарика у меня нет, — извиняющимся тоном объяснил он. — Держи, пригодится — там, наверху, темно.

— Здесь жили мои предки, — гордо объяснил Билли, — и Чарли считает, что я смогу их увидеть, — ну, призраки, духи. Знаете, вчера я жутко боялся, а теперь почему-то нет. — Он взял свечу, спички и решительно двинулся по лестнице. Чарли, вздохнув, последовал за другом.

Подъем оказался делом нелегким — ступеньки были разной высоты и к тому же неровные. Лестница постепенно превратилась в

винтовую и с каждой ступенькой становилась все круче и уже. Несмотря на это, Билли сильно обогнал Чарли, и тот потерял приятеля из виду — только слышал над головой его легкие, торопливые шаги. А поскольку Билли уносил свечу все дальше, то вскоре Чарли оказался во мраке и занервничал: ориентироваться на слух на такой лестнице было трудно.

— Билли, куда ты делся, я ни шута не вижу! — крикнул он.

Но Билли не отозвался, и Чарли пришлось выбираться наверх на ощупь. Нагнав Билли, он понял, почему тот не откликался. Лестница вела в огромный зал со сплошными зеркальными стенами и высоченным потолком, терявшимся в сумраке. Чарли видел в стене только два отражения — свое и Билли, да еще огонек свечи. Только свеча в зеркале почему-то размножилась на сотни мелких бликов, а сам Чарли, встав рядом с Билли, обнаружил, что отражаются они по-разному: Билли четко, а он, Чарли, как-то расплывчато. Что еще за фокусы?

— Они идут, — прошептал Билли, как загипнотизированный уставившись в зеркальную поверхность.

Чарли всмотрелся в зеркало и различил какие-то смутные фигуры, которые постепенно проступали за спиной у Билли.

— Что ты там видишь? — приглушенно спросил он.

— Людей, — тихо ответил Билли, — много. Это целая семья. Какой-то мужчина в доспехах, но без шлема. А рядом женщина, светловолосая... смеется. Они сидят за столом и пируют — едят, пьют, веселятся. Ой, а один мальчик — вылитый я. Чарли, ты слышишь их голоса?

— Нет, — Чарли озадаченно почесал в затылке. — Вообще ни звука.

— А я слышу. Пение и разговоры. И всякие имена.

— Какие?

— Дама со светлыми волосами назвала рыцаря Амадисом, а того мальчика — Оуэйном. Вот рыцарь говорит кому-то: «Спой еще, Аморет. Я так люблю эту песню».

— Аморет! — воскликнул Чарли.

— Чш! Ты их спугнешь!

— Аморет? — Чарли послушно понизил голос. — Билли, ты уверен, он так и сказал — Аморет?

— Ну да. Рыцарь обращался к черноволосой даме, которая пела. Ой, какая она красавица!

Чарли все всматривался и всматривался в стену, хранящую прошлое, всматривался до рези в глазах, но, как ни старался, никого не видел — никого, кто мог бы провести его внутрь. Наконец ему послышалось далекое мелодичное пение, и он ощутил, что плывет вперед, туда, где маячит бледное лицо, обрамленное темными волосами.

— Чарли, ты что! — испуганно закричал Билли. — Не лезь туда! Вернись! Ты застрянешь!

Глава 17

ЧЕРНЫЙ ТИС

Чарли барахтался, как пловец под водой. Он не ожидал, что пробраться внутрь отражения будет так трудно, — от путешествий в картины или фотографии у него сохранились воспоминания о совсем других ощущениях. Каждый раз, как он приближался, лицо Аморет удалялось — можно подумать, она хотела вытолкнуть его обратно. Но Чарли не сдавался и упорно продвигался к цели. Он плыл, руками и ногами расталкивая воздух, ставший тяжелым и густым, отбрыкивался от невидимых пут, которые мешали ему и тянули назад, прочь из зеркала. И вот, наконец, Чарли прорвался в зал, где стояла женщина, прижимавшая к себе троих ребятишек. Принц Амадис куда-то исчез, и Аморет смотрела прямо в лицо Чарли.

— Уходи! — крикнула она. — Кто бы ты ни был, беги отсюда!

Недоумевая, Чарли завертел головой, и вдруг в уши ему ударили ужасные звуки — удары тарана по каменным стенам, свист стрел, крики и стоны. Битва! Сам не зная как, он очутился во внутреннем дворе замка и увидел в гуще толпы, охваченной паникой, беловолосого мальчугана, поразительно похожего на Билли. На плече у мальчика сидел ворон. Мальчик кинулся к колодцу и забрался внутрь. Через мгновение замок охватило пламя, и Чарли с ужасом понял, что со всех сторон окружен ревущей огненной стеной.

— Помогите! — завопил он. — Помогите! — Чарли закашлялся, заметался, но что-то невидимое не давало ему сдвинуться с места. Выбраться из зеркала он не мог и дышать уже тоже не мог — нечем было. Вокруг бушевал пожар.

Мальчик рванулся, вдруг что-то оглушительно треснуло, и послышался звон разбитого стекла. Чарли почему-то вспомнил про дядю Патона и его «неприятности», и от этого нечаянного воспоминания ему стало спокойнее. Как-то там дядя?

— Чарли, Чарли, вернись! — звал издали испуганный голос.

Чарли заморгал, закашлялся и понял, что стоит перед разбитой зеркальной стеной, а под ногами у него хрустят осколки. В каждом из них посверкивал яркий блик от свечи, прыгавшей в дрожащей руке

Билли. Рядом с ним стоял пианист, сжимая в руке поношенный черный ботинок.

— Эй, ты цел? — запинаясь, спросил пианист, — Ты вернулся?

Вдохнув восхитительно прохладный воздух, Чарли кивнул и отряхнулся.

— Мистеру Терцини пришлось разбить стекло, — торопливо объяснил Билли. — Мы думали, ты уже не выберешься.

— Другого способа не было, — добавил пианист. — А то бы ты застрял там навеки. Странная штука эти твои путешествия. И небезопасная.

— Ой, это точно! — горячо согласился Чарли. — Но, понимаете, мне обязательно нужно было побывать внутри. Там ведь была Аморет, а я — ее потомок. Наверно, она была в замке, когда начался пожар, — до того как замок превратился в зеркало. Хотел бы я знать, куда подевались ее дети? Как они спаслись?

— Не на все вопросы существуют ответы, — с ноткой грусти сказал мистер Терцини. — Пойдем, тебе надо отдохнуть. Ты напугался и устал.

Чарли оглянулся на огромное зеркало и понурился.

— Получается, что стена прошлого разбилась из-за меня.

— Только наружный слой, — успокоил его пианист. — Стены крепкие, толстые, что им какой-то удар старым башмаком! — Он наклонился и надел ботинок на левую ногу, затем тщательно завязал шнурки и взял у Билли свечу, вернее огарок. — Идемте, мальчики.

Вернувшись в комнату пианиста, они обнаружили, что уже светает — сквозь зеркальные стены пробивались лучи утреннего солнца. Шторм утих, и мистер Терцини сказал, что день будет погожий.

— Если отправитесь сейчас, то доберетесь благополучно — прилив вынесет вас обратно в бухту, — заявил он.

— Но вы-то с нами поедете? — взмолился Чарли, который никак не мог решить, называть пианиста на «ты» или на «вы».

— Я не осмеливаюсь, — развел руками мистер Терцини.

— Но почему? С нами вы будете в безопасности, — пообещал Чарли. — Вы должны вернуться. Моя мама вас ждет, и вообще...

— Твоя мама? Выходит, я женат? — изумленно спросил мистер Терцини.

— Конечно! Откуда я, по-вашему, взялся? — негодуя спросил Чарли.

Сердился он потому, что нервничал. Разговаривать с человеком, потерявшим память, оказывается, ужасно трудно. Что же делать-то? Вот так положение! Чарли стало страшно. Найти папу, который тебя не помнит, проделать такой путь — и все ради того, чтобы оставить его в заточении на этом острове и больше никогда не увидеть? Ведь если бабушка Бон проведает, что Чарли здесь побывал, она с сестрицами утащит пленника в какое-нибудь тайное логово, и ищи его потом! Чарли схватился за голову.

На помощь ему пришел Билли.

— Мистер Терцини, без вас нам не справиться с лодкой! — испуганно вытаращив глаза, затараторил он. — Я грести не умею, мне даже весло не поднять, а Чарли по дороге сюда совсем выдохся. Смотрите, он все руки стер! Как же мы без вас?

Его слова возымели действие. Мистер Терцини решительно пригладил непокорную темную шевелюру.

— Что ж, это аргумент, — согласился он. — Наверно, и впрямь будет лучше, если я отправлюсь с вами.

Втроем они пересекли двор, и мистер Терцини подвел мальчиков к двери, утопленной в зеркальной стене, окружавшей замок. Один толчок — и дверь распахнулась, и вот они вновь стоят у подножия наружной стены. Мистер Терцини аккуратно затворил дверь, и она мгновенно слилась со стеной.

— Открывается только изнутри, — объяснил он мальчикам, — а войти снаружи можно лишь через тоннель.

Чарли представил себе, как тетка Юстасия, пыхтя, протискивается в лаз, а затем ползет на карачках по тоннелю, и хмыкнул. Эта картинка подействовала освежающе.

По дороге к берегу Чарли рассказал Билли о том, как беловолосый мальчик Оуэйн спрятался в колодце.

— Наверно, только это его и спасло. Он пересидел пожар, а потом уплыл на материк вместе с вороном. Он умел разговаривать с воронами и грифами, вот откуда взялась твоя фамилия и фамилия твоего опекуна, Кристофера Карквилла. Вы родня.

— Значит, тогда я могу поселиться с мистером Карквиллом? — с надеждой спросил Билли.

Чарли помедлил с ответом. А что тут скажешь, если бедный мистер Карквилл подвергается еще большей опасности, чем Билли?

— Я спрошу дядю, он придумает, как быть, — наконец пробормотал Чарли, чтобы не разочаровывать Билли.

Мистер Терцини в разговоре не участвовал — он бодро шагал впереди.

— Я каждый день гуляю по берегу — для моциона! — обернувшись, сказал он. — Свежий морской воздух полезен, помогает держаться в форме. Так что, полагаю, грести я смогу.

К счастью, лодка по-прежнему была на месте — шторм не унес ее в море, а, наоборот, выбросил на берег дальше, чем смогли втащить Чарли с Билли. Вместе с мистером Терцини они столкнули лодку на воду. Мальчики поместились на корме, а мистер Терцини, поплевав на ладони, взялся за весла. Поскольку он сидел спиной к далекой бухте, окруженной скалами, то не видел две фигуры на берегу, которые первым заметил Чарли. Заметил — и душа у него ушла в пятки. Кто это? Эх, бинокль бы! Кто там караулит? А вдруг тетки? Билли проследил взгляд Чарли и вцепился ему в рукав.

— Они за мной! — захныкал он. — Я же говорил, мне надо было остаться на острове!

— И чем там безопаснее? Успокойся, может, это и не тетки. И не Блуры.

Мистер Терцини оглянулся.

— Вот вы о ком... Чарли, ты не видишь, кто это? Хочешь вернуться в замок?

Чарли сощурился и вздохнул с облегчением.

— Нет, плывем к берегу. Кажется, я знаю, кто это. Да, точно. — Теперь он различал долговязого темноволосого человека в черном плаще. — Это дядя Патон. Второго я не знаю — маленький такой, сутулый. Вряд ли он опасен.

При виде знакомой фигуры дяди Патона у Чарли камень с души свалился, и мальчик радостно запрыгал на скамейке. Лодка заходила ходуном.

— Эй, осторожнее! — приструнил его мистер Терцини. — Ты нас утопишь!

Он стал грести быстрее, и, благодаря приливу, лодка стремительно приближалась к берегу. Чарли не терпелось представить

дяде Патону узника Зеркального замка: дядя ведь всегда дружил с папой и уж он точно поможет мистеру Терцини вспомнить свое подлинное имя — и все остальное.

— Дядя Патон! — Чарли вскочил и сложил ладони рупором. — Угадайте, кого я нашел! — Ветер отнес его слова прочь.

— Я вижу, ты везешь Билли Грифа, — громко ответил дядя, подбежав к самой кромке воды. — А я с мистером Карквиллом!

— Да я не о том! — Чарли готов был выпрыгнуть из лодки от нетерпения.

Мистер Терцини опять оглянулся через плечо на берег, но дядя Патон ничем не показал, что узнает его. Наконец лодка ткнулась носом в песок и мальчики с пианистом выбрались на сушу. Чарли галопом помчался к дяде:

— Смотрите, кого я привез! Я нашел папу!

Дядя Патон смерил мистера Терцини озадаченным взглядом, потом вздохнул и повернулся к племяннику:

— Чарли, это не твой папа. Чарли онемел.

— Меня зовут Альберт Терцини, — пианист протянул дяде руку. — Приятно познакомиться.

Дядя назвал и представил мистера Карквилла. Все они держались так, будто видели друг друга впервые.

У Чарли подкосились ноги, и он плюхнулся прямо на мокрый песок. Глаза застилала слезы, он как сквозь пелену видел, как мистер Карквилл обнимает Билли, мистер Терцини показывает на далекий остров и дядя удерживает его за рукав — наверно, уговаривает не возвращаться в замок. Но слов Чарли не разбирал, они все слились в какой-то гул. Он закрыл глаза.

— Чарли, ты идешь? Что с тобой? — окликнул его дядя Патон.

Оказывается, вся компания уже направилась прочь с пляжа. И все довольные, радуются!

— Да, сейчас иду, — стараясь не разреветься, буркнул Чарли и бегом нагнал дядю. Тот мягко обнял мальчика за плечи и потрепал по голове.

— Я понимаю, для тебя это удар, друг мой. Сочувствую.

— Ничего, я сам виноват, — хлюпнул носом Чарли. — Вбил себе в голову, что это папа, а в глубине души понимал, что нет.

— Когда-нибудь мы обязательно найдем Лайелла, — утешил его дядя. — Альберт, подождите, я вам помогу!

Вдвоем они затолкали лодку подальше в пещеру, а потом дядя Патон повел всех к незаметной тропинке, которая вела по скалам в другую бухту и наверх. Ага, оказывается, выход отсюда все-таки есть, понял Чарли, напрасно мы с Билли вчера так метались! Он тяжело вздохнул и почувствовал, что страшно устал от приключений, переживаний, моря, лодок, скал и особенно крутых подъемов. Этот последний его просто доконал. Шедший впереди дядя Патон обернулся и взял Чарли за руку.

— Ты бы видел, как мы тут спускались с мистером Карквиллом! — стараясь подбодрить Чарли, сказал дядя. — В основном на пятой точке.

Чтобы не разочаровывать дядю, Чарли заставил себя улыбнуться. Потом оглянулся на Зеркальный замок, но остров уже почти скрылся в тумане вместе со всеми своими тайнами и со стеной, хранящей прошлое. Внезапно Чарли почувствовал прилив сил. «Ничего, — упрямо подумал он, — я еще вернусь на остров и еще слазаю в зеркало!»

— Осторожнее, Билли, осторожнее! — то и дело повторял впереди мистер Карквилл. — Держись за меня. Не смотри вниз.

Когда вся компания выбралась наверх, Чарли бросил прощальный взгляд на бухту. Да, прилив, что надо — пляжа уже не видно.

Мистер Терцини осторожно тронул Чарли за плечо и заглянул ему в лицо:

— Поверь, мне очень жаль, что я не твой отец.

— Да ладно, — пробормотал Чарли, испытывая неловкость. — Зато мы вас вытащили.

Впереди показалась дорога, на обочине которой дядя Патон оставил свой автомобиль. Вдруг прямо из-под ног у путников с паническим воплем метнулась какая-то птица. Чарли вытянул шею, чтобы посмотреть, что ее спугнуло.

— Так, — сказал дядя Патон и замедлил шаг.

Прямо перед ними темнело нечто непонятное, похожее на скрюченного великана.

— Откуда здесь дерево? — удивился дядя. — По дороге сюда я его не видел. Не могло же оно вырасти в наше отсутствие, в самом-то

деле! — Он зашагал быстрее, остальные заторопились за ним.

В нескольких шагах от загадочного дерева Чарли резко остановился — почему-то ему не хотелось подходить ближе. В этом дереве было что-то неприятное. Корявое, ветки и корни скрючены, как старческие пальцы, ствол прогнит и покрыт какими-то уродливыми наростами, а вместо листьев — тонкие почерневшие иглы.

— Черный тис, — голос дяди Патона дрогнул, и Чарли услышал в нем ужас.

Вдруг ветви тиса зловеще зашуршали, и прямо из ствола проступило злобное лицо. Черные иглы дождем посыпались наземь, тис распрямился и медленно превратился в фигуру высокого человека.

Танталиус Мармор!

Путники оцепенели.

Чарли не верил своим глазам. Это что же получается — Танталиус Мармор умеет менять обличья вроде Беллы Доннер, она же Иоланда Юбим?

Тонкие губы мистера Мармора сложились в неприятную улыбочку.

— Вот мы и встретились вновь, Патон Юбим, — прошипел он.

— Вы кто? — спросил дядя Патон.

— Брось притворяться. Не прикидывайся, будто эта встреча для тебя неожиданность. Я тебя предупреждал: обидишь мою Иоланду — поплатишься жизнью. Предупреждал?

Патону этот голос показался знакомым, но шел он как будто из-под земли.

— Ты убил мою деточку! — зарычал тот, кто принял облик Мармора.

— И поделом, — бесстрашно ответил дядя Патон. — Твоя доченька была чудовищем. Как и ты, Джорат.

Многоликий колдун испустил вопль ярости и бросился на дядю Патона. Чарли тихо ойкнул — он понял, что сейчас произойдет. Джорат готов погибнуть сам, лишь бы сбросить дядю со скалы! Ну, уж нет! Чарли изо всех сил впился в дядин рукав, чтобы не дать ему сдвинуться с места, но дядя почему-то оторвал его от себя и сделал шаг вперед. И еще шаг.

Мальчики и мистер Терцини оцепенели.

Вдруг сгорбленная, щуплая фигура кинулась к Джорату и набросилась на него с кулаками. Кристофер Карквилл! Ярость и отчаяние придали бывшему узнику небывалую силу, и Джорат попятился — мистер Карквилл одолевал его. Мгновение-другое враги боролись на краю скалы, а потом — так быстро, что никто не успел вмешаться, — рухнули вниз.

Раздался пронзительный крик, и наступила тишина.

Дядя Патон одним прыжком оказался на краю пропасти, где только что раскачивались две фигуры. Когда Чарли и Билли шагнули, было за ним, он распростер руки и резко скомандовал:

— Назад!

Но Чарли уже успел увидеть пенные волны, бьющиеся о черные скалы. Волны — и над ними парила черная птица. Ворон? Или колдун в очередном обличье?

— Бедный Кристофер погиб, спасая мне жизнь, — хрипло сказал дядя Патон.

— Но зачем он это сделал? — тоненько крикнул Билли. — Он же... он же был моим единственным родственником! И опекуном! Ну вот, у меня опять никого не осталось!

— У тебя есть мы, — не слишком убедительно утешил его Чарли.

— Почему? — покачал головой дядя Патон. — Бессмысленный подвиг. — Он тяжело вздохнул и расправил плечи. — Все, здесь нам больше делать нечего. Поедем, а по дороге я сообщу в полицию.

Они молча зашагали к автомобилю дяди Патона. Мальчики устроились на заднем сиденье, а мистер Терцини сел рядом с водителем. По дороге дядя объяснил пианисту, кто такой Джорат Юбим.

— Своего тела у него уже давно нет, поэтому колдун вынужден каждый раз воплощаться в чужое, а иногда он даже использует для этого животных. Дочка его Иоланда была ничуть не лучше: когда-то она убила мою мать, а недавно покушалась на жизнь еще одного дорогого мне человека.

— Она пыталась убить мисс Ингльдю, — шепотом объяснил Чарли другу, но заплаканный Билли отодвинулся от него в угол и дрожал, как мокрая мышь.

— Похоже, вы правы, эта Иоланда и впрямь была чудовищем.

— Да, и я ее казнил, — сухо ответил дядя Патон.

Если это сообщение и потрясло мистера Терцини, он никак не проявил своих чувств. Похоже, к пианисту начала возвращаться память — и, судя по выражению его лица, ничего хорошего он не вспомнил. Во всяком случае, рассказ о злодействах колдуна Джората и его дочери мистера Терцини ничуть не удивил. Должно быть, он еще и не такого навидался.

Через какое-то время впереди показалось небольшое кафе на окраине приморского городка. Погода была теплая и солнечная, так что дядя Патон решил устроиться за столиками на открытом воздухе. Он попросил Чарли заказать на всех кофе, сок и бутерброды, а денег дал столько, что хватило бы на всех. Билли как пришитый последовал за Чарли внутрь кафе. Тут было темновато и горело несколько ламп под абажурами.

— Хорошо, что твой дядя остался снаружи, — заметил Билли, толкнув Чарли локтем.

— Что? — переспросил тот, поскольку уже начал перечислять заказ хозяйке за стойкой — симпатичной женщине с фиолетовыми крашеными волосами. — Тьфу, ты меня сбил. Не болтай лишнего! — Чарли строго посмотрел на Билли.

— Ой, извини, я не хотел... — расстроился малыш.

Чарли как можно любезнее улыбнулся хозяйке, та ответила несколько удивленной улыбкой, повторила заказ и ушла на кухню, зашуршав занавеской из бус.

Мистер Терцини сидел за столиком под тентом в одиночестве. Дядя Патон, оказывается, пошел искать телефон-автомат, чтобы позвонить в полицию.

— Вон он, в будке, на той стороне улицы, — сказал мистер Терцини. — Ужасная история.

— Но польза от нее тоже есть, — не подумав, брякнул Чарли. — Джорат ведь тоже погиб!

Мистер Терцини покачал головой, а Билли бросил на Чарли мрачный взгляд. Вскоре официантка в коротеньком черном платье принесла поднос с заказом, и тут же появился дядя Патон — крайне расстроенный.

— По-моему, в полиции решили, будто я их разыгрываю. Не знаю, что и делать. — Он жадно отпил сока и виновато глянул на Билли. —

Охо-хо, и как я теперь посмотрю в глаза Элис? Она же с ума сойдет от горя.

— Как я, — тихо пробормотал Билли, водя пальцем по краешку бутерброда, который не лез ему в рот.

— Билли, мальчик мой, — погладил его по белым волосам дядя Патон, — я понимаю, что это слабое утешение, но хочу сказать тебе следующее. Твой опекун о тебе очень заботился и переживал. Наверно, у него были веские причины так поступить — принести себя в жертву. Он семь лет ждал встречи с тобой, надеялся, что вы поселитесь вместе. И вряд ли отказался бы от этой возможности из-за пустяка.

— А-а, — только и сказал Билли. Мистер Терцини с отстраненным видомпил кофе и почти ничего не ел. В разговоре он не участвовал и, кажется, даже не слушал говорящих. Похоже, было, что мысли его блуждают где-то далеко. Допив кофе, он извинился и ушел в туалет.

Прошло пять минут, десять, пятнадцать. Дядя Патон забеспокоился и послал Чарли на поиски. Тот вернулся бегом, взбудораженный: мистер Терцини исчез.

— Ты уверен? — нахмурился дядя. — Вот что, схожу сам проверю.

— Дядя, не надо, там полно лампо...

Но дядя Патон уже скрылся внутри кафе. Чарли втянул голову в плечи и стал обреченно ждать. Вскоре в кафе послышались громкие голоса. Какой-то мужчина звал хозяйку:

— Сью! В мужском туалете погас свет! Все лампочки полопались! Скорее иди, подмети!

Дядя Патон рысцой выбежал на улицу, красный от смущения.

— Ну вот, опять! — недовольно пробурчал он. — Ладно, все равно никто не понял, что это я. Пришлю им потом денег.

Тут к столику подошла раздраженная неприятностями хозяйка.

— Это вы мистер Патон Юбим?

— Да, а что? — Дядя занервничал.

— Ваш приятель оставил вам записку, — Она сунула дяде сложенный листок и удалилась, сердито бормоча: — Вот только мне и дел, что носить записки да выметать осколки!

Дядя Патон развернул записку, пробежал ее глазами и поник.

— Этого следовало ожидать. Бедняга, — глухо сказал он.

— Что случилось? — испугался Чарли.

— На, прочти, — дядя передал ему листок. — Только не вслух, ради всего святого!

Дорогой мистер Юбим, я был искренне счастлив, познакомиться с Вами, Чарли и Билли. К сожалению, наши пути должны разойтись. Умоляю всех вас — не ищите меня. Так будет лучше. Возможно, мы когда-нибудь встретимся вновь при более счастливых обстоятельствах. Простите, если что не так.

*Ваш преданный друг,
Альберт Терцини (так называемый).*

Билли читал записку через плечо Чарли и дышал ему в ухо.

— Ой-ой-ой, — вырвалось у него.

— Куда же он пойдет? — расстроился Чарли. — Альберт даже не помнит, кто он!

Дядя Патон пожал плечами.

— Чарли, мистер Терцини — талантливый пианист. Уверяю тебя, он не пропадет. Конечно, жаль, что он исчез не попрощавшись, я был готов ему помочь, но... он сам так решил. Может, мы его напугали. Едем.

Им предстоял долгий путь домой. По дороге Чарли вспомнил, что надо бы рассказать дяде о путешествии с королевой Береникой. Внезапная гибель Кристофера Карквилла так подействовала на Чарли, что он забыл обо всем на свете и только теперь обратился к дяде:

— Дядя, а вы даже не поинтересовались, как мы с Билли добрались до Зеркального замка.

— А я все знаю, — преспокойно отозвался тот, — если ты, конечно, имеешь в виду белую лошадь. Мне позвонил ваш приятель Танкред и поведал обо всех ваших приключениях. Просто соловьем разливался — о бурях, о битвах, о клятвах, о котах. Прямо целый роман. Нет-нет, не обижайся, было интересно, просто ваш Танкред мне и слова не давал вставить. Да-а, натерпелись вы за эти дни, как я погляжу.

— Натерпелись? — подал голос Билли.

— Страха. Приключений. Переживаний. Измотались, наверно?

— Вот именно, — тихо отозвался Билли.

— Мальчики, я должен вам сказать... — начал дядя Патон, потом осекся. — Впрочем, как-нибудь потом.

«Интересно, о чем дядя хотел нас предупредить? — озадачился Чарли. — И почему раздумал? Наверно, решил, что на сегодня нам хватит. Непонятно. Вообще столько всего непонятного...»

— Знаете, дядя Патон, а королева увидела остров и убежала, — вспомнил он. — Хотел бы я знать, куда она делась.

Услышав про королеву, Билли приободрился и даже заулыбался.

— Она обещала, что не бросит нас, — заявил он. — Думаю, она вернется. Она вроде как считает, что должна за нами приглядывать.

В голосе Билли звучала надежда, и Чарли ему даже позавидовал: лично он уже ни в чем не был уверен. Боковым зрением Чарли заметил какой-то огонек и обнаружил, что на рукаве у него сидит серебристо-белый мотылек.

— Ой, дядя Патон, я еще кое-что вспомнил! Я нашел волшебную палочку. То есть она сама нашлась — видите мотылька?

— Чтоб меня разорвало! — пораженно воскликнул дядя Патон. — Чудеса в решете, да и только. Уж не знаю, чего ожидать следующим номером.

От присутствия мотылька-палочки Чарли сразу стало спокойнее. Он лишь теперь ощутил, до чего же измучен и расстроен.

— Дядя Патон, вы только не говорите маме, что я ошибся, хорошо? — попросил он. — Ну, насчет папы и мистера Терцини.

— Конечно, мальчик мой, зачем ее огорчать. Я буду нем как рыба, — пообещал дядя Патон.

— Вообще-то рыбы тоже разговаривают, — поправил его Билли и затих, погрузившись в свои невеселые мысли.

Глава 18

УТРАТА РАВНОВЕСИЯ

Когда они добрались до города, уже стемнело. Однако, к недоумению Чарли, дядя Патон поехал не на Филберт-стрит, а к дому Фиделио Дореми — хорошо знакомому Чарли огромному и шумному дому.

— А сюда нам зачем? — спросил Чарли, когда автомобиль затормозил.

— По-моему, это самый подходящий вариант, — ответил дядя, кивнув на Билли.

Билли вздрогнул. Он всю дорогу молчал — устал и отчаялся гадать, куда же ему теперь деваться. Конечно, хорошо было бы поселиться у Чарли, но там ведь бабушка Бон, а он, Билли, не хомячок, его не спрячешь.

— Мне придется жить здесь? — спросил он.

— На мой взгляд, лучше места не придумаешь, — ответил дядя Патон. — Кстати, родители Фиделио давно согласны. Их семеро детей поднимают такой гвалт и так мельтешат, что тебя будет не видно и не слышно. Эту идею подал мистер Карквилл. — Дядин голос потеплел. — Правда, замечательно придумано? Видишь, Билли, он все время о тебе беспокоился.

Вот тут-то Чарли, наконец, понял, почему Кристофер Карквилл пожертвовал собой ради дяди Патона. Тюрьма подорвала его здоровье, и мистер Карквилл понимал, что не сумеет защитить Билли, потому что ему, слабому и больному, просто не справиться с всесильными Блурами. А вот Патон Юбим со своим грозным даром сможет постоять за сироту, и еще как! Так что мистер Карквилл спас дядю Патона, чтобы тот взял Билли под свое крыло.

Билли обдумал идею поселиться у Дореми и заметно повеселел.

— Я уже как-то гостил у Фиделио, мне понравилось, — сообщил он.

Как только все трое вышли из автомобиля, на них обрушилась волна разнообразных звуков, по большей части имевших отношение к музыке. Семейство Дореми непрерывно репетировало — играло на

музыкальных инструментах и пело, да так громко, что с улицы было слышно. Гудели духовые, стучали барабаны, плакали струнные, а мощный бас мистера Дореми и пронзительное сопрано его жены перекрывали все инструменты. Дом ходуном ходил.

— И как только стены не рухнут, — усмехнулся дядя Патон, нажимая кнопку звонка.

— ДВЕРЬ! ДВЕРЬ! ДВЕРЬ! — загремела магнитофонная запись в глубине дома. Это был единственный звонок, которому удавалось пробиться сквозь какофонию.

На пороге возник Феликс, старший брат Фиделио.

— Чарли! — обрадовался он. — Фиделио так за тебя волновался! Куда ты пропал?

— Потом расскажу, это длинная история, — пообещал Чарли и вытолкнул перед собой Билли. Феликс поспешно захлопнул за ними дверь, бросив дяде Патону краткое «извините».

— Погодите-ка, а дядю Патона впустить? — спохватился Чарли. — Ой, только сначала выключите везде свет!

— Я поэтому и закрыл дверь, — пояснил Феликс и побежал гасить лампочки, вопя: — Внимание! Тревога! Туши свет! Папа! Мама! Пришел мистер Юбим! Тушите свет!

Родители, кажется, его не слышали — они пели дуэтом на кухне.

Когда свет во всем доме погас, Феликс открыл дверь и, еще раз извинившись, впустил дядю Патона.

— Мам, пап! — позвал он. — Пришел Патон, Победитель Лампочек!

В темноте прихожей Чарли не видел лица дяди, но по смущенному покашливанию догадался, что тот побагровел.

— Кто-кто-кто-кто-кто? — пропела миссис Дореми в гамме си-мажор, высываясь из кухни. Сквозь приотворенную дверь просочилась полоска света.

— ПАТОН ЮБИМ! Я же сказал, мам, туши свет! — прокричал Феликс.

— Сию минуту! — пропела миссис Дореми и скрылась на кухне.

— Гасим, гасим, гасим свет! Света нет — и взрывов нет! — пропел мистер Дореми, но, наступив в темноте на хвост глухой кошке, немзыкально чертыхнулся. Кошка недовольно заорала.

Миссис Дореми зажгла свечу и ввела Билли в кухню.

— Нашелся, бедолага, — ласково сказала она, — ну, добро пожаловать. Мы тебя спрячем, лапочка. Народу у нас много, музыки еще больше, тебя никто не заметит.

Она усадила гостей за стол и угостила своими фирменными бутербродами — как всегда, сделанными по каким-то невообразимым рецептам вроде бананов с бараниной. Феликс тем временем рассказал, что новенького в академии. Он недавно получил диплом и собрался со своей группой на гастроли, как вдруг директор академии попросил его заменить учителя музыки, который куда-то исчез.

— Фамилия учителя — Мармор, — сказал Феликс.

— Знаем, — откликнулся Чарли.

— Мне предложили такую сумму, что я не устоял, — признался Феликс.

— Еще бы. А что еще нового? — поинтересовался дядя Патон, рассматривая бутерброд с сыром и клубникой.

— Даже не знаю, как сообщить, — вздохнул Феликс. — Габриэля Муара отвезли в больницу. С ним что-то стряслось, он до сих пор не пришел в сознание.

— Но в чем дело? — спросил Чарли.

— Точно не знаю, говорят, это из-за какого-то плаща... — развел руками Феликс. — А другой ваш друг, громовержец...

— Танкред! А с ним что? — Чарли уронил бутерброд, которым немедленно заинтересовалась кошка.

— Слетел с катушек. Мечет громы и молнии — разумеется, в буквальном смысле. Причем почему-то исключительно на друзей. Вот Фиделио ходит промокший до нитки, Лизандр тоже, а бедняжке Эмме обожгло пальцы молнией.

— Пальцы! — ахнул Чарли.

Какая муха укусила Танкреда? Он же прекрасно знает, что в прошлом году Эмма сражалась с Иоландой и та чуть не искалечила ей руки! И вообще, почему он вдруг стал строить друзьям такие каверзы? Надо срочно возвращаться в академию и разбираться, в чем там дело! Нечего и мечтать об отдыхе (по дороге со взморья Чарли подумывал, как бы отпроситься из школы и недельку посидеть дома). Вдруг в голове у Чарли отчетливо прозвучали слова кухарки: *«Я — краеугольный камень этого дома. Когда б не я, вы все рухнули бы вот тьму»*.

Значит, с кухаркой тоже что-то случилось. Но что?

— Нас трое против шестерых. Это если минус Танкред. А если плюс Манфред, то против семерых, — пробормотал он.

— Ты это о чем, друг мой? — насторожился дядя Патон.

Чарли поднялся:

— Мне срочно надо в академию.

— Но не сегодня же, Чарли! — возразил дядя. — Мы не успеем до отбоя. Может, тебя даже не впустят.

— Тогда завтра с утра, и чем раньше, тем лучше, — твердо сказал Чарли. — Надо будет — пешком дойду.

— Зачем же пешком, — вмешался Феликс, — я тебя подвезу. Я же теперь у вас преподаю, забыл?

— Спасибо! — обрадовался Чарли. Дядя Патон тоже встал и сказал:

— Что ж, нам пора. А где Билли? — спохватился он.

— Я под столом, — отозвался Билли. — С кошкой разговариваю. Правда, она глухая, но ничего, объясняемся. Миссис Дореми, она просила передать, что не любит рыбу!

Все рассмеялись, и Чарли с облегчением понял, что у Дореми его другу Билли будет неплохо. А там посмотрим.

... Едва усталый Чарли перешагнул порог родного дома, как из гостиной до него донесся разгневанный голос бабушки Бон:

— Явился, наглый мальчишка? Не трудись объяснять, мне отлично известно, где ты был.

— Оставьте его в покое, Гризелда! — громогласно вступился за Чарли дядя Патон.

Из кухни, ахая и охая, выкатилась Мейзи и обняла Чарли, а потом передала маме, которая на радостях чуть не задушила его в объятиях. Когда они, наконец, отпустили Чарли, перед ним на столе как по волшебству возникла кружка дымящегося какао.

«Хорошо дома...» — подумал Чарли, прихлебывая какао и щурясь на уютные огоньки свечей, как всегда зажженных вместо электричества из-за дяди Патона.

— Ну, рассказывай! — нетерпеливо потребовала Мейзи. — Где вы были?

— Рассказывать буду я, — заявил дядя Патон. — Чарли с ног валится, сами видите. Допивай какао и иди спать, друг мой, а то ты

заснешь носом в кружку.

Чарли ничуть не обиделся: глаза у него и правда, слипались. Кроме того, за эти два дня столько всего произошло, что приключения уже слегка перепутались у него в голове. В самом деле, пусть дядя Патон рассказывает! Он умеет.

Последнее, что увидел Чарли, прежде чем провалиться в сон, был серебристо-белый мотылек, который опустился на ночной столик у его постели и сложил светящиеся крылышки.

Феликс Дореми сдержал слово: утром он подъехал к дому номер девять по Филберт-стрит, как раз когда Чарли доел завтрак.

— Кто там еще? — сердито спросила бабушка Бон, увидев у крыльца потрепанный юркий автомобиль «рено».

— Кто бы там ни был, вас это не касается, — осадила ее Мейзи.

Разумеется, старуха Бон рано или поздно все равно бы выяснила, кто отвозил Чарли в школу тем утром. Как именно она вышла на след Билли, Чарли так никогда и не узнал — возможно, все началось именно с появления Феликса — ведь, скорее всего, Блурам и в голову не приходило, что беглец Билли может скрываться в шумном доме Дореми. Забираясь в машину, Чарли зябко пожал плечами: ему было не по себе. Если Блуры выследят Билли и начнут мстить семье Фиделио, страшно подумать, что будет.

Войдя в актовй зал, Чарли сразу ощутил, что воздух прямо трещит от напряжения. Фиделио беззвучно аплодировал другу — мол, молодчина, — но остальные ученики академии смотрели на Чарли так, будто за прошедшие два дня у него выросла лишняя пара рук. Ничего себе, похоже, все уже знают о бегстве Билли!

Поговорить с Фиделио удалось только на перемене.

— Не знаю, кто протрепался, но о ваших с Билли приключениях уже известно всей школе, — сообщил Фиделио. — Представляешь, говорят, будто тебя исключили.

— Лучше уж я тебе расскажу всю правду, — предложил Чарли.

— Давай, только пойдем подальше, к руинам, а то еще кто-нибудь подслушает, — согласился Фиделио. — Обычно говорят, мол, у стен есть уши, а в нашем заведении уши, по-моему, есть даже у деревьев.

Вскоре их нагнал Лизандр — поникший и расстроенный, он до сих пор не мог прийти в себя после того, как нашел бесчувственного

Габриэля, одетого в плащ мистера Пилигрима, на полу в музыкальной башне.

— Понимаешь, Чарли, мне сразу не понравилось, что Габи пошел туда один. А тут еще Фиделио вспомнил, что видел, как эта гадина Доркас Мор несла в башню плащ. Ну вот, поднимаюсь наверх, вижу — лежит Габриэль, весь белый, и не дышит. Я побежал за мистером Солтуэзером, а он вызвал «скорую».

— И правильно сделал, что именно за ним, — мрачно сказал Фиделио. — Пронюхай обо всем мадам Лукреция, бедняга Габи и до больницы бы не доехал.

— Думаешь, она бы его?.. — От ужаса Чарли даже договорить не смог. Он, конечно, давно уже убедился, что его тетки способны на любое злодейство, но каждое новое доказательство их коварства все равно его пугало.

— А еще сегодня ночью было что-то вроде землетрясения, — пожаловался Фиделио. — Представляешь, посреди ночи пол заходил ходуном, под землей что-то загремело, а потом все раз — и стихло, и утром никаких следов — ничего не разбилось. Мы так и не поняли, что это было.

— Под землей? — Чарли напряженно насупился.

— Угу. Но и этого мало: ты только погляди, что творится с Танкредом. Новичок его прямо околдовал.

Чарли повернулся туда, куда указывал Лизандр, и увидел, что Танкред с Джошуа Тилпином хохочут над какой-то шуткой... Доркас Мор! Да уж, Тан нашел с кем дружить!

— Но почему Танкред с ними? — потрясение спросил Чарли.

— Магнетизм, — процедил Лизандр.

— У кого магнетизм — у этого клопа? — не поверил Чарли, разглядывая Джошуа. Зубы кривые, сам какой-то дохлый, и к тому же свитер весь грязный, будто его в опавших листьях валяли.

— Мне мама все объяснила про магнетизм, — угрюмо сказал Лизандр. — Это такая штука — или он у тебя есть, или нет. Бывают люди — ни кожи, ни рожи, смотреть не на что, умом не блещут, но окружающих притягивают как магнитом и, соответственно, вертят ими как хотят. Джошуа из них.

— Все равно не понимаю! — развел руками Чарли. — Как он мог? Я про Танкреда.

Раньше он всегда помогал нам, а теперь, выходит, перешел на их сторону? Но почему? На тебя, например, магнетизм ведь не подействовал?

— Я знал, с чем столкнусь, и был готов к отпору, — ответил Лизандр. — Понимаешь, Чарли, магнетизм — очень сильный дар, ты, наверно, почувствовал это на своей шкуре. Мне кажется, это почти как гипноз, только сознания не теряешь. Согласись, когда Джошуа тебе улыбается, то хочется улыбнуться в ответ и подладиться к нему — помимо своей воли. Даже если секунду назад ты его просто ненавидел.

— Вообще-то я не больно с ним разговаривал, но ты прав — что-то такое от него исходит, — со вздохом согласился Чарли. Потом вспомнил про папу и гипноз, расправил плечи, как дядя Патон, и твердо закончил: — Но Джошуа я не поддамся. Фигушки.

Лизандр кивнул и убежденно сказал:

— И Эмма не поддастся.

— Она сильнее, чем кажется, — добавил Чарли. — Нет, но Танкред! Он-то, почему попался на эту удочку? Что же он — слабак?

Лизандр поковырял землю носком кроссовки.

— Понимаешь, Тан — отличный парень, но, честно говоря, немножко тщеславный. И Джошуа сыграл на этом. Так что теперь Танкред все равно, что марионетка у него в руках.

— Он так быстро поддался? Меня же всего два дня не было! — воскликнул Чарли.

С другого конца сада донесся испуганный крик. Одна из первоклашек шлепнулась на землю, сбита с ног здоровенной сучковатой палкой, прилетевшей неведь откуда по воздуху.

Близняшки Идит и Инез с усмешечками наблюдали за плачущей девочкой.

— Это они, зуб даю! — сердито сказал Лизандр. — Еще хуже Зелды, только и знают, что пакостить своим телекинезом исподтишка. О, смотри, Эмма с Оливией! Ой! Что это?!

Девочки бежали к ним со всех ног, а над головой у них неотступно летела небольшая, но самая что ни на есть настоящая грозовая туча, поливая Эмму и Оливию дождем. Те кидались то влево, то вправо, но туча не отставала.

— Прячемся под деревьями! — скомандовал Лизандр и, схватив Эмму и Оливию под руки, потащил их в укрытие.

Чарли помчался за друзьями, но, оглянувшись через плечо, увидел довольное лицо Танкреда и Джошуа, который покатывался со смеху.

— Это он нарочно! — воскликнула Оливия, оказавшись в безопасности. — Чарли, как хорошо, что ты вернулся! Может, хоть ты вправишь Танкреду мозги!

Чарли невесело хмыкнул: он сильно сомневался, что это в принципе возможно, и понятия не имел, как подступиться к делу. Он обвел глазами встревоженные лица друзей. Хорошо, есть на кого положиться! Потом взгляд Чарли упал на руки Эммы, и он зашипел сквозь зубы: каждый палец девочки был обмотан бинтом. Ничего себе молния!

— Слушай, это Танкред тебя так? — недоверчиво спросил Чарли.

— Точно не знаю, — ответила Эмма. — Я просто разговаривала с Оливией в саду, вот как сейчас, и вдруг — бац! — гром, молния, все как кинутся в холл. А мне пальцы как огнем опалило.

— Да, а я смотрю — у Эммы все пальцы будто ошпаренные! — прибавила Оливия.

— Ничего, уже полегче. — Эмма растопырила забинтованные пальцы. — Но доказать, что молнию наслал Тан, я не могу.

— А кому еще это по силам, кроме него? — пробурчала Оливия. — Чарли, ты обязан принять меры.

— Я? — обалдело переспросил Чарли. Все уставились на него.

— Ладно, для начала расскажи, где ты был, — сжалился Лизандр.

Собравшись с мыслями, Чарли рассказал о путешествии в Зеркальный замок. История о Танталиусе Марморе, в тело которого воплотился колдун Джорат, вызвала у слушателей возгласы ужаса, а когда Чарли дошел до гибели мистера Карквилла, девочки чуть не заплакали. Единственное, о чем Чарли умолчал, — это о своих разбитых надеждах относительно мистера Терцини. Ему даже думать об этом было больно.

— Да-а, жуткая история, — подытожил Лизандр. — Интересно, зачем им понадобился мистер Терцини?

— Вот и я не знаю, — отозвался Чарли. — Он такой славный.

— А ты разве его не помнишь? — удивилась Оливия. — Он же выступал у нас весной!

Чарли остолбенел. Он вспомнил тот концерт.

— Ну конечно... — печально протянул мальчик. — Концерт. Известный пианист. Габриэль еще был в восторге. И тот пленник в Сквозняковом проезде у теток! И рояль, который упал с последнего этажа во время пожара! Значит, в плену у теток был Альберт Терцини, а не... Эх, ладно.

— Ох уж мне твои тетки! — Лизандр возвел глаза к небу. — Извини, Чарли, но по ним тюрьма плачет. По-моему, они держали мистера Терцини в плену, прикидывались, будто хотят ему помочь, а на самом деле гребли денежки лопатой, наживались на его концертах.

— Они еще и не то могут, — понуро сказал Чарли, все еще не в силах оправиться от разочарования. — Если подсчитать все их каверзы... — Он махнул рукой.

К концу перемены ливень, насланный Танкредом, кончился, и друзья вернулись в школу.

Чарли решил, что ему необходимо срочно разыскать кухарку. Он не знал, как быть дальше, и надеялся, что мудрая Дара даст ему дельный совет. Однако высмотреть ее в столовой Чарли не удалось, и он забеспокоился: уж не пала ли и кухарка жертвой злых сил, которые, похоже, теперь правили бал в академии?

Вечером, пока все пили в столовой чай, Чарли попросил Фиделио покараулить, а сам проскользнул в кухню.

— Что тебе, мальчик? — удивилась одна из поварих, краснолицая худая женщина.

— Я просто ищу кухарку, Дару, — объяснил Чарли.

— Ей нездоровится, зайчик, она пошла прилечь.

— А-а... Спасибо.

Чарли растерялся. Что предпринять? Он-то знал, что потайной проход в обиталище кухарки замаскирован неприметным шкафом со швабрами, но догадывался, что никто из персонала академии понятия не имеет об уютных комнатах под землей. А может, кухарка где-то наверху, в сырой камерке, которую ей отвели Блуры, полагавшие, будто она так там и живет? Нет, вряд ли.

Выждав, пока повариха отвернется, Чарли пригнулся и спрятался под одним из столов. В двух шагах от него топталась судомойка, но через минуту она, к счастью, понесла гору грязных тарелок в раковину, и Чарли проворнее таракана пробежал к тому самому шкафу со швабрами и юркнул внутрь. перевел дыхание, нащупал крючок,

служивший дверной ручкой, отворил вторую дверь и шмыгнул в темный коридор, который вел напрямиком в комнаты кухарки.

В коридоре царила непроглядная тьма. Странно — обычно кухарка оставляла здесь свет. По спине у Чарли побежали мурашки: что-то было не так. Мальчик на ощупь сделал несколько шагов и замер — пол под ногами почему-то шел под уклон. Впереди слабо мерцал огонек опрокинутой лампы, и Чарли ахнул, разглядев, во что превратилась уютная гостиная. Вся мебель огромной кучей громоздилась в углу, будто съехала по перекошенному полу. Возле холодной нетопленной плиты ничком лежала кухарка, а около нее, скорбно пыхтя, сидел пес Душка.

— Дара! — завопил Чарли. — Вы живы?

Ответа не последовало. Душка вперевалочку подошел к Чарли и ткнулся носом ему в колени. Чарли отпихнул пса и кинулся к лежащей женщине. Та застонала и попыталась сесть. Выглядела кухарка хуже некуда: розовые щеки побледнели, пышные волосы полностью поседели, а сама она как будто похудела и стала меньше ростом.

— Чарли, как хорошо, что ты вернулся, — слабым голосом сказала кухарка.

— Что стряслось? — едва не плача, спросил Чарли.

— Равновесие нарушено. Помнишь, я тебе говорила, что мы должны поддерживать равновесие?

Чарли помог ей сесть.

— Я думал, это вы его поддерживаете, — растерянно выдавил он. — Сами же говорили, что вы — этот, как его, краеугольный камень.

— Без вас мне не справиться, — тихо ответила кухарка. — Вы с Билли исчезли, а этот страшный мальчик-магнит слишком силен. Он побеждает.

— Ой, я же не знал! — повинился Чарли. — Мне надо было отвезти Билли, в Зеркальный замок.

— Да-да, Элис Ангел мне все рассказала. Бедняга Кристофер. Этот Танталиус Мармор с самого начала мне не понравился. Ну-ка, помоги, Чарли.

Спотыкаясь об опрокинутую мебель, Чарли принес кухарке стул, и она, ухватившись за край плиты, поднялась на ноги. Пол был так скошен, что под ножки стула пришлось подложить полку, отвалившуюся от буфета. Наконец кухарка уселась.

— Уф, — выдохнула она, — вот так-то лучше. Душка, молодец, хороший! — Она потрепала пса по ушам. — Не бросил меня.

— А когда это все произошло? — Чарли обвел рукой комнату.

— Ночью в понедельник. Как раз после того, как бедолагу Габриэля увезли в больницу. Знаешь, это неудивительно: силы были слишком неравны, ведь вы с Билли отсутствовали, а Танкред переметнулся на ту сторону.

— Но я же не нарочно! — оправдывался Чарли. — Мне казалось, что показать Билли замок предков — это важно!

Кухарка сердито погрозила ему пальцем:

— Меня не обманешь, Чарли Бон! Ты затеял путешествие не ради Билли. Тебя заботило, как бы найти отца. Более того, ты сам себя убедил, будто твой отец в замке. — Она осуждающе вздохнула. — Словом» все как всегда: сначала делаешь, а потом думаешь. Нет, чтобы наоборот.

— Но я, в самом деле, хотел помочь Билли! — закричал Чарли. — Правда! Честное слово! Просто... и папу тоже хотелось найти.

— Да я тебя не виню, — смягчилась кухарка. — Просто не ври самому себе и другим. Конечно, жаль, что ты не нашел папу.

Чтобы не смотреть ей в глаза, Чарли уставился в пол.

— И что мне теперь делать? — спросил он, надеясь услышать ценный совет.

— Право слово, не знаю. — Кухарка откинулась на спинку стула. — Надо восстановить равновесие. Необходимо найти еще одного одаренного — кого-то, для кого дружба будет важнее собственных интересов. Того, кто займет нашу сторону. Тогда, возможно, все и образуется.

Чарли пошевелил ногой разбросанные газеты.

— Кажется, я знаю, кто у нас скрытый одаренный, — задумчиво сказал он. — Только не хочет признаться себе в этом.

— Что ж, кто бы это ни был, у него должен быть особый, могучий дар, иначе нам не победить. — Кухарка пригладила волосы. — Вот что, Чарли, иди, а то тебя хватятся. Мы с Душкой тут приберемся.

Вынырнув из кухонного шкафа и вернувшись в опустевшую столовую, Чарли обнаружил Фиделию, который сидел одинешенек, изнывая от нетерпения. Краснолицая повариха протирала столы мокрой тряпкой.

— А ты откуда взялся? — напустилась она на Чарли. — Все уже давно ушли.

— Он ходил за тряпкой, — объяснил Фиделио, ловко опрокидывая на стол недопитый чай, прямо в крошки от печенья.

— Ты сам, конечно, не в состоянии ее принести? — рассердилась повариха. — Ох уж эти мальчишки! Мало того что бестолочи, так еще и грязнули. Моя дочка никогда не устраивает такого свинарника. — Она повернулась к Чарли: — Нашел тряпку? Нет? Ладно, брысь, сама уберу! Я же говорю, сущие поросята!

— Мы больше не будем, — пообещал Фиделио и выволок онемевшего Чарли из столовой. Как только они оказались в коридоре, Фиделио сразу спросил: — Ну, выяснил что-нибудь?

— Кухарка нам не поможет. Но она велела найти кого-нибудь, кто восстановит равновесие.

— А луну с неба она достать не велела? — застонал Фиделио. — Найти нового одаренного! Это нереально!

Они уже дошли до холла, посреди которого, сложив руки на груди, высматривал опоздавших Манфред. Чарли понизил голос и шепнул Фиделио:

— Надо — найдем.

Вечер за уроками в Королевской комнате превратился в пренеприятное испытание. Манфред встретил Чарли ехидным: «Как это мило, что ты снова с нами, Бон». Чарли быстро прошмыгнул на свое место подле Эммы, и на него уставились шесть пар враждебных глаз. Танкред сидел на отшибе, как будто соблюдая нейтралитет. Так может, Джошуа еще не подчинил его себе окончательно? Лизандр сидел по другую сторону от Эммы, не поднимая головы от тетради, стараясь ни на кого не смотреть.

Первыми начали задираться близняшки Бранко. Чарли только-только раскрыл учебник, как тот вместе со всеми тетрадками слетел со стола на пол, а Эмму стукнуло по лбу взвившимся в воздух пеналом. Но когда учебник Лизандра вдруг с треском разорвало пополам и одна половинка вспорхнула под потолок, а вторая шлепнулась на колени хозяину, африканец не выдержал.

— А ну убирайтесь прочь, поганки! — рявкнул он и запустил в близняшек половинкой учебника.

Идит и Инез слаженно пригнулись, но не промолвили ни слова и даже не нахмурились. Их бледные фарфоровые личики остались неподвижными. Зато Манфред вмешался:

— Вед, еще раз откроешь рот, и останешься в школе на выходные.

Лизандр буркнул себе под нос нечто нечленораздельное и сел.

Затем наступила очередь Джошуа: мальчик-магнит нацелил на Танкреда свою улыбку, и на Чарли, Эмму и Лизандра пролился мелкий дождик, которого, впрочем, оказалось достаточно, чтобы испортить тетради.

Удивительно, но на сей раз Манфред вступился за них.

— Прекрати фокусничать! — бросил он Танкреду.

Словом, уроки толком приготовить не удалось и из Королевской комнаты Чарли вышел промокший и злой. Следующий день прошел ничуть не лучше, а в ночь на четверг Чарли, лежавшего без сна и ломавшего голову над безвыходным положением, насторожили какие-то посторонние звуки.

Где-то хлопнула дверь. Внизу, во дворе, простучали быстрые шаги. Чарли на цыпочках подбежал к окну и выглянул во двор.

Манфред и завхоз Уидон тащили за шкурку упирающегося беловолосого мальчика.

Билли снова попал в лапы Блуrow!

Глава 19

ТАЙНА ОЛИВИИ

После того как Блуры обнаружили, что Билли скрывается дома у Фиделио, Феликса Дореми немедленно уволили. Правда, он успел поведать о том, как все произошло, брату и Чарли. Глубокой ночью в окно дома Дореми забралось какое-то хищное животное — не то волк, не то гиена, но почему-то с кабаньими клыками. Напугать братьев и сестер Дореми было не так-то легко: появление зверя их, конечно, ошеломило, но уже в следующую минуту они накинулись на незваного гостя и задали ему трепку всем, что попало под руку, — от швабры до барабанной палочки. Однако родители подоспели на помощь слишком поздно: Билли в панике выскочил из дома и попал прямо в руки Манфреда Блура!

— Ну, просто как кролик в силки! — со вздохом закончил Феликс. — Все было подстроено нарочно: отвлечь маму, папу и остальных и напугать Билли.

Не успел он договорить, как на пороге музыкальной раздевалки, где происходил разговор, возник Манфред.

— Вы уволены, — резко сказал он Феликсу, — вам здесь не место.

— Знаю-знаю, — кивнул Феликс, — Ладно, ребятки, я пошел. Удачи! Она вам понадобится.

Подхватив гитару, незадачливый заместитель мистера Мармора проследовал в холл, где его уже поджидал Уидон, в чьи обязанности входило отпирать массивную входную дверь.

— А вы двое марш в класс! Нечего таращиться, — грубо сказал Манфред.

Чарли с Фиделио ничего не оставалось, как повиноваться.

Да, Блуры поймали Билли, но на уроках он так и не появился, и только в пятницу, когда все ученики разъезжались по домам, Чарли мельком увидел понурую, жалкую фигурку в конце одного из многочисленных коридоров. Чарли хотел было помахать Билли рукой, но, прежде чем тот успел заметить друга, возле Чарли как из-под земли вырос Манфред и гаркнул: «Проходи, не задерживайся!»

Домой Чарли прибыл в мрачном настроении. Вечернее чаепитие при свечах было в разгаре, и, поскольку бабушка Бон отсутствовала, Мейзи и мама искренне радовались этому приятному обстоятельству. Только дядя Патон пребывал в задумчивости и сосредоточенно ковырял ложечкой фисташковое мороженое. В конце концов, Чарли добился от него ответа. Оказывается, дядя побывал с печальной вестью у Элис Ангел, и известие о трагическом самопожертвовании Кристофера Карквилла потрясло ее до глубины души.

— Она сама не своя, — сообщил дядя. — Закрывает магазин, решила продать дом и сказала, что на днях уедет из города навсегда.

Чарли чуть не подавился мороженым и не сразу обрел дар речи.

— Нет! — вырвалось у него. — Как это она уедет? Нельзя ее отпускать! Только Элис нас и спасет! На нее вся надежда!

— Я бы очень хотел узнать, что ты имеешь в виду, — с нажимом сказал дядя Патон.

Чарли вздохнул и отложил ложку. Мороженое было такое вкусное, что ему удалось на некоторое время забыть обо всем случившемся на этой неделе. Значит, придется рассказать.

Услышав о похищении Билли, предательстве Танкреда и о том, что произошло с кухаркой, Мейзи, мама и дядя Патон утратили всякий аппетит.

— Надо срочно забрать Чарли из академии! — горячо воскликнула Мейзи.

— Да-да! — поддержала ее мама. — Мне давно уже кажется, что это опасное место, а теперь и подавно.

Дядя Патон нервно расхаживал взад-вперед по кухне, топая так, что чашки и блюда на столе подпрыгивали. Внезапно он остановился и заглянул в глаза Чарли:

— Друг мой, почему ты так уверен, будто помочь всем вам может лишь Элис Ангел, и никто иной?

— Понимаете, дядя, Элис известно, что в нашей компании есть еще один одаренный. Тот, кто в силах нас выручить.

— На кого ты намекаешь?

— По-моему, Оливия тоже одаренная, но... я не уверен. Она то ли скрывает это, то ли не хочет признать, — честно сказал Чарли.

— Ну, так выясни! Срочно! Завтра же! — воскликнул дядя. — Иначе Элис исчезнет навсегда. Ты знаешь, как действовать?

— Понятия не имею, — растерянно промямлил Чарли.

Дядя опять заходил по кухне.

— Значит, так, — на ходу начал он, — завтра тебе надлежит предпринять следующие шаги. Утром пойдешь к Эмме в книжный магазин. Вместе с ней отправишься к вашей Оливии и уговоришь ее сходить к Элис. Не знаю как, это твое дело. Где живет Элис, ты помнишь? Неподалеку от Оливии, маленький такой домик, весь в розах, мы там были.

Чарли закивал.

— А как же Спринтер-Боб? — вмешалась мама. — Чарли всегда навещает его по выходным.

— Попросим Фиделию взять это на себя, — твердо ответил дядя Патон. — Я ему позвоню, только сначала договорюсь с Джулией, то есть с мисс Ингльдю. Тебе все ясно, Чарли?

— Угу, — ответил тот и неудержимо зевнул. — Я постараюсь ничего не перепутать.

— Моль! Нет, мотылек! — Мейзи попыталась что-то смахнуть с плеча Чарли.

— Осторожнее! — хором воскликнули Чарли и дядя Патон.

— Ах ты, боже мой, сколько суеты из-за какого-то мотылька! — Мейзи немножко обиделась.

— Это моя волшебная палочка, — объяснил Чарли.

— Правда? Никогда бы не догадалась! У тебя столько тайн развелось! — Мейзи надула губы. — Кстати, Чарли, раз у тебя есть волшебная палочка, почему бы ей тебе не помочь? В сказках волшебные палочки всегда помогают хозяевам.

— Она мне и помогает, — Чарли бережно пересадил мотылька себе на палец. — Просто не во всем и потихоньку. И вообще, есть такие вещи, которые человек должен решать сам!

Ранним субботним утром в дверь дома номер девять позвонил Фиделио со Спринтером-Бобом на поводке.

— Кажется, этого дядя Патон не планировал, — сказал сам себе Чарли, когда пес протащил Фиделию мимо него напрямик на кухню.

Мейзи обрадовалась четвероногому гостю, перед которым тут же возникла миска с объедками. Мальчиков она решила накормить яйцами всмятку и гренками с маслом. К счастью, бабушка Бон

выплыла из своей комнаты уже тогда, когда Чарли и Фиделио с псом стояли в прихожей.

— Опять эта мерзкая собака? — возмутилась старуха.

Спринтер-Боб, который терпеть не мог бабушку Бон, тут же зарычал и рванулся, стараясь укусить ее за ногу. Бабушка Бон закудаhtала и ретировалась, а Чарли поспешно вытолкнул пса на улицу.

— Я тебя провожу до книжного магазина, — вызвался Фиделио. — Втроем веселее.

У входа в магазин их уже поджидала Эмма.

— Разве мы идем к Оливии все вместе? — удивилась она. — Нет, я не против, просто спрашиваю.

Чарли пожал плечами. Такого в плане не было.

— Мы будем обеспечивать надежный тыл, — солидно сказал Фиделио. — Боб почует Азу — и вообще любых шпионов — раньше нас.

Таким образом, в гости к Оливии явились трое, не считая, собаки. При виде Спринтера-Боба миссис Карусел попятилась.

— Какой большой! — воскликнула она. — А он не кусается? Может, лучше оставить его в саду?

— Не бойся, мам! — крикнула Оливия, высовываясь из своей комнаты. — Боб хороший.

— Ладно, проходите, — согласилась миссис Карусел, впуская гостей в прихожую.

— Поднимайтесь ко мне! — позвала Оливия. Оказавшись на пороге ее комнаты, ребята остолбенели. Ну и беспорядок! На диване, на полу, на стульях и даже на столе были разбросаны кипы одежды, груды обуви, десятки шляп, париков, пригоршни украшений, коробки с гримом.

— Большая ревизия, — объяснила Оливия. — Это барахло мне больше не нужно. Я решила его раздать.

— Да ты что? — ахнул Чарли. — Но это будешь уже не ты — без этих...

— Масок? — подсказал Фиделио. — Ролей?

— Хватит с меня масок, — заявила Оливия. — Хочу быть собой. Я не актриса.

— Ты с ума сошла! — вмешалась Эмма. — Ты всю жизнь была актрисой, ты отлично играешь!

Оливия пожала плечами и резко сменила тему:

— Слушайте, мне вообще-то некогда. Вы просто так или по делу?

Фиделио огляделся, ища, куда бы присесть. Оливия решительно сбросила часть одежды с кровати на пол и сказала:

— Садитесь.

Чарли пустился в объяснения, но на лице Оливии читалось такое нетерпение и она так раздраженно крутила в руках нитку бус, что он постарался быть кратким. Когда рассказ дошел до горестной участи Билли, Чарли показалось, что замкнутое и насупленное лицо Оливии смягчилось. Может, она все-таки согласится помочь?

— Лив, нам всего-то и надо, чтобы ты навестила Элис Ангел, пока она не уехала! — взмолился Чарли. — Она так горюет из-за мистера Карквилла! Представляешь — столько лет помогать человеку, пока он сидит за решеткой, а потом, только он вышел на свободу — и погиб.

— Лив, ну что, тебе трудно в гости сходить? — присоединилась к мольбам Эмма. Оливия вздохнула и глянула в окно:

— В общем, нет. Перелезу через стену.

Фиделио дернул Чарли за рукав. Тот понял: надо было действовать, пока Оливия не передумала. Они спустились в гостиную, где оставили Фиделио, Эмму и пса, а Чарли с Оливией вышли в сад, перебрались через ограду и очутились перед домом Элис Ангел. Чарли постучал в заднюю дверь — никто не ответил. Заглянул в окна — похоже, дом опустел. Оливия обошла дом, позвонила с парадного входа — тщетно. Тут только она заметила, что к воротам прибита табличка «Продается» и побежала к Чарли.

— Элис уехала! Мы опоздали!

— Не паникуй, — отозвался Чарли, топтавшийся у окна, — еще не уехала. — Он приставил ладони щитками к глазам, чтобы рассмотреть внутренность комнат. — Вон, два чемодана и плащ.

— Значит, она где-то в городе, надо ее найти! Скорее! — заторопила его Оливия и первой полезла обратно через садовую стену.

Надо же, удивился Чарли, только что она и слышать не хотела об Элис, а теперь вон как завелась!

Друзья ждали их в саду.

— Ну как? — спросил Фиделио, когда они вернулись.

— Никак. Дома нет, — отчитался Чарли.

— Где же нам ее искать? — Оливия по старой театральной привычке заломила руки.

— Предлагаю прочесать город, — сказал Фиделио.

— Чушь, — резко ответила Оливия. — Город большой, можно хоть неделю прочесывать...

— Кажется, я знаю, как быть, — подала голос Эмма. — Скажите, как выглядит Элис Ангел.

— Красивая, — уверенно произнес Чарли.

— Волосы белые, кудрявые, — добавила Оливия.

— И возможно, у нее будет в руках букет белых цветов, — закончил Чарли.

— Понятно, — кивнула Эмма. — Тогда вот что. Вы, пожалуйста, идите в дом, посидите там, потому что... я стесняюсь. — Она пошевелила все еще забинтованными пальцами. — Ох, не знаю, получится превратиться или нет. Похоже, Джошуа нарочно натравил на меня Танкреда, чтобы я не смогла летать.

— Эм, а может, не надо? — испугалась за подругу Оливия. — Вдруг тебе больно будет или ты упадешь? Это опасно!

— Должна же я, по крайней мере, попробовать! — возразила Эмма. — Идите-идите.

Чарли, Оливия и Фиделио послушно вернулись в дом, таща за собой упиравшегося Спринтера-Боба. Они все чинно расселись в гостиной, стараясь не коситься в окна, но предусмотрительная Эмма скрылась за деревьями, а через минуту из ветвей выпорхнула маленькая птичка и растворилась в небе.

— Полетела, — обрадовался Чарли. — Она найдет Элис, точно вам говорю!

Поначалу Эмме и в самом деле было больно взмахивать крыльями. Но вскоре она поймала теплый попутный ветер, и ей стало легче. Эмма кружила над городом, зоркими птичьими глазами высматривая в толпе женщину с белыми волосами. Она пролетела над Фил-берт-стрит, над Соборной площадью, на всякий случай слетала на Вершины и в сторону Сквознякового переулка, а потом, набравшись храбрости, сделала круг над академией Блура. Снизившись, она заметила, что в саду неподалеку от руин в одиночестве шаркает по опавшим листьям понурый Билли Гриф, а за ним шлепает Душка.

Эмме хотелось утешить Билли, но она побоялась потерять драгоценное время и взвилась в воздух.

Внезапно внизу, в глубине руин, сверкнуло что-то золотое. Силы внезапно оставили Эмму, и она поняла, что падает прямо во внутренний дворик, заросший мхом и плющом. К счастью, ей удалось плавно опуститься на каменные плиты.

Посреди двора росло дерево с ало-золотыми листьями. Ветви его слегка шевелились на ветру и издавали странную музыку, какой Эмма никогда не слышала. А под деревом паслась белая лошадь. Эмма сразу же догадалась, кто это. Лошадь и дерево принадлежали другому миру, иному, таинственному.

Лошадь подняла голову и ласковыми темными глазами посмотрела на маленькую птичку с поникшими крылышками.

— Дитя мое, — сказала лошадь.

— Мне нужно взлететь, — чирикнула Эмма.

— Лети, и да пребудет с тобой удача! — отозвалась королева Береника.

Эмма ощутила необычайный прилив сил и легко поднялась в воздух. Крылья больше не болели! Она с удвоенной энергией продолжила поиски, пока, наконец, не долетела до городского парка. На скамейке в одиночестве сидела кудрявая беловолосая женщина с букетом белых цветов. Эмма удивленно пискнула, и та подняла голову. Какое красивое и печальное у нее было лицо! Конечно, это Элис Ангел! Эмма радостно чирикнула и устремилась в сад к Оливии. Опустившись на мощеную дорожку, она поспешно превратилась в девочку и побежала в дом, крича:

— Я нашла ее! Нашла!

Друзья, изнывавшие от нетерпения, вскочили, Спринтер-Боб взволнованно залаял, точно понял, о чем речь.

— Она в парке, — выдохнула Эмма. — Побежали скорее, а то она уйдет.

К счастью, они успели вовремя: Элис Ангел все так же сидела на парковой скамейке и нюхала белые цветы. Завидев Оливию, которая обогнала даже Спринтера-Боба, Элис обрадовалась и ее грустное лицо прояснилось.

— Оливия! — воскликнула она. — Ты пришла попрощаться?

— Извиниться! — выпалила Оливия. — За все! Извините, что я вам не верила! И... мне страшно жаль, что ваш друг погиб.

Элис поднесла к лицу букет.

— Я хотела положить цветы на его могилу, — тихо сказала она, — но тело так и не нашли. Бедный Кристофер.

— Ужасно, — Оливия хлюпнула носом.

— Но ты пришла, и это замечательно, — продолжала Элис. — Никогда не поздно принять решение. Чарли, это ты привел Оливию?

— Мы все, — отдышавшись после пробежки, сказал Чарли. — И я, и Фиделио — знакомьтесь. А нашла вас Эмма!

Фиделио поклонился, а Эмма смущенно потупилась.

Элис погладила ее по плечу и повернулась к Оливии.

— Значит, ты готова принять свою часть наследства Алого короля? — серьезно спросила она.

— Да, — ответила Оливия.

— И кому бы ты хотела продемонстрировать свои способности? — поинтересовалась Элис.

— Как кому? Другим, конечно.

— А больше никому? — уточнила Элис. — Имей в виду, ты можешь выбирать, на кого направить свой дар.

— Правда? — Оливия посерьезнела, обвела глазами парк — велосипедистов, мальчишек, гонявших мяч, даму с собачкой. — Знаете, пожалуй, пусть пока только ребята видят. Или слышат? Ой, я даже не знаю, что именно умею! Странно.

Спринтер-Боб твякнул.

— Да, и Боб тоже пусть видит. А что мне теперь делать? — растерялась Оливия.

— Просто подумай о чем-нибудь, — объяснила Элис. — Представь себе какое-нибудь явление, только как можно ярче и подробнее. Ни на что не отвлекайся.

— А я в *это* не превращусь? — осторожно спросила Оливия.

— Нет, — Элис улыбнулась.

— Хорошо. Попробую.

Оливия села на скамейку и сжала руками виски. Потом в глазах у нее появился хорошо знакомый друзьям хулиганский блеск. Чарли и компания молчали, затаив дыхание. Даже неутомимый пес успокоился, точно понимал, что сейчас не до игр.

— А теперь посмотри вон туда! — Элис показала на поляну.

Оливия послушно обернулась, за ней остальные. Над поляной клубилось какое-то смутное бесформенное облако.

— Нет, деточка, не совсем так, — мягко сказала Элис. — Сосредоточься, но не напрягайся. Ты слишком стараешься. Все должно происходить естественно.

Оливия кивнула и прикрыла глаза. Облако потемнело и постепенно приняло очертания гигантской фигуры...

Посреди поляны, раскачиваясь на задних лапах и щеря зубы, стоял огромный динозавр — судя по всему, тираннозавр, с длинной шеей, скрюченными в воздухе передними лапами и грозной пастью. От его рева тряслись деревья.

Спринтер-Боб взвыл от страха. Фиделио завопил. Чарли разинул рот и замер на месте, не в силах издать ни звука. Конечно, он понимал, что видит иллюзию, но очень уж убедительной она выглядела.

Первым не выдержал пес — про иллюзии ему никто не объяснил, поэтому Спринтер-Боб поджал хвост и с воем кинулся наутек. Чарли и остальные погнались за ним.

— Вы чего? — крикнул им велосипедист и шлепнулся наземь.

Мальчишки, гонявшие мяч, заорали: «Привидение, привидение!» — и попрятались в кусты. Спугнутая собачка опрокинула мусорную урну, а ее хозяйка негодуя воскликнула: «С ума все посходили!»

— Вернитесь! — звала ребят Элис Ангел. — Он вас не съест, это же просто иллюзия!

Поймав Спринтера-Боба у самых ворот парка, ребята оглянулись. Силуэт тираннозавра все так же нависал над деревьями. А Оливия раскачивалась туда-сюда на скамейке и заливалась истерическим хохотом, не в силах остановиться. Элис обняла ее за плечи и что-то зашептала. Девочка послушно кивнула, перестала смеяться и оглянулась на динозавра, от чего он сразу расплылся в воздухе и превратился в темное облако. Через минуту облако развеяло ветром.

Оливия вскочила со скамейки и, хлопая в ладоши, заплясала по аллее, дрыгая ногами.

— Сейчас будет добавка! — весело крикнула она.

Чарли втянул голову в плечи, но на этот раз ничего страшного Оливия не сотворила. Над парком появились фигуры Безумного Шляпника, Мартовского Зайца и Сони, занятых безумным чаепитием.

Потом они пропали, и на их месте возникла радуга, а когда она растаяла, по газону пронесся конный рыцарь — в полном боевом облачении, на черном жеребце, в алом с золотом плаще. Фиделио и Эмма ахали от восторга. Оливия не просто показывала плоскую картинку: иллюзии, которые она творила, выглядели реально, ведь динозавр рычал, участники чаепития брякали посудой и переругивались, а рыцарь промчался мимо под скрип седла и топот копыт.

Оливия вновь заплясала победный танец.

— Ай да я! Вот я что могу! — выкрикивала она. — Видели? Видели?

— Да уж, зрелище впечатляет, — нагнулся Фиделио к уху Чарли. — Не знаю, как она, а с меня пока хватит.

Спринтер-Боб сидел на дорожке и, поскуливая, дрожал крупной дрожью.

Элис что-то тихо сказала Оливии, и после рыцаря больше никто не появлялся.

— Уф! — Оливия плюхнулась прямо на траву. — Кажется, я выдохлась.

— Для первого раза неплохо, — одобрила Элис, поглаживая перепуганного пса.

Наконец вся компания расселась на скамейке, и Оливия обрушила на Элис град вопросов:

— А почему я раньше не знала, что умею такое? Почему не догадывалась, что я тоже одаренная? Откуда вы об этом узнали? Почему яблоки? Почему у меня не получалось их чистить?

Элис выслушала и спокойно ответила:

— Не так-то просто все это объяснить. Видишь ли, я всегда знала, что в один прекрасный день ко мне обратится за помощью тот, кто не в силах найти самое себя. Такой уж у меня дар. Наверно, он кажется странным? — Она глянула на Чарли.

— По-моему, у одаренных все таланты необычные, — задумчиво ответил тот. — Возьмите хоть Габриэля, хоть Эмму, хоть меня. Да кого угодно.

— Верно, — благодарно улыбнулась Элис — Так вот, однажды мне заказали украшение комнаты для крестин одной девочки. Ее маме так понравились мои букеты, что она предложила мне принять участие

в празднике. Я тогда понятия не имела, что этот день изменит всю мою жизнь. Ну а потом принесли малышку, и все столпились вокруг нее и начали ахать и восхищаться.

— Я была такая хорошенькая? — обрадовалась Оливия.

— Честно говоря, кругленькая и розовая, как поросенок, — ответила Элис и строго покосилась на Чарли с Фиделио, давившихся от смеха. — Но это было совершенно не важно, потому что, увидев тебя, я сразу поняла, что ты особенная. Хотя ты просто лежала в белой колыбельке и пускала пузыри. И еще я сразу догадалась, что пройдет двенадцать долгих лет, прежде чем ты смиришься со своими способностями.

— А как вы догадались? — поразилась Оливия.

— Ты не поверишь.

— Мы поверим чему угодно! — встрял Чарли. — Расскажите! Ну, пожалуйста!

— Хорошо, расскажу, — согласилась Элис Ангел. — У меня в саду растет яблоня, но поскольку ее ветка свешивается к вам в сад, то она и твоя тоже, Оливия. В день твоих крестин на ветке было ровно тринадцать яблок и... — Элис помедлила и продолжала так тихо, что ребятам пришлось наклониться к ней. — И у меня в голове прозвучал голос, сказавший: «В свой тринадцатый год да примет она свое наследство с благословением».

— Ой! — вырвалось у Оливии. — Мне же, как раз вот-вот исполнится тринадцать! А яблоки... они у меня не чистились, потому что я упиралась и не хотела верить, что тоже одаренная.

— Видимо, так оно и есть, — кивнула Элис — Надеюсь, теперь ты довольна, Оливия.

— Ну конечно! — улыбнулась девочка. — Только это так неожиданно... я всегда дружила с одаренными, но... я была как бы отдельно. Смотрела на них со стороны. — Она сочувственно подмигнула Чарли. — А теперь я одна из них. Честное слово, даже не знаю, что делать с этим — как его? — талантом.

— Уверена, друзья помогут тебе найти ему применение, — Элис едва заметно кивнула Чарли.

Фиделио собрался с духом и спросил:

— Мисс Ангел, а вы ведьма? Колдунья?

— Похоже, что так, — Элис улыбнулась краешком рта. — Но я — белая ведьма. Словом, можете считать меня феей. — Она помрачнела. — Дети, я не хочу вас пугать, но, к сожалению, там, где есть белая ведьма, всегда объявляется и злая, черная.

— И кто это? — спросил Чарли, у которого было в запасе четыре кандидатки в злые колдуньи, — считая бабушку Бон.

— К сожалению, понятия не имею. — Элис поднялась. — Мне пора, — деловито сказала она, — а не то я опоздаю на поезд.

— Вы, правда, уезжаете? — огорченно воскликнула Оливия. Да, свое предназначение здесь я выполнила. — Элис удовлетворенно вздохнула. — Ты справишься, девочка моя. Теперь ты все о себе знаешь, и дальше будет легче.

Оливия вскочила и обняла Элис.

— Спасибо! — сказала она горячо. — Вы просто ангел.

— Мне было так приятно наблюдать, как ты растешь... — ответила Элис.

— Скажите, — остановила ее Эмма, — а та, вторая ведьма, злая, она последует за вами?

Элис пожала плечами:

— К сожалению, и этого я не знаю. До свидания, дорогие мои, может быть, мы еще встретимся.

Она зашагала к выходу из парка и даже не оглянулась, а потом растворилась в тумане, точно ее и не было. Но белые цветы остались лежать на скамье — лилии и розы.

— Подарю маме, — решила Оливия, — она обожает белые цветы.

— Что? — рассеянно спросил Чарли. Его мысли уже переключились на борьбу с Блурами. Ведь теперь в игре появился новый участник. Как бы так половчее применить удивительный талант Оливии?

— Знаешь, лучше пока никому не рассказывать о том, что ты умеешь, — обратился он к Оливии. Потом обвел глазами остальных: — Согласны?

— Секретное оружие! — радостно провозгласил Фиделио.

— То есть никто, кроме нас, не должен об этом знать? Даже Лизандр и Билли? — уточнила Эмма.

— Именно, — кивнул Чарли.

— Хорошо, меня это устраивает. Так спокойнее, — сказала Оливия. — Только, Чарли, какая от меня польза с этими... фокусами?

— Ты бывала в Королевской комнате? — спросил Чарли.

— Да, конечно, меня же сто раз оставляли на выходные — я всю школу облазала.

— Вот и отлично, — Чарли потер руки и принялся вдохновенно излагать свою идею: — План такой. Для начала нам нужно, чтобы Джошуа стал выглядеть отталкивающе — тогда Танкред не будет смотреть ему в рот. А еще лучше, чтобы все одаренные прекратили общаться с Джошуа.

— А я знаю, чего боится Танкред!

— Все знают — пауков, — добавила Эмма и хихикнула.

— Точно. Разберемся с Джошуа, а потом нужно будет, как следует напугать Иезекииля Блура. Этим займусь я.

— Ура! — подпрыгнул Фиделио. — Поразвлечемся на славу! Так им всем и надо! И Танкред одумается!

Глава 20

ВОИН

Дядя Патон убедил Чарли, что устраивать штаб-квартиру на Филберт-стрит — идея, глупее которой не придумаешь. Это все равно, что совещаться в стане врага, сказал он, и посоветовал собраться у мисс Ингльдю. Чарли согласился: ему вовсе не улыбалось, чтобы сестрицы Юбим пронюхали про талант Оливии. Кроме того, всем было известно, что Оливия дружит с Эммой, поэтому сбор компании в книжном магазине не должен был вызвать у врагов никаких подозрений.

Вечером в субботу Чарли и дядя Патон отправились к мисс Ингльдю. Как и предсказывал дядя, бабушка Бон не обратила на них ни малейшего внимания. Старуха полагала, что победа Блурам обеспечена и что Чарли с друзьями усвоили урок. Билли Гриф вновь во власти Блуров, а Чарли под контролем у нее, Гризелды. Чего еще желать?

Фиделио настоял на том, чтобы тоже участвовать в «заговоре», как он выразился, поэтому, когда Чарли с дядей явились в книжный магазин, Фиделио уже сидел на диване между двумя девочками. Чарли плюхнулся на пуфик, дядя Патон удобно устроился в кресле, а мисс Ингльдю, угостив всех печеньем и соком, устроилась на подлокотнике кресла.

Совещание началось.

— Главное — это все сделать вовремя, — веско сказал дядя Патон. — Минута в минуту, иначе наш план провалится. Оливия, тебе ясно?

— Мои часы никогда не отстают! — гордо сказала Оливия, вертя запястьем, на котором поблескивали модные серебряные часы с большим циферблатом-голограммой.

— Чудно. Главное, чтобы ты не забыла на них посмотреть, — не без ехидцы сказал дядя.

— Хорошо, — Оливия смутилась.

— Далее. Важно, чтобы в Королевской комнате каждый занимал свое место. Эмма, будь добра, нарисуй для Оливии схему и обозначь,

кто, где обычно сидит.

Эмма принесла блокнот и карандаш и взялась за дело.

— Чарли, вы с Эммой должны проследить, чтобы все расселись по местам. Оливии в Королевской комнате не будет, а ей необходимо представить себе все в точности. Понятно?

— Да, — ответил Чарли, следя, как карандаш Эммы проворно порхает по бумаге.

— Хорошо. Идем дальше... Совещание продолжалось еще с полчаса, а потом за Фиделио приехал Феликс Дореми. Чарли с дядей отправились домой пешком. Решено было, что Оливия переночует у Эммы — ей требовалась кое-что подготовить, и мисс Ингльдю водрузила перед девочкой целую гору иллюстрированных книг по истории.

— Надеюсь, Блуры ни о чем не догадаются, — сказал Чарли, поднимаясь на крыльцо дома номер девять.

— Куда им, — уверенно ответил дядя Патон. — Воображения не хватит.

В понедельник, согласно плану, всем участникам заговора надлежало ходить мрачнее тучи. Чарли заметил, что Фиделио взбудоражен, и напомнил ему о конспирации.

— Да я всегда такой, — отмахнулся Фиделио. — И вообще, я же не из одаренных, так что не обязан вешать нос.

Чарли согласился, но подумал о Лизандре и тоже занервничал. Африканца в суть плана не посвятили, и теперь Чарли думал, что надо бы его предупредить, а то еще наломает дров — не с перепугу, а от неожиданности. К несчастью, у него никак не получалось переговорить с Лизандром наедине, а время шло. Настал вечер, пора было идти готовить уроки в Королевскую комнату, и отчаявшийся Чарли нарочно вышиб у Лизандра стопку книг, спускаясь по лестнице.

— Ну, ты и слон! — проворчал Лизандр и присел на корточки, чтобы собрать учебники.

— Ой, извини, я нечаянно! Давай помогу. — Чарли присел рядом и быстро прошептал: — Имей в виду, сейчас кое-что случится.

— Что?

— Тс-с! С Джошуа. Танкред перепугается, но ты имей в виду — то, что появится, будет понарошку. Иллюзия.

— Но что?.. — начал Лизандр.

— Вы долго будете тут торчать? — сердито спросила Доркас Мор с верхней ступеньки. — Хотите, чтобы я прошла по вашим глупым головам?

— Успокойся! — сказал Лизандр, выпрямляясь. — Уже идем.

Очутившись в Королевской комнате, Чарли первым делом огляделся. Ура, все сидели, как в прошлый раз! Значит, схема, которую Эмма нарисовала для Оливии, верна. При виде Азы Пика, изукрашенного синяками и ссадинами, Чарли подавил смешок. Знай наших! Нечего было соваться к Дореми! Усевшись рядом с Эммой, Чарли попробовал поймать ее взгляд, но девочка уткнулась в учебник и не поднимала глаз. Ее волнение передалось Чарли.

Теперь все зависело от Оливии.

В тишине был слышен лишь шелест страниц, шорох ручек по бумаге да изредка — поскрипывание стульев.

Как обычно, мерно тикали часы.

Алый король, как всегда, смотрел на Чарли с портрета, и все же — мальчик не знал, кажется ему это или нет, — но глаза государя сегодня как будто были живее и корона блестела ярче.

— Король тебе не поможет, Бон. Хватит отвлекаться, — раздраженно сказал Манфред.

Ничего не поделаешь, пришлось отвести глаза. Аза подобострастно хихикнул, а Джошуа направил на Танкреда свою неотразимую улыбку.

Шлеп!

На раскрытую тетрадку Чарли упала крупная дождевая капля.

Шлеп-шлеп!

Чарли поспешно переложил тетрадку на колени — и вовремя, потому что на столе сразу образовалась целая дождевая лужа. Мальчик промокнул ее рукавом свитера и поморщился: рукав тут же отсырел.

— Прекрати, Танкред!

В ответ Танкред поднял бровь — и в лицо Лизандру полетела целая кипа бумаг.

«Ну же, Оливия, что ты копаешься, — подумал Чарли, — Заснула, что ли? Действуй!»

Но Оливия, которая находилась далеко от Королевской комнаты, почему-то медлила. Между тем у Эммы потекла ручка — прямо на тетрадную страницу, исписанную каллиграфическим почерком. В

мгновение ока чернильные кляксы покрыли не только тетрадь, но и руки и даже лицо Эммы. Ясно было, кто это постарался, — близняшки Бранко не сводили с Эммы пристальных взглядов.

— Перестаньте! — прикрикнула на них Эмма.

Доркас злорадно расхохоталась и пихнула сияющего Джошуа локтем. А потом вдруг ойкнула и шарахнулась от него, чуть не опрокинув стул.

По белокурой голове Джошуа неторопливо полз мохнатый черный паук. Вот и еще один — на плече. При виде пауков Танкред с воплем вскочил и кинулся к двери.

— Ты что, спятил, Торссон? — заорал ему вслед Манфред.

Джошуа скосил глаза на собственное плечо, и улыбка мгновенно исчезла с его лица. Он застыл: по его плечам шествовала целая армия пауков. Мальчик-магнит попытался стряхнуть их, но тщетно. С каждым его движением пауков становилось все больше, и все туловище Джошуа покрылось шевелящейся мохнатой массой. К тому же из ушей у него поползли жирные гусеницы, а из-за манжет рубашки — черви.

Оливия решила действовать наверняка, понял Чарли, преодолевая дрожь брезгливости. Рядом с ним раздалось громкое «мамочки» — Эмма тоже не выдержала.

Стены Королевской комнаты задрожали от визга. Отталкивая друг друга, сторонники Манфреда кинулись к двери. Джошуа споткнулся и растянулся на полу, а близняшки Бранко промчались по нему, точно он был ковриком. Пауки перебрались на пол. Доркас с воплем вскочила на стул. Танкред отчаянно дергал ручку двери и панически оглядывался на Джошуа. По комнате то и дело проносились порывы штормового ветра. Все учебники, ручки и тетрадки давно попадали на пол. Наконец дверь подалась и перепуганные одаренные высыпали в коридор. Чарли с Эммой, как и Лизандр, конечно, знали, что пауки — это иллюзия, но черви с гусеницами их добили, поэтому вопили они вполне искренне.

Манфред, как самый старший, держался до последнего, но, когда пауки на полу стали расти, и достигли размеров хорошей крысы, и он выскочил в коридор и захлопнул дверь.

Хуже всех пришлось Танкреду: громовой мальчик будто обезумел. Он неся по коридору подальше от Королевской комнаты, спотыкаясь

и не разбирая дороги. Теперь буря бушевала уже по всей академии — дрожали и звенели от ветра стекла, дождь с градом сыпался на всех без разбору, под потолком проносились свинцовые грозовые тучи, то и дело откуда-нибудь шарахала фиолетовая вилка молнии. В холле стояли глубокие дождевые лужи, и весь персонал школы во главе с Уидоном носился туда-сюда, пытаясь собрать воду швабрами, тряпками и ведрами.

Чарли натянул на голову свитер, чтобы прикрыться от крупного града, и побежал в столовую. Тут было темно, но глубоко под землей что-то гудело и гроыхало. Пол ходил ходуном, словно палуба корабля в шторм, столы и стулья подпрыгивали, потом поехали по полу, стучась друг о друга.

Внезапно все стихло, и наступила прямо-таки оглушительная тишина.

Из кухни вышла кухарка с зажженной свечой в руке.

— Это ты, Чарли? — она взгляделась в темноту.

— Он самый. Вы как? Вас не ушибло?

— Не волнуйся. Вы молодцы. Не знаю, как вы этого добились, но равновесие сил восстановлено, — радостно сказала кухарка. — Теперь у меня в комнатах опять ровный пол. Правда, все чашки побились, но это не беда. Они мне все равно надоели.

— Здорово! — оживился Чарли. — Я не про чашки, конечно, а про равновесие. Извините, мне надо бежать.

— Беги! Теперь все будет хорошо, — напутствовала его кухарка.

Наверху, в холле, классах, коридорах и галереях, паника достигла пика. Град не прекращался и мешал убирать, потому что градины величиной с горошину преобильно жалили всех уборщиков. И вдруг, в самый разгар суеты, кто-то грозно заколотил в парадную дверь. Завхоз Уидон от растерянности забыл спросить «кто там» и впустил незваного гостя.

Высокая фигура в черном плаще оглядела холл и поглубже надвинула на голову шляпу, по полям которой стучал град.

— Мне нужен мистер Иезекииль Блур, — звучно объявил посетитель.

— К нему нельзя! — возразил Уидон. — Посторонним вход запрещен.

— Глупости! — отмахнулся дядя Патон, легко отодвинул Уидона с дороги и зашагал в западное крыло академии.

Из театральной раздевалки на секунду высунулась хитрая мордочка Оливии. Девочка глянула на часы и юркнула обратно.

Старик Иезекииль и директор школы мирно пили глинтвейн в той самой комнате, где Билли Гриф не так давно подписал злосчастный договор, подсунутый Флоренс де Грей. Сюда, на верхний этаж западного крыла, буря, поднятая Танкредом, не докатилась и шум не долетал, поэтому злодеи понятия не имели, какая свистопляска творится внизу. Они устроились у окна и любовались закатом. Билли Гриф сидел за столом и, вздыхая, готовил уроки.

Когда на пороге комнаты выросла высокая фигура Патона Юбима, доктор Блур вскинулся как ужаленный.

— Какого лешего вы сюда явились, Юбим? — прорычал директор.

— Принес кое-какие документы — вам на подпись, — деловито сказал дядя Патон.

— Что еще за документы? — прокаркал Иезекииль. — Мы вам ничего не должны!

— Дело касается Билли Грифа, — спокойно объяснил дядя Патон. — Вы должны дать ему письменное разрешение проводить выходные и каникулы, с кем и где он пожелает.

Билли поднял голову от учебника и замер, прижав руки к груди, как суслик у норки.

— Вы что, спятили? — ощерился директор.

— Отнюдь нет. Благоволите подписать здесь и вот здесь. — Дядя Патон невозмутимо выложил на стол бумаги и показал, где поставить подпись.

— С какой стати вы вбили себе в голову, будто мы это подпишем? — Доктор Блур фыркнул и отпихнул оба листа.

Дядя Патон неторопливо погладил подбородок.

— У меня есть все основания полагать, что подпишете, — сказал он. — Мистер Блур, ваш дедушка, насколько мне известно, недавно провел некий эксперимент.

Старик Иезекииль втянул голову в плечи, как черепаха, и глаза у него трусливо забегали.

— И что с того? — нелюбезно спросил директор.

— Думаю, вам доставит удовольствие узнать, что эксперимент увенчался успехом. Если бы, правда, не пикантная подробность. — Дядя Патон выдержал эффектную паузу. — Существо, которое вы вызвали к жизни, теперь полностью подчиняется мне.

— Но... как? Почему? — прохрипел старик.

— Докажите, — потребовал доктор Блур. — С превеликим удовольствием, — кивнул дядя Патон и распахнул дверь.

Оливия постаралась на славу — у нее и впрямь было живое воображение.

Бум! Бум! Бум!

В дверном проеме возник гигантский всадник на черном боевом коне. Конь вращал налитыми кровью глазами, с его удил капала слюна, мощные копыта оставляли на полу вмятины, а под атласной шкурой перекачивались могучие мускулы. Всаднику в доспехах и шлеме с забралом пришлось пригнуться, чтобы въехать в комнату. Когда же воин распрямился, старик Иезекииль сипло охнул и осел в своем инвалидном кресле в глубоком обмороке.

Дядя Патон чуть не крикнул от удовольствия. Видно было, что Оливия старательно изучила те книги по истории, которые ей подобрала мисс Ингльды. Доспехи всадника впечатляли, особенно серебряный шлем. Этот шлем, украшенный хищным клювом, прикрывал верхнюю половину лица и оставлял на виду только густую черную бороду. Кожаные перчатки всадника и его доспехи были весьма реалистично заляпаны кровью, и немудрено — в руке воин держал даже не меч, а грозный окровавленный топор.

— Вот вы где! — чудовищным басом прорычал всадник, занося топор.

Билли пискнул и изготавился прятаться под стол, но дядя Патон, улучив момент, заговорщицки подмигнул ему, и малыш прирос к стулу.

— Г-г-где п-п-подписывать? — проблеял доктор Блур.

Дядя Патон, скрывая довольную улыбку, сунул в его дрожащие пальцы ручку и ткнул в документ:

— Вот и вот. Дважды, пожалуйста, — за себя и за мистера Иезекииля. Ему, по-моему, не до подписей.

Директор трясущейся рукой подписал документы и уронил голову на стол.

— Так. Еще один обморок! — констатировал дядя Патон и повернулся к всаднику: — Благодарю вас, принц, вы свободны.

Он махнул жуткому привидению рукой, и оно постепенно растаяло в воздухе, но напоследок воин отсалютовал дяде Патону топором, а конь поклонился — Оливия не удержалась и схулиганила.

— Что это было? — севшим от страха голосом спросил Билли.

— Иллюзия, — прошептал дядя Патон и погладил мальчика по голове. — Сбегай-ка за нашатырным спиртом или приведи кого-нибудь из лазарета. Увидимся в пятницу, малыш.

Чарли поджидал дядю в холле. Буря, к счастью, стихла, и все были заняты уборкой.

— Ну как? — выпалил Чарли.

— Все хорошо, прекрасная маркиза! — пропел дядя и помахал бумагами. — Сработало. Передай Оливии, что она молодчина.

— Ура! — во весь голос завопил Чарли, презрев правило молчания в холле: уборщики подняли такой гвалт, что можно было забыть о школьном уставе. — Ай да мы! Дядечка Патон, я побегу найду Билли, надо же ему сообщить!

— Он уже все знает, — улыбнулся дядя. — Все.

Глава 21

СУДЬБА ПЛЕННИКОВ

Субботним утром Патон Юбим сидел в машине, припаркованной на стоянке у городской больницы. День был сумрачный, собиралась гроза, но это была самая обычная гроза, не имевшая ничего общего с Танкредом Торссоном, который в это время мирно смотрел футбол со своим другом Лизандром.

Как всегда на людях, дядя Патон был в темных очках. Однако когда взгляд его упал на некий газетный заголовок, он вздрогнул так, что очки съехали у него с носа.

Газетная заметка касалась городка, где дядя Патон провел детство, — места, которое он вспоминал не иначе как с ужасом.

Сегодня в Йорвинде настоящий праздник, — гласила заметка. — Утром во вторник школьный учитель Танталиус Райт и почтальон Винсент Мармор, которые вот уже три недели числились в пропавших без вести, неожиданно вернулись домой. Они сообщили нашему корреспонденту, что все это время находились в плену в замке Юбим, который с давних пор пользуется самой дурной репутацией из-за своего мрачного прошлого. Оба пленника утверждают, что в плену их держала какая-то неведомая сила, а не конкретное лицо, что оба они находились под гипнозом, не могли ни двигаться, ни говорить и ощущали, будто их сознание блуждает неизвестно где. Обоим снились одинаковые сны, в которых мистера Райта и мистера Мармора якобы окружали толпы детей в разноцветных плащах. Поразительно, но сновидения обоих пленников совпадают до мельчайших подробностей.

— Силы небесные! — Дядя Патон водрузил очки обратно на нос.

Мистер Райт утверждает, что они оба находились под гипнозом такой силы, что не нуждались ни в пище, ни в питье. Своего тюремщика пленники не видели, хотя иногда слышали отдаленные

шаги и голоса, один из которых, кажется, напевал. Мистер Мармор полагает, что в замке был или до сих пор есть еще и третий пленник.

Во вторник утром мистер Мармор и мистер Райт внезапно ощутили, что освободились от гипноза.

«Вдруг все прошло, — рассказывает мистер Мармор. — Мы смогли двигаться и говорить, нашли выход и бежали из замка. К сожалению, найти третьего пленника нам было некогда и я не знаю, какая участь его постигла».

Разумеется, полиция обыскала замок Юбим, но не нашла в нем ни единой живой души. Замок, как и раньше, выглядит заброшенным.

— Силы небесные... — повторил дядя Патон.

В машине он сидел потому, что ждал племянника и его друзей, навещавших Габриэля Муара, а внутрь не пошел по той простой причине, что в больнице даже днем полно включенных лампочек и других электроприборов.

У входа в палату Чарли, Билли, Фиделио, Эмма и Оливия столкнулись с дежурной медсестрой.

— Вас пятеро? — спросила она. — Слишком много. Я впускаю только троих.

— Лив, давай подождем в коридоре! — предложила Эмма.

— Конечно, — весело сказала Оливия. — Очень мне надо любоваться на ораву больных мальчишек. Они и здоровые невыносимы. — Оливия тряхнула волосами, свежевыкрашенными в розовый цвет. В оранжевой юбочке, серебристой майке и на каблуках она вновь выглядела прежней неугомонной Оливией.

— Ну, в таком случае здоровые мальчишки тоже убираются с ваших глаз долой, — насмешливо отозвался Фиделио и первым вошел в палату.

Габриэль чувствовал себя лучше — он уже мог сидеть на койке, но выглядел страшно осунувшимся и бледным. При виде друзей он улыбнулся и слабо помахал рукой. Чарли с Билли почувствовали себя неловко и смущенно топтались подле него, а Фиделио бодро спросил:

— Ну, как ты тут, поправляешься?

— Стараюсь, — кисло ответил Габриэль. — Не люблю я больницы. Чистота, тишина, тоска смертная.

— Кто ж их любит, — заметил Чарли.

Билли судорожно рылся в карманах. В пятницу, как только его выпустили из академии, Билли первым делом помчался в «Зоокафе» — забирать горячо любимую крысу по имени Босх. Первые выходные на свободе он решил провести у Чарли, который предупредил его, что Босха придется прятать, иначе он попадет бабушке Бон в суп. Так что теперь Босх сидел у Билли за пазухой, а в кармане мальчик искал хомячка.

Идею принести хомячка в больницу подала миссис Муар — она решила, что это подбодрит Габриэля. «А ты переведешь ему, что говорит хомячок», — попросила она Билли. Тому ничего не оставалось, как согласиться, хотя в глубине души Билли был твердо убежден, что по сравнению с умными крысами хомяки — просто никудышные собеседники. И вот теперь Билли торжественно высадил хомячка на белоснежное одеяло.

— Рита! — воскликнул Габриэль и, просияв, посадил хомячка себе на плечо. — Лапочка ты моя! Умница!

Рита запищала.

— Что она говорит, Билли? — нетерпеливо спросил Габриэль.

Билли замялся: Рита бранилась. В частности, она не понимала, зачем ее утащили из дому и принесли неизвестно куда, где так противно пахнет.

— Говорит, что очень тебя любит, — решил соврать Билли.

— Риточка, ты лучший хомячок на свете! — растрогался Габриэль.

Мальчишка на соседней койке, у которого нога была в гипсе, заметил Риту и заверещал как резаный:

— Крыса! Позовите медсестру! У него крыса! Билли схватился за рубашку, но Босх смирно сидел за пазухой. Крысой обозвали Риту.

— Где крыса? Какая крыса? — грозно спросила медсестра, вплывая в палату.

Схватив Риту, Билли пулей пронесся в коридор мимо медсестры.

— Где она?

— Дайте поддержать!

— Лови ее! — неслось из палаты. Чарли, Билли и Фиделио улепетывали по коридору, а за ними спешили недоумевающие девочки.

И вслед им неся громкий, веселый хохот Габриэля.

КОНЕЦ